

Михаил Сергеевич Колесников.
Таким был Рихард Зорге

В книге об отважном советском разведчике Рихарде Зорге рисуется обстановка целого десятилетия (1934-1944 гг.), в которой действовала антифашистская организация Рихарда Зорге, защищавшая интересы Советской страны.

Автор на основе документального материала показывает драматические ситуации разведывательной деятельности этой организации в Японии, создает яркий образ бесстрашного человека, кристально чистого коммуниста, патриота нашей Родины - Рихарда Зорге.

Эта книга - результат усилий не только автора М. Колесникова, но и целого коллектива журналистов, переводчиков, работников архивов. Используются воспоминания соратников Зорге, людей, близко знавших его.

Издательство просит читателей присылать свои отзывы об этой книге и предложения по адресу:

Москва, К-160, Военное издательство.

<h2>ОПЕРАЦИЯ "РАМЗАЙ"</h2>

Чиновники немецкого посольства в Токио переживали трудные дни: всего несколько месяцев назад президент Германии Гинденбург назначил рейхсканцлером Гитлера - "богемского ефрейтора", "маляра из Браунау", человека с весьма сомнительным прошлым, который до весны 1932 года не был даже немецким гражданином. Веймарская республика пала, к власти пришли наци.

В затхлый мирок посольства и всей немецкой колонии ворвалось что-то тревожащее, грозное. Вести приходили чудовищные: поджог рейхстага; в тюрьмы и концентрационные лагеря брошено почти семьдесят тысяч граждан; Гитлер наделен чрезвычайными полномочиями; все партии, кроме национал-социалистской, запрещены; на площади Оперы в Берлине сожжены сотни тысяч книг...

Отсюда, из Японии, казалось, что там, в Берлине, все сошли с ума. События развивались с ужасающей стремительностью. На приеме, организованном для аккредитованных в Германии американских и английских журналистов, Гитлер открыто заявил, что между коммунизмом и Германией не может быть компромисса и что Германия будет целиком занята поисками "жизненного пространства" на востоке Европы. Розенберг помчался в Лондон и на интимном обеде, устроенном в его честь консерваторами, изложил план "уничтожения большевиков с полного одобрения и по поручению Европы".

Но больше всего сотрудников посольства встревожили слова Геринга, заявившего не так давно в прусском ландтаге: "Кто завоевал должности, тот и будет ими владеть!" Сказано прямолинейно. Распространяется ли заявление на чиновников министерства иностранных дел? Каждый беспокоился лично за себя, за свое местечко. Над Токио дрожит синее-синее небо, курортный сезон в разгаре; в воскресные дни почти вся немецкая колония выезжает на фешенебельный морской курорт Камакуру. И даже как-то не верится, что там, в фатерланде... Напрасно посол доктор Герберт фон Дирксен старался успокоить приунывших

чиновников. Никто не чувствовал твердой почвы под ногами. Даже сам фон Дирксен.

Немецкая колония в Токио насчитывала около двух тысяч человек. Кроме посольских сюда входили представители различных германских фирм, например служащие фирмы "Иллиенс и К^o", владельцы ресторанов и кабае, дельцы, коммивояжеры, врачи, семьи офицеров, стажирующихся в японских войсках, работники торгпредства, сотрудники Германского информационного агентства - ДНБ.

Вся эта разношерстная публика разделилась на три лагеря: на скептиков и хулителей нового режима, на нейтральных и на откровенно фашиствующих. Последние превратили ранее безобидный немецкий клуб, какие создаются в любом иностранном государстве, где оказываются вместе хотя бы три немца, в центр идеологической обработки членов колонии, стали устраивать здесь собрания, вечера. Прежний уют в клубе, когда можно было, не задумываясь о политике, пить пиво, есть сосиски и неторопливо играть в скат, растворился в истерических выкриках наци, в шумных партийных собраниях.

Иногда из Нагои приезжал в Токио проведать жену стажер германской армии в японских войсках некто подполковник Эйген Отт. Для всех он был загадочной фигурой. Говорили, якобы Отта прочат в помощники военного атташе, что было маловероятно, так как армейский офицер есть армейский офицер, и дипломат из него, разумеется, не получится. В Японию Эйген Отт приехал не так давно. Оставил молодую жену под присмотром посольских дам, а сам помчался в Нагою в артиллерийский полк исполнять воинский долг. Когда в воскресные дни Отт делал набеги на Токио, то сильно напивался, поносил "богемского ефрейтора" и старался вызвать на откровенность других. Его сторонились, не без основания считая абверовцем - военным разведчиком. Да и кем еще мог быть стажер в иностранных войсках? Он сам распустил о себе слух, что будто бы высокопоставленные покровители из генерального штаба постарались отправить его подальше от третьего рейха, спасая от возможных неприятностей. Но в это мало кто верил. Каждый держал язык за зубами, не зная, как повернутся события. Информации английских, французских и американских газет и верили и не верили. Газеты третьего рейха изображали все события в радужных тонах. Всех приезжающих из Германии в посольстве встречали с болезненным интересом. Хотелось получить новости из первых рук, расспросить очевидца.

Вот почему, когда 6 сентября 1933 года в строгих залах посольского особняка появился прибывший "оттуда" аккредитованный в Японии корреспондент германских газет "Франкфуртер цейтунг", "Берзен куир" и голландской "Амстердам хандельсблад" Рихард Зорге, доктор государственно-правовых наук, все потеряли дипломатическую сдержанность. Всего несколько часов назад корреспондент сошел с океанского лайнера в Иокогамском порту, а очутившись в Токио, конечно же, первым делом направился в германское посольство, чтобы официально зарегистрироваться. Он вовсе и не ожидал, что к его скромной особе будет проявлен столь бурный интерес. Впрочем, он скоро сообразил, что сотрудников интересует не его особа, а события на родине. Посыпались вопросы. Некоторые носили явно провокационный характер. Зорге отвечал спокойно, обстоятельно. В фатерланде ничего особенного не произошло, все остается по-прежнему. Стоит ли придавать значение мелким беспорядкам, которые неизбежны в подобной ситуации?..

Он был высок, строен, красив, одет со вкусом, этот доктор Зорге. Все изобличало в нем человека утонченного, воспитанного. Он не старался произвести эффект, оглушить сенсацией. Но каждое слово его звучало весомо, угадывалась широкая осведомленность; даже неискушенный мог догадаться, что послан он сюда не случайно и, возможно, с особыми полномочиями. Не навязчиво, не прямолинейно, а своим рассудительным тоном, рассказами о пустячках из быта третьего рейха, мягким юмором, которым была окрашена его речь, он сумел внести успокоение в массу посольских чиновников.

Зорге сразу разгадал этих людей: они придавлены страхом. И теперь, после расспросов, каждый решил, что в Токио приехал очень обаятельный, милый человек. Голубые глаза его с прищуром смотрят весело, уверенно, движения неторопливы, скупы. Так может вести себя в незнакомой обстановке только сильный человек, хозяин положения. Да он и был хозяином положения, так как знал, с кем имеет дело: все те же немецкие чиновники, зараженные великогерманской амбицией, реакционные, агрессивные, трусливые и аполитичные приспособленцы, соглашатели. А беспринципность, соглашательство, приспособленчество, как известно, синонимы слова "оппортунизм". Позже бывший германский дипломат В. Путлиц охарактеризует этих людей так: "Среди всего чиновничества Веймарской республики не было группы более далекой по своим взглядам от общественного развития и потому более подверженной оппортунизму, чем высшее чиновничество министерства иностранных дел".

Приглашенный послом Дирксеном в кабинет, корреспондент Зорге заговорил более откровенно. Он извлек из кармана рекомендательные письма в министерство иностранных дел Японии, визированные крупными чиновниками японского посольства в США. Среди документов были рекомендации к высокопоставленным японским дипломатам Тосио Сиратори и Кацудзи Дебути. Дирксену этого было больше чем достаточно. Зорге коротко изложил цель своего приезда в Японию: ему как журналисту надлежит установить самый тесный контакт с японским МИДом. Германскому правительству нужна обстоятельная информация о политических настроениях в Японии по всем каналам, и тут газетчикам принадлежит не последнее слово. Очень тонко, почти инсказательно, Зорге намекнул на возможность в ближайшее время более тесных отношений между третьим рейхом и страной восходящего солнца.

Когда посол стал расспрашивать о Берлине, Зорге попытался придать объективность своему рассказу, объясняя действия нацистов необходимостью. Потом показал еще один документ: справку, подтверждающую чистокровное арийское происхождение гражданина третьего рейха Рихарда Зорге. Вскользь заметил: готовится закон, устанавливающий, что заниматься журналистикой и вообще литературной деятельностью могут лишь лица арийского происхождения, имеющие немецкое гражданство. Да, об этом он слышал от начальника прессы имперского правительства Функа. Случилось так, что перед отъездом Зорге в Японию нацистский пресс-клуб в Берлине дал в честь его обед, на котором присутствовали Функ, Геббельс и начальник иностранного отдела нацистской партии Боле.

Нет, доктор Зорге не хвастал высокими знакомствами. Он упомянул о них лишь для того, чтобы лучше передать атмосферу в Берлине, и посол это понял. Он знал, что глава министерства пропаганды Геббельс благоволил к "Франкфуртер цейтунг", а Зорге был представителем этой

газеты и тем самым как бы возвышался над другими немецкими борзописцами, входящими в ДНБ. Фон Дирксен понял, что имеет дело не с рядовым журналистом, а с человеком, которого считают своим в правительственных кругах, с человеком широко информированным. Как о чем-то общеизвестном, Зорге говорил о поездке Розенберга в Лондон, о встрече Гитлера с американскими банкирами Олдричем и Манком, состоявшейся месяц назад.

На Дирксена Зорге произвел выгодное впечатление. Посол посоветовал ему наведываться иногда в посольство и к нему лично. Для начала Зорге получил приглашение на обед.

А впереди были визиты руководителю ДНБ, представителям служб информации различных министерств, знакомства с иностранными пресс-атташе, пресс-конференции...

Вернувшись в номер гостиницы "Мегуро", Зорге глубоко задумался. На размышления навел маленький обрывок газеты: в номере кто-то побывал, кто-то рылся в чемоданах немецкого журналиста. Старались не оставить следов. Но они, по-видимому, не догадывались, что имеют дело с человеком обостренной наблюдательности. Дорожный транк-чемодан вскрывали. Оторвался маленький кусочек газеты, которой были прикрыты вещи. Кто-то интересовался содержимым транка. Кто?..

За годы разведывательной службы Рихард привык наблюдать за собой как бы со стороны. Так было в Шанхае, так было в нацистской Германии. Теперь, стоя у открытого окна, он анализировал каждый свой шаг за сегодняшний день. Достаточно ли естественно вел он себя? Естественность и простоту Зорге считал нормой поведения разведчика. Он ненавидел всякую таинственность. Его можно было бы уподобить ученому-натуралисту, который во всеоружии современных знаний отправляется в дикие джунгли, где на каждом шагу подстерегает опасность. Он с полным правом мог сказать о себе: "Во мне проснулась страсть исследователя, страсть, которая уже больше никогда не покидала меня". Да он и был ученым, исследователем. Только ему всегда приходилось пробираться через самые опасные джунгли - через джунгли запутанных человеческих отношений. Здесь каждый неверный шаг может привести к катастрофе. Нужна особая бдительность, мозг должен бодрствовать беспрестанно.

Да, сегодня корреспондент Зорге вел себя весьма естественно. С фон Дирксеном проявлял холодную, сдержанную откровенность. Он понял этого чопорного, суховатого чиновника. С таким следует вести себя осмотрительно, ненавязчиво. Доктор Дирксен и доктор Зорге уже почти нашли общий язык, но до их сближения еще далеко. Инициатива должна всегда исходить от доктора Дирксена, доктору Зорге остается терпеливо ждать. Доктор Дирксен неизбежно придет к Рихарду Зорге, в противном случае советскому военному разведчику нечего делать в немецком посольстве. Но путь к черствому сердцу посла очень извилист, полон препятствий. Старый оппортунист не имеет прочных политических убеждений. Во имя карьеры и обеспеченной жизни он готов служить кому угодно, будь то Гинденбург или же наци. Наци оказались сильнее - и Дирксен целиком на их стороне. Япония ему надоела, он мечтает о Европе. Но час его еще не настал.

До приезда Рихарда Зорге в Японию Дирксен не имел о нем ни малейшего представления - и в этом была слабость посла. Советский разведчик заблаговременно изучил досье на Дирксена, знал, с кем

придется иметь дело, - и в этом была сила Зорге. Он изучал посла, как изучают инфузорию под микроскопом.

Начало как будто неплохое. И все же ощущение неблагополучия, тайной опасности не покидало Рихарда. Час назад он пережил сильное нервное потрясение: повстречался с женой стажера Отта. Лицо показалось знакомым. "Рихард Зорге! - воскликнула она. - Какими судьбами? Вы несколько не изменились..." Эту даму он, в самом деле, встречал раньше в Германии. Тогда она строила из себя "красную", а теперь вышла замуж за абверовца. "Вы ошиблись, фрау Отт, я все-таки сильно изменился, - сказал Рихард сурово. - Мои старые добрые друзья Геббельс и Функ наконец-то нашли достойное применение моим способностям: я аккредитован здесь от "Франкфуртер цейтунг"!" Она побледнела. По-видимому, решила, что раньше, в те смутные годы, Зорге был провокатором в рабочей организации. Теперь, очутившись здесь, он может припомнить все, что она тщательно скрывала даже от мужа. Наконец она справилась с минутной растерянностью, протянула руку и произнесла кокетливо: "Надеюсь, мы останемся приятелями. Пусть прошлое останется прошлым. Стоит ли его ворошить?.." Он пожал эту маленькую холодную руку, улыбнулся, пообещал: "На меня можете положиться. Жизнь - сложная штука".

С фрау Отт все как будто улажено. Намечается еще одно знакомство. Как к нему отнестись?

Сегодня секретарь посольства фрейлейн Гааз что-то пристально вглядывалась в лицо Рихарда. Уж не встречались ли они раньше? Он посмотрел на нее открыто, без улыбки, и фрейлейн смутилась. Рихард тоже застеснялся, рассмеялся и уже доверительным тоном сказал, что новичку в этом азиатском городе на первых порах придется туго без хорошего гида. Неожиданно фрейлейн пожаловалась на скуку здешней жизни. Тогда он все понял и успокоился. Этот вариант следует обдумать. Легкий флирт не помешает. Нужно иметь своих людей в посольстве, где пузатые сейфы до отказа набиты государственными тайнами... Его жизнь была подчинена одной идее, и то, мимо чего в другой раз он прошел бы без внимания, приходилось брать на вооружение, использовать с максимальной пользой для этой идеи.

Ему припомнилась японская пословица: "Принимаясь за большое дело, помни о мелочах". О мелочах нужно заботиться беспрестанно: например, отдать белье в стирку, привести в порядок костюмы. Прежде всего - респектабельный вид... Шкатулка набита визитными карточками, отпечатанными еще в Германии. Дипломаты любят лоск. У каждого общественного круга своя обрядность, и если вы хотите казаться своим, то должны быть посвящены во все тонкости ритуала, знать заповеди элегантности, дабы своим видом не шокировать окружающих. От человека с дурными манерами сразу же отворачиваются, и тогда все его планы обречены на провал. Безукоризненный вкус - вот чем можно покорить этих пустых, самовлюбленных людей, считающих себя "особой породой". Необходимо сразу же вступить в токийскую ассоциацию иностранных корреспондентов... Проникновение в общество - наука хоть и пустая, но сложная. Здесь Зорге был в своей стихии. Он обладал личным обаянием, чувством юмора, умел читать мысли других.

Однако Зорге понимал, что всего этого мало, чтобы держаться на поверхности. У каждого разведчика есть своя "легенда". Сюда включается и его прошлое. С точки зрения властей, прошлое должно быть

"безупречным". Прошлое - та ниточка, дернув за которую можно легко разрушить с великими усилиями возводимое здание. Это как в пьесах Ибсена. Прошлое неумолимо стоит за вашей спиной. Достаточно какому-нибудь дотошному гестаповцу заинтересоваться прошлым Рихарда Зорге, извлечь из пыльных архивов его полицейское "Дело" - и все полетит к черту! Прошлое Рихарда Зорге там, в Германии.

И не только в Германии...

...Зорге стоял у раскрытого окна. Город утопал в вечернем золотистом мареве. Громоздились дома безликой архитектуры и дома в стиле "Азия над Европой" - каменные коробки с колоннами, увенчанные прогнутыми крышами; под сенью гигантских криптомерии угадывались силуэты храмов и кумирен. Улицы были запружены пешеходами, дженерикшами, автомобилями. Сновали продавцы всякой снедью, доносились их резкие выкрики и звуки трещоток. Мужчины в пиджачных парах и котелках о чем-то оживленно разговаривали; постукивали по тротуару сандалиями-дзори женщины с высокими затейливыми прическами, одетые в кимоно с широким поясом - оби; сухощавый старик в грибовидной шляпе переносил в корзинах на коромысле весь свой домашний скарб и... детей.

Это была Япония - страна давней мечты Рихарда. Он знал ее не только по романам Пьера Лоти и по справочникам. Несколько лет посвятил он изучению ее экономики, истории, культуры, владел японским языком, разбирался в структуре хозяйства, мог рассуждать о концентрации производства; не были для него тайной и взаимоотношения монополий, а также все нюансы политики, проводимой правящими кругами. Важнейшими органами японской абсолютной монархии являлись совет старейшин - Генро, тайный совет и кабинет министров, состоящий из премьер-министра и тринадцати министров. Военного разведчика Зорге интересовала не экзотика, а политика. Так же хорошо знал он и Китай, владел несколькими диалектами китайского языка. В Японию приехал крупный востоковед. "Уровень моих познаний, необходимых для работы в Японии, - писал позднее Зорге, - был нисколько не ниже того, что давали германские университеты. Я разбирался в экономике, истории, политике европейских стран; в течение трех лет пребывания в Китае я изучил его древнюю и новую историю, его экономику и культуру, провел широкие исследования политики этого государства. Еще будучи в Китае, я взялся за написание нескольких статей о Японии, с тем чтобы составить о ней общее представление. Следует заметить, что, занимаясь этим предварительным изучением Японии, я рассматривал все вопросы с марксистской точки зрения. Может быть, мои читатели не согласятся со мной, но лично я убежден, что марксистский подход к изучению страны со всей необходимостью требует анализа ее основных проблем в области экономики, истории, социальных проблем, политики, идеологии и культуры..."

Он мог бы с успехом вести несколько курсов на кафедре, стать почтенным ученым, обрасти учениками и последователями. Мог бы... Если бы его активная натура не требовала немедленного действия на благо людей. А высшим благом были мир и безопасность социалистического государства. Ради этого стоило отказаться от кабинетной жизни ученого, рисковать собственной головой. "Если бы мне довелось жить в условиях мирного общества и в мирном политическом окружении, то я бы, по всей вероятности, стал ученым. По крайней мере, я знаю определенно - профессию разведчика я не избрал бы".

Он горячо любил и глубоко ненавидел.

Где-то среди шести миллионов токийцев затеряны его радисты Эрн и Бернгард, журналист Бранко Вукелич. С Вукеличем они встретятся на первой же пресс-конференции. Бранко приехал в Токио еще в феврале. Приехал с женой датчанкой Эдит и пятилетним сыном.

От сознания, что Бранко, Эрн, Бернгард где-то рядом, Рихард не испытывал больше гнетущего одиночества. Когда будет создано ядро организации, от него потянутся нити во все концы Японии, на континент, в Китай, в Маньчжурию. А пока нужно взрыхлять, готовить почву, легализоваться...

"Поспешайте не торопясь..." - так любит говорить "старик", Ян Карлович Берзин. Именно он советовал сперва прочно врасти в японскую почву, а уж потом развернуть широкую деятельность.

И сейчас, находясь среди незнакомого и враждебного мира, Зорге унесся мыслями в далекую Москву. Сказывалась привычка к методическому мышлению: очутившись на японской земле, он должен был еще раз уяснить все детали задания. В своих заданиях Берзин никогда не был категоричным. Он определял лишь общее направление работы, своего рода магистральную линию. "Ну а что касается остального, то действуй сообразно обстоятельствам".

Это была их последняя встреча перед поездкой Зорге сюда, в Японию.

Руководитель советской разведки не спешил говорить о главном. Рихард совсем недавно вернулся из Китая, и ему не терпелось узнать, почему его в срочном порядке отозвали в Москву. А Берзин прохаживался по кабинету, бросал лукавые взгляды на Зорге и говорил о вещах, далеких от работы.

Их связывала давняя сердечная дружба. Оба испытывали радость оттого, что снова встретились и могут просто так обменяться мнениями о прочитанных книгах, вспомнить прошлое. "Старик" был всего на пять лет старше Рихарда.

"Я часто вспоминаю афоризм какого-то древнеримского философа, кажется Сенеки: "Судьбы ведут того, кто хочет, и тащат того, кто не хочет", - проговорил Берзин с улыбкой. - У нас с тобой получается что-то вроде этого. Помню, когда я был слесарем, то мечтал стать инженером. Вот и засело в голову. Попал в учительскую семинарию, а мечтал удрать в техническое училище. Но человек, наверное, вынужден поступать по обстоятельствам, а мечта продолжает жить сама по себе. В двадцать втором занимал большую должность в армии, а в анкете написал: "Хочу получить техническое образование", В статистическом отделе ЦК за голову схватились: Берзин хочет стать инженером! Зачем ему это?.."

Рихард тогда слушал молча. Он-то знал Яна Карловича: обычный обходной маневр!

Легкое лукавство было в характере Берзина. И многие обманывались, принимая эту черту характера за простоту. Нет, перед Рихардом был очень сложный человек, человек незаурядной судьбы и высокой культуры.

Сын батрака-латыша Ян Берзин с пятнадцати лет стал подпольщиком-революционером. В шестнадцать лет военный суд в Ревеле приговорил его к смертной казни. Казнь заменили тюрьмой. Потом - ссылка в Сибирь, участие в революции, в гражданской войне. Был заместителем народного комиссара внутренних дел Латвии, командиром боевого отряда, работал с Дзержинским. Посещал пролетарский

университет и академию общественных наук. Великолепно владеет немецким языком...

Зорге всегда поражала проницательность Берзина в вопросах международной обстановки. Из вороха событий больших и малых Ян Карлович умел отобрать самое существенное. У него было чему поучиться. И Зорге учился.

Он знал, что разговор в конечном итоге перейдет в область международных отношений, ждал этого и не ошибся. Ведь оба жили не бытовыми мелочами, а событиями мировой значимости, подчиняли им всю свою жизнь. В таких маленьких диспутах они оттачивали мысль, тренировали политическое чутье. Тут скрещивались два сверкающих ума, а в результате этого рождалась холодная, отточенная истина, так необходимая обоим для ориентировки, для работы.

О чем говорил тогда Берзин Рихарду?

О том, что с приходом Гитлера к власти Германия превращается в потенциального противника номер один. На третий день после прихода к власти новоиспеченный рейхсканцлер призвал к восстановлению политической и военной мощи Германии, с тем чтобы использовать эту мощь для завоевания Советского государства. Правящие круги США, Англии и Франции почти открыто поддержали гитлеровцев, надеясь их руками расправиться с Советским Союзом и стабилизировать положение мировой капиталистической системы. Над возрождением немецкой военной машины трудились шестьдесят американских предприятий, расположенных на территории Германии. В опасную игру включились финансово-промышленные группы Моргана, Рокфеллера, Дюпона, Форда, банк Англии. Не так давно примчавшийся в Берлин вице-президент американского концерна "Дюпон де Немур" договорился с руководителями "ИГ Фарбениндустри" о предоставлении рейху новейшей научно-исследовательской и военно-технической информации.

Рихард знал, что правящие круги США, Англии, Франции толкали и Японию на выступление против Советского Союза. Обстановка на Дальнем Востоке обострилась до крайности. Япония отказалась подписать с Советским Союзом пакт о ненападении. Она превращалась в наиболее вероятного союзника третьего рейха.

Неожиданно Берзин спросил: "Тебе известно, что такое операция "Рамзай"?" Зорге промолчал. Вопрос не требовал ответа.

"Необходимо выяснить, каковы планы Германии и Японии, откуда Советскому Союзу грозит главная опасность, - проговорил Берзин. - Это и будет операция "Рамзай". Ее цель - защита Советского Союза!"

Рихард насторожился. Даже лучшим друзьям Берзин никогда не раскрывал свои замыслы.

"Операцию провести успешно возможно лишь на территории самой Японии, - продолжал Берзин. - Если нам удастся создать разведывательную организацию в Японии, а мы обязаны сейчас ее создать, то отпадет необходимость добывать информацию окольными путями".

Зорге поднялся. "Почему у операции такое странное название - "Рамзай"? - спросил он.

Берзин взглянул на него в упор: "Рамзай" - значит "Р. З.", а "Р. З." - это Рихард Зорге!"

Рихард вздрогнул.

"Такое важное дело, как создание организации в очень тяжелых условиях Японии, - сказал Берзин, - мы можем доверить человеку

исключительных личных качеств. Я не хочу делать тебе комплиментов. В Китае ты успешно справился с заданием. Если хочешь, рассматривай это как стажировку. А теперь тебя ждут дела большого масштаба".

Рихард мог бы сказать, что продолжительная работа в Китае измучила его вконец, что он мечтал всерьез заняться научными исследованиями и что он только что женился на Кате Максимовой. Имеет человек право на личное счастье, на спокойную работу?.. Ведь он только-только вернулся.

Но он ничего не сказал, даже не нахмурился. Берзин и сам знал все это хорошо. Мягкий в обыденной жизни, он становился непреклонным, когда дело касалось интересов Советского государства. Тут все личное отодвигалось на второй план. Он требовал героических дел во имя Советского Союза. Это знал Зорге. Он сам был таким.

Берзин строил разведку на принципе добровольности, особенно если речь шла о выполнении таких замыслов, как операция "Рамзай". Если бы он уловил хотя бы тень сомнения на лице Зорге, то немедленно отстранил бы его от этого дела. Но он с самого начала не сомневался в Рихарде.

Рихард принял вызов. Это было его дело, его "операция"! Грандиозный замысел, который сравнить ни с чем нельзя... Оба понимали это. Взглянули друг на друга и рассмеялись.

"Вот и прекрасно! - сказал Ян Карлович. - Что касается остального, то действуй сообразно обстоятельствам. А вот "дела" и фотографии твоих помощников..."

Каждая деталь операции была строго продумана. Железная мысль Берзина уверенно вела Рихарда по опасным тропам разведчика.

О намерениях третьего рейха можно узнавать через германское посольство в Японии. Следовательно, необходимо утвердиться в посольстве.

Путь в Токио лежит через Германию.

И Рихард отправился в Германию.

Он шел на большой риск, но риск оправданный. Нацистам, занятым интригами и дележом власти, некогда было выяснять личность какого-то газетчика Зорге. Третий рейх еще только рождался из кровавого хаоса. А кроме того, Рихарда путали с довольно известным немецким журналистом Вольфгангом Зорге, который тоже бывал в Китае. И главное, в одно время с Рихардом.

Почти четыре года прошло с тех пор, как Рихард последний раз был в Берлине. Мать и сестры обрадовались возвращению Ики. Старший брат испугался. Он-то догадывался, откуда приехал Ика. Испугался главным образом за себя: успел разбогатеть, а тут такой сюрприз... Рихард успокоил: приехал ненадолго, мечтаю уехать куда-нибудь подальше, в Америку или Японию. Но старший брат должен помочь, ввести в деловые круги, познакомить с влиятельными людьми. Ведь он, Рихард, давно отказался от всякой революционной деятельности, стал журналистом, побродил по Востоку, снова надумал вернуться туда...

Старший брат с рвением принялся за работу: только бы спровадить побыстрее куда-нибудь, хоть на край света...

Рихард легко вошел в деловые круги, заручился рекомендациями. 3 июля он уже мог сообщить Берзину: "Интерес к моей личности становится чересчур интенсивным". Он жил, держался на нервах. Но успех ему сопутствовал. В журналистских кругах его сразу признали. Он не жалел денег на кутежи, цитировал наизусть тупые афоризмы из "Майн кампф" и

прослыл ярым приверженцем нацистов.

Был резерв. На крайний случай: разыскать старых подпольщиков и через них устроиться в какую-нибудь влиятельную газету, от которой можно получить заграничную командировку. Но в Германии многое изменилось за десять лет. Этот путь Зорге сразу же отверг. Лучше действовать напрямик.

Газета "Франкфуртер цейтунг", узнав о намерении Зорге отправиться в Японию, охотно заключила с ним договор. Это была победа, так как к газете благоволил Геббельс. Удалось заключить соглашения и с другими периодическими изданиями.

Дерзкая вылазка в стан врага завершилась полной победой.

И вот он в Токио... "Старик" будет доволен. Операция "Рамзай" началась.

...Кто же все-таки рылся в его вещах? Это могли быть агенты токко кэйсацу - особой полиции министерства внутренних дел - или же агенты кемпетай - тайной полицейской организации с широкими полномочиями по охране японского образа жизни от влияния Запада. Японская гражданская полиция, жандармерия или же специальная тайная полиция - гадать было бессмысленно. За каждым иностранцем здесь установлен тщательный надзор с первого же часа его пребывания на японской земле. Зорге припомнил, с каким подозрением оглядывали его таможенные чиновники в Иокогамском порту.

Зорге редко улыбался, оставшись один на один со своими тревожными мыслями, но сейчас он криво усмехнулся: работа японской полиции, обыск "на всякий случай". Что ж, хорошее предупреждение, мина-сан (господа)! В будущем придется перебраться в отдельный особняк.

Как всякий сильный человек, Рихард Зорге не боялся за свою жизнь - она была подчинена высокой цели. Он страшился за дело. Он опасался, что тщательно продуманная и разработанная операция "Рамзай", на которую Берзин возлагал так много надежд, может провалиться из-за какого-нибудь упущения, недосмотра, досадной мелочи.

Прошлое, прошлое... Оно как нацеленный револьвер: может выстрелить в любую минуту.

"ПРОФЕССИЯ - ИНТЕЛЛИГЕНТ. ПРИЗВАНИЕ - ПАРТИЙНАЯ РАБОТА"

Я сам себя обрек
На вечные скитанья.
Не нужен страннику покой...
(Из юношеских стихов Р. Зорге)

Он часто размышлял о своем прошлом, так как все его прошлое, по сути, было лишь отправной точкой для того, что надлежало совершить теперь. Операция "Рамзай" подведет какой-то большой итог всей его жизни.

На подвиг не дается права свободного выбора. Это право вначале нужно завоевать, взять с боем примерами своей биографии. На подвиг посылают того, кто достоин подвига, ибо подвиг совершается во имя большой и благородной цели. Но способен ли Рихард Зорге на подвиги?..

...Его прошлое начинается на юге России, в Азербайджане, на Апшеронском полуострове.

Полоска земли, напоминающая по очертаниям клюв горного орла. Промысловые поселки, пропахшие нефтью, - Сабунчи, Балаханы, Сураханы. Тяжелый зной, который не смягчается даже ветром хазри. Ленивые, мутно-зеленые волны Каспия. Край нефти... Она сочится из-под ног, пропитала казармы и катухи - убогие жилища рабочих. Здесь много туберкулезных - нефтяные газы разъедают легкие. Руки людей покрыты незаживающими язвами. Черные вышки - как памятники тысячам загубленных жизнью рабочих-нефтяников.

На одной из вышек трудится некто Адольф Зорге, рядовой техник по бурению скважин. Это крупный, благообразный немец лет сорока. Он немногословен, дело свое знает, аккуратен даже в мелочах. Адольф никогда не кричит на рабочих, не грозит штрафами, охотно принимает приглашения на свадьбы, крестины, не чурается черного люда, и за это его уважают. Больше всего на свете он ценит покой. Но жизнь беспокойна...

Проклятая нефть всех свела с ума. Особенно не любит Адольф так называемые шайтан-базары. Стоит забить фонтану, как вокруг него начинается шайтан-базар: жадные предприниматели за баснословные деньги скупают соседние участки, бросают сюда партии буровых рабочих. Скорей, быстрее, без передышки!.. Тут мелкий предприниматель за несколько месяцев может превратиться в миллионера. Предприниматель сам, выпучив безумные глаза, день и ночь просиживает на вышке, поторапливает, подстегивает, сулит награды. Жадность отвратительна.

Адольф скуп, но не жаден. Рисковать, вкладывать капитал в сомнительные участки - не его занятие. Он честным трудом зарабатывает свои деньги. Одевается скромно, кроме пива, ничего не пьет, живет по пословице: "Рубль сэкономленный - все равно что рубль заработанный".

В Россию Адольф Зорге приехал в 1885 году. Сперва обосновался в Аджикенде, в немецкой колонии, а потом перебрался в Баку.

Вести о несметных нефтяных богатствах Ашперонского полуострова давно доходили в Германию. Все началось с небезызвестного Нобеля. Заручившись поддержкой немецких банкиров, он с чемоданами денег примчался в Баку, начал строить заводы для переработки нефти, выписал специалистов из Берлина. И вот за короткое время представители иностранных фирм сотнями устремились на Апшерон, отеснив всяких там Мирзоевых, Монташевых, Тарумовых. Французский банкир Ротшильд завладел всей торговлей бакинской нефтью на международном рынке, основал "Каспийско-Черноморское товарищество".

Адольф Зорге тоже решил попытать счастья в России. У него была мечта: обеспечить старость. Ему всегда казалось, что люди, не сумевшие обеспечить собственную старость и благополучие своей семьи, зря прожили жизнь.

Отец Адольфа, а также два брата отца не сумели обеспечить себе старость, и это наглядный урок. Все трое были активными революционерами до и после революции 1848 года. Революционная работа была смыслом их жизни. Особую известность на этом поприще завоевал дядя Фридрих. Участник Баденского восстания 1849 года, близкий друг Маркса и Энгельса, он после подавления восстания вынужден был эмигрировать сначала в Швейцарию, а затем в Америку. Фридрих Зорге стал организатором американской секции Первого Интернационала, а на Гаагском конгрессе I Интернационала в 1872 году его избрали секретарем Генерального совета. Слава дяди, видного деятеля международного

рабочего движения, ученика Маркса и Энгельса, автора многих социологических и политических трудов, страшила и угнетала обывателя Адольфа Зорге. Он вздрагивал, когда спрашивали: "Уж не родственник ли вы того самого Зорге?!" - "Нет, нет", - спешил заверить Адольф. Он не хотел иметь ничего общего со своими "красными" отцом и дядями. Он стремился обеспечить свою старость и ради этого трудился не покладая рук. Ему революция не нужна. Он доволен существующими порядками.

Иногда в воскресные дни Адольф надевал свой лучший костюм и отправлялся в Баку. Здесь, возле старинного дворца Ширван-шахов, фланировала избранная публика. Адольф смешивался с публикой и так бродил до вечера, снедаемый своими мечтами. Он представлял себе, как чинно идет под руку с фрау Зорге, все на них оглядываются, завидуют тихому, обеспеченному счастью. А рядом - дети... много детей. Это его дети, Адольфа Зорге! Мальчики, девочки - все равно. Много детей. И он придумывал имена этим воображаемым детям. Но не было фрау Зорге, не было детей...

Адольф старел, и за все три года жизни в России фрау Зорге так и не появилась. А ведь он был красив, обеспечен, мог считаться хорошей партией. Его сердце было открыто для любви.

И он наконец-то влюбился... И любовь оказалась сильнее классовых и расовых предрассудков.

Нине Кобелевой исполнилось двадцать два года, но она и не помышляла о замужестве. Были заботы поважнее, они иссушали душу. Сперва умерла мать, потом - отец, Семен Кобелев, подрядный рабочий на железной дороге. На руках Нины остались шестеро сирот мал мала меньше. Всех нужно накормить, одеть, обуть. Беспросветная нужда... Какие уж тут женихи!..

Но он появился. Рослый красавец немец, техник с буровой вышки неподалеку от поселка Сабунчи. Нина и раньше видала его. При встрече всегда опускала глаза, старалась пройти незаметно. А теперь он напрямик заявил, что уже давно любит ее и просит быть женой. Нина Семеновна даже растерялась. Как же так, выйти за немца? Он поживет-поживет да и укатит в свою Германию, бросив ее с детьми... Но сироты просили есть... И Нина согласилась стать женой Адольфа Зорге.

Поселились они в Сабунчи в двухэтажном доме. Здесь 4 октября 1895 года родился Рихард Зорге, будущий ученый и прославленный разведчик.

Брак оказался на редкость счастливым: Адольф любил жену, заботился о ее братьях и сестрах. В доме царил атмосфера довольства и взаимного уважения. Но теперь, когда все мечты Адольфа исполнились, появилась новая: вернуться во что бы то ни стало в Германию! России отдано тринадцать лет... А "Германия - превыше всего!"

И вот, когда Рихарду сравнялось три года, семья переехала в Германию. Адольф Зорге купил небольшой дом в Вильмерсдорфе, юго-западном пригороде Берлина, на Маннерштрассе, развел сад и стал наслаждаться обеспеченной старостью. Он достиг своего идеала. Теперь и умереть было не страшно.

А трехлетний Рихард? Оставила ли далекая Россия какой-нибудь след в его памяти? Позже он писал: "Во мне было нечто такое, что несколько отличало меня от других. Я родился на Южном Кавказе, и меня привезли в Берлин совсем маленьким. Этот факт из моей жизни я всегда помнил... Я, может быть, слишком русский, я русский до мозга костей..."

Первые слова, которым научился Рихард, были русские слова. До

четырёх лет он не знал немецкого языка. В глубинах сознания осталось неизгладимое ощущение просторов России, яркого кавказского неба и ласкового света Каспия. Неясные образы будут всплывать в памяти на протяжении всей последующей его жизни, манить, звать куда-то, дразнить, распалить воображение.

...В кругу семьи его ласкательно называли Ика. В школе - "премьер-министр". Почему "премьер-министр"? Он рос не по годам развитым. В реальное училище поступил, когда едва исполнилось шесть лет. В классе верховодил, прослыл трудным учеником, упрямым, своенравным и непослушным, первым нарушителем дисциплины, неисправимым драчуном. И наряду с этим поражал учителей глубокими познаниями в истории, литературе, философии и обществоведении. Тут ему равных не было.

Ика ненавидел зубрежку. Он любил рассуждать, давать собственную оценку прочитанному. У "премьер-министра" было свое государство, источник силы и мощи - книги. Они раздвигали границы мира в пространстве и во времени. Французская революция, облик "неподкупного" Робеспьера, наполеоновские войны, сражение на улице Сен-Антуан в дни июньского восстания 1848 года; Джузеппе Гарибальди дал клятву освободить свою родину Италию и дрался, как лев. Гарибальди бывал в России. В Германии тоже была революция. О ней мало писали в учебниках, но Ика знал кое-что от своего отца. Адольф к старости сделался ворчливым. Особенно раздражали его левые социал-демократы. Прочитав за чашкой утреннего кофе газету, он начинал бранить "красных". Особенно доставалось двоюродному деду Рихарда, коммунисту Фридриху Зорге, который в то время жил в Америке и готовил к печати свою переписку с Марксом и Энгельсом. Не щадил Адольф и своего отца-революционера, которого давно уже не было в живых. Из порохового дыма выплывало железное лицо Отто фон Бисмарка. Этот кровавый человек - идеал Адольфа. Бисмарк - истинный пруссак; Адольф - тоже пруссак. Такие, как Бисмарк, создали великую Германскую империю, а "Германия - превыше всего!".

Но Ику почему-то не интересовали дела Бисмарка, ему хотелось знать все о деде и двух братьях деда. Это по-настоящему смелые, дерзкие люди. Их не поддерживали короли, как Бисмарка; они сами делали историю.

Адольф не знал того, что два его сына - самый старший и самый младший - причисляли себя к левым социал-демократам. Ика тайно от отца сделался постоянным членом социал-демократического спортивного общества. Старший сын состоял в революционной социал-демократической организации, призывал на митингах к свержению существующего строя, рассказывал о буржуазно-демократической революции 1905 года в России. Ика бывал на этих митингах, с замиранием сердца слушал старшего брата. Он начинал понимать: история - это не только то, что прошло; история творится и сейчас, у всех на глазах. Вот почему он набрасывался на газеты и знал о том, что делается в мире, лучше взрослых.

В пятнадцать лет Рихард прочитал сочинения Гете, Шиллера, Лессинга, Клопштока, "Божественную комедию" Данте.

Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день за них идет на бой!..

Эти слова Гете отпечатались в сердце юноши. Их повторяли сотни людей до Рихарда, их будут повторять вечно. В чем смысл бытия? Ика

судорожно ищет ответа на этот роковой вопрос в книгах. Гегель, Кант, Шопенгауэр... Ика еще не в силах одолеть труды названных философов. Слишком все здесь мудрено, запутано, противоречиво. Оказывается, существует такое понятие, как диалектика! Целое открытие... Учитесь, "премьер-министр" Ика, мыслить диалектически.

В семью пришло несчастье: в 1907 году умер Адольф Зорге. Он узнал-таки, что два его сына записались в социал-демократы, и не перенес удара.

Снова Нина Семеновна осталась с кучей детей. Но на этот раз в чужой стране, к которой она так и не смогла привыкнуть по-настоящему. Своей тоской по родине она могла поделиться лишь с младшеньким, Икой. Остальные сыновья и дочери не понимали, как можно рваться в какой-то Сабунчи, где нечем дышать от газов и нефти. Но Ика сочувствовал матери. Его тоже тянуло в далекие неизведанные края. Пресная берлинская жизнь опостылела. Хотелось бросить все и удрать на край света, подвергаться опасности, раз и навсегда покончить со школярством.

Адольф оставил семье приличное состояние. У него были не только вклады, но, оказывается, и своя собственность за границей. Еще долго семья могла поминать его добрым словом. Пусть говорят, что жил он скучно, неинтересно. Зато умер как и подобает приличному немецкому бюргеру, верноподданному. А главное - не оставил семью мыкать горе и нужду. Он был образцовым мужем и отцом семерых детей.

Адольф ровно относился ко всем детям, но Рихард не любил отца. Даже много лет спустя Рихард не мог отделаться от неприязни к нему. Это осталось навсегда.

...О начале первой мировой войны Рихард узнал, возвращаясь на пароходе из Швеции, где проводил летние каникулы. Он был тогда еще слишком юн, чтобы сразу разобраться в смысле этого кровавого события.

Он был заражен духом романтики, писал высокопарные философские стихи и мечтал о подвигах. Рихард считал, что человек должен быть оригинальным не только в мыслях, но и в поступках и что подвиг существует ради самого подвига. Долой сытенское благополучие! Если война, значит, ты должен быть в первых рядах.

И восемнадцатилетний Рихард, так и не окончив реальное училище, бежит из дому, записывается добровольцем в действующую армию. Прочь, прочь от школярства, от прозябания...

Отрезвление наступило скоро. Рядового Зорге, служащего в легкой артиллерии, бросили в Бельгию, где уже развернулось ожесточенное сражение. Тысячи убитых, искалеченных, потоки крови. И тут он впервые подумал: "Во имя чего? Сколько раз до меня немецкие солдаты воевали здесь, в Бельгии, намереваясь вторгнуться во Францию!.. Знают ли люди, во имя чего велись и ведутся вот такие войны?.."

Три ранения - таков итог войны для Зорге. На фронте погибли два любимых брата.

Но не только это.

Война стала большой политической и гражданской школой. Здесь он нашел настоящих друзей, которые открыли глаза на многое. Одним из таких друзей был старый каменщик из Гамбурга, член профсоюза, первый человек, который прямо сказал Рихарду о том, что война выгодна лишь империалистам. В 1915 году в берлинском госпитале Зорге сдружился с двадцатилетним солдатом Эрихом Корренсом. По ночам молодые люди читали

стихи, горячо обсуждали положение Германии, говорили о свободе, о месте человека в обществе, об отношении к жизни и о том, что нужно посвятить себя служению великой цели, которая могла бы захватить целиком, без остатка. Полгода лежали они в госпитале и за эти полгода успели навсегда привязаться друг к другу. Переписка между ними будет продолжаться многие годы. (Эриху Корренсу суждено стать видным государственным и общественным деятелем - президентом Национального совета Национального фронта демократической Германии, крупным ученым. Но об этом Зорге не узнает никогда.)

В другом госпитале он близко сошелся с сестрой милосердия и ее отцом-врачом, которые поддерживали самые тесные связи с независимыми социал-демократическими группами. Тут впервые Рихард услышал о Ленине, о международном революционном движении, о политических партиях в самой Германии. Дочь и отец охотно снабжали раненого солдата книгами и политическими брошюрами.

Получив отпуск по ранению, Зорге поступил на медицинский факультет Берлинского университета - на этот шаг его толкнуло сострадание к жертвам войны, он хотел не убивать, а возвращать жизнь, здоровье. И все-таки вскоре он убеждается, что медицина - не его область. Его интересует политика, и только политика. И еще - политэкономия. С медицинского он переходит на политико-экономический факультет. "Великая Германия" разваливалась на глазах. Все чаще и чаще солдаты называли имена Розы Люксембург и Карла Либкнехта. Теперь настольные книги Зорге - труды Маркса и Энгельса, переписка двоюродного деда Рихарда с ними, философские работы Гегеля. "За несколько месяцев я усвоил основы марксизма, уяснил суть диалектического метода, примененного на практике".

Теперь он сознательно готовит себя. К чему? К деятельности революционера-профессионала. Он предчувствует: взрыв близок!

...Великая Октябрьская социалистическая революция в России пробудила в Рихарде небывалую энергию. Выбор был сделан раз и навсегда: революционная работа! Звать к борьбе, к свержению существующего строя... Он вступает в независимую социал-демократическую партию.

В январе 1918 года двадцатидвухлетний Зорге едет в Киль.

Германия бурлила. В Берлине началась политическая стачка солидарности с русскими братьями по классу. Стачка перекинулась в Гамбург, Бремен, Рурскую область.

Революционный взрыв произошел не в столице Германии Берлине, куда были обращены взоры многих, а в небольшом городе моряков Киле. Этот взрыв тщательно подготавливался, и Зорге принял самое деятельное участие в подготовке восстания военных моряков.

И все-таки ему казалось, что революция - дело будущего. Придется еще проделать большую работу по воспитанию масс. Для начала он поступает в Кильский университет, примыкает к левому крылу независимой социал-демократической партии, так как со спартаковской группой не смог связаться, создает в университете социалистическую студенческую организацию, руководит ее работой.

Он идет на боевые корабли кайзеровского флота, разъясняет политическое положение портовым рабочим. И здесь, в порту, на кораблях, его называют ласково - Ика. Голубоглазый юноша, испытывший на себе все ужасы войны. На груди - Железный крест 2-й степени. И

когда Ика произносит: "Долой кайзера! Да здравствует Германская республика!" - это берет бывалых моряков за сердце. Они понимают: слова выстраданы, понаты в окопах.

Восстание вспыхнуло 3 ноября 1918 года. К морякам третьей эскадры присоединились портовые рабочие. На мачтах взвились красные вымпелы. Власть взяли солдатский и рабочий советы Киля. Командующий флотом бежал из города на автомобиле с красным флажком. К восставшим примкнули солдаты Любека, рабочие Гамбурга, Бремена. 8 ноября в Мюнхене была провозглашена республика. 9 ноября восставшие рабочие и солдаты свергли кайзера Вильгельма II. Кайзер бежал в Голландию. Буржуазное правительство запросило у Антанты перемирия. Война кончилась!

Зорге радовался: победа близка! В этом есть и его доля.

Но радость оказалась кратковременной. Революцию предали, задушили. Контрреволюционные заговорщики зверски расправились с вождями германского пролетариата Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург.

Зорге в эти тяжелые дни не потерял веры в силы рабочего класса. В Киле оставаться больше нельзя. В начале 1919 года он переезжает в Гамбург. Здесь произошла встреча, которая определила многое в жизни Рихарда: он познакомился с секретарем Гамбургской коммунистической организации Эрнстом Тельманом. Помятая, замасленная кепчонка, веселая хитринка в глазах... Его трудно отличить от сотен портовых рабочих. Рихарда потянуло к этому человеку. Оказывается, Тельман в самом деле портовый рабочий!..

В конце 1919 года Зорге вступил в КПГ. Он стал коммунистом. И с этого времени началась новая эра в его биографии, биографии революционера-профессионала.

Его назначают советником гамбургской коммунистической газеты, он руководит кружком самообразования при гамбургском отделении партии.

Чердачная комнатенка, где он поселился, завалена книгами. Рихард мало ест, мало спит и много работает. В такой стране, как Германия, революционеру-профессионалу приходится жить двойной жизнью: обыватель хочет знать, на какие средства ты существуешь. Всякий не занятый по службе, не имеющий работы подозрителен. За таким увязываются ищейки. Приходится давать частные уроки, губить драгоценное время. Кроме того, он готовится к экзаменам. И тут же, в Гамбургском университете, ведет пропагандистскую работу, создает социалистическую студенческую организацию.

В день окончания университета в актовом зале набились студенты всех курсов. Профессорам это не нравится. Но ничего не поделаешь - такое время! Все вышли из повиновения. Не так давно Берлин снова покрылся баррикадами. Правительство бросило против бастующих танки, артиллерию и даже авиацию. Мюнхен провозгласил советскую власть, создал свою красную армию... С большим трудом удалось расправиться с восставшими.

Кому нужно сейчас образование, когда в Германии разруха, голод, смерть?!

Двадцатичетырехлетний Зорге выходит на кафедру. Он обрушивает на профессоров сверкающий каскад изречений древних, говорит о "гражданском обществе" Гегеля, о "естественном праве" и "общественном договоре". Затем переходит к современности с ее прозой - "имперские тарифы центрального союза немецкого объединения потребителей".

Давно уже в этих стенах не звучал столь вдохновенный голос. Рихарда поздравляют с окончанием университета. Зорге - доктор государственно-правовых наук и социологии.

Счастливого дня!

Известность Зорге росла. То была известность умного агитатора, партийного работника высокой квалификации. Рихарда знали, к нему шли студенты, грузчики.

А однажды пожаловал странный гость: Шейдеман! Заклятый враг коммунистов, душитель революции, правый лидер социал-демократии. Это был тот самый Шейдеман, который по приглашению кайзера занял пост министра, открытый шовинист Шейдеман, не так давно заявлявший: "Теперь большевизм кажется мне большей опасностью, чем внешний враг". "Кровавая собака Шейдеман" - так называли рабочие устроителя "кровавого сочельника" в Берлине. Глава правительства "веймарской коалиции" Шейдеман...

Рихард не знал, что и подумать. Премьер-министр оглядел скромное жилище Рихарда, спросил: "Вы доктор Зорге, если не ошибаюсь?" - "Чем обязан?" - "Вы потомок знаменитого революционера Зорге, последователя Маркса. Я хочу предложить вам важный пост в моей партии. Нам очень нужны молодые, волевые люди, такие, как вы. Революционная слава ваших...". "Я спекуляцией никогда не занимался! - резко ответил Зорге. - Лучше подумайте, господин Шейдеман, нужны ли вы молодым людям..."

Премьер-министры не любят, когда им отказывают в такой форме. Кроме того, университетское начальство пронюхало о том, что Зорге руководит подпольной студенческой организацией. Пришлось срочно покинуть Гамбург.

Он решил устроиться преподавателем высшей технической школы в Аахене. Перед этим его вызвали в Берлин в ЦК партии. В Берлине Зорге сделал обстоятельный доклад о положении в Гамбурге. Новое задание: развернуть работу среди горняков Аахена, которые находятся под влиянием католиков, создать на шахтах коммунистические группы.

События, события... На первый взгляд кажется, что одно не связано с другим, а если вдуматься, все подчинено своей внутренней логике.

В Аахене Зорге назначают членом городского комитета партии. Он частый гость горняков, связывается с руководящими партийными органами Рейнской области. А наряду с этим - лекции в высшей технической школе. Зорге пишет Корренсу: "Люди хорошо слушают меня. Если бы они догадывались, сколько, собственно, мне лет! К счастью, мне почти всегда дают лет на пять больше, так что они мирятся с зеленым ученым мужем там, на кафедре".

Государственный чиновник Капп решил установить единоличную диктатуру в Германии. Опираясь на уголовников, военщину, всякого рода политических авантюристов, Капп устроил путч. Рихард - во главе стачечного комитета. Не допустить Каппа к власти!

И хотя путч был подавлен, реакционеры решили отомстить Зорге. Он вынужден скрываться. Но работа в Аахене еще не завершена. Пришлось уйти в глубокое подполье, переменить профессию. Рихард устраивается горнорабочим на шахту. Кто бы мог узнать в худом, запорошенном угольной пылью молодом человеке известного доктора, которого хотел залучить в свою партию сам Шейдеман!.. Ика орудует лопатой и киркой. Ноет поясница, ноют старые раны, кружится от усталости и постоянного недоедания голова. Но и здесь он не забывает свои обязанности

революционера-профессионала: переходя с шахты на шахту, повсюду создает коммунистические группы. Его выслеживают. Приходится бежать в Голландию. В Голландии арестовывают и высылают обратно в Германию.

Начинаются переезды из города в город. В Ремшайде он пропагандист, инструктор. В Золингене в 1921 году неожиданно становится редактором коммунистической газеты "Бергише арбайтерштимме". Таково партийное задание. Редактора-предшественника власти бросили в тюрьму.

В Рихарде проявилась новая страсть: журналистика! Оказывается, он прирожденный журналист. Газета заполнена хлесткими политическими статьями. Кто их автор? Адомль, Хайнце, Петцольд. Их много. А на самом деле это все тот же доктор Зорге. Вот, оказывается, каково его призвание! Но журналистика сама по себе не имеет цены, она должна служить большому делу.

Всех редакторов коммунистических газет постигает одна участь: Зорге арестовали и отправили в тюрьму Эльбенфельда. Отсидев срок, он возвращается в Золинген полный прежнего энтузиазма.

В конце 1922 года его отзывают во Франкфурт-на-Майне: нужен квалифицированный пропагандист и преподаватель на партийных курсах.

А события все нанизываются и нанизываются. Журналистика не забыта: все чаще появляются в журналах и газетах политические статьи Зорге. В партийном издательстве вышла его брошюра "Роза Люксембург и накопление капитала". Брошюру напечатал не под псевдонимом, а под своим именем. Теперь на него уже начинают смотреть как на теоретика-исследователя. Первый опыт подобного рода - и сразу широкая известность. (Позже весь тираж этой брошюры был сожжен нацистами.)

Официально он числится младшим научным сотрудником, ассистентом на факультете социологии Франкфуртского университета, частным порядком читает лекции.

Но это была лишь внешняя сторона его деятельности. Главное состояло в другом: он отвечал за всю секретную переписку и партийный архив, был связным между Франкфуртской партийной организацией и Центральным Комитетом в Берлине. Ему доверили партийные денежные фонды. Он считался самым надежным и неподкупным человеком. Партийные деньги и пропагандистские материалы хранились в университетской комнате Рихарда или же в библиотеке факультета социологии.

Когда в Заксене в результате вооруженного восстания была провозглашена республика рабочих, Зорге поехал туда для оказания помощи восставшим.

Куда ведут тебя события, Рихард Зорге?

Он помнит то апрельское утро 1924 года. Рихарда срочно вызвали в бюро. Секретарь представил ему незнакомых товарищей. "Они прибыли из Советского Союза на съезд КПГ! - сказал секретарь. - Будут жить у тебя на квартире. Ты отвечаешь за их жизнь!.."

Это было не просто партийное задание. Это было высшее доверие. Именно ему, Зорге, доверили жизнь советских делегатов, прибывших в Германию, делегатов - выдающихся представителей Всесоюзной Коммунистической партии большевиков!.. Мануильский, Лозовский, Куусинен, Пятницкий... И хотя IX съезд проходил открыто (партия временно вышла из подполья), представители коммунистических партий других стран присутствовали на нем негласно: за ними охотились полицейские ищайки. Зорге ни на шаг не отходил от высоких гостей. Эти

люди встречались с Лениным, разговаривали с ним... Ленин... Весь мир скорбел в этот год о его утрате.

Рихард оправдывает доверие партии.

Он - участник съезда КПГ. Встреча со старым другом Эрнстом Тельманом. Тельман был в Советской России; слышал, видел великого Ленина... Здесь много давних, испытанных друзей... Ведь пройден большой путь - окопы, Киль, Гамбург, шахты Аахена, опыт журналистики. Учился в трех университетах... И Рихарду уже под тридцать.

По вечерам жадно спрашивает советских товарищей о Советском Союзе. "Ведь там моя родина!.." - говорит он и рассказывает свою причудливую биографию. Мануильский задумчив. Для него ясно: Зорге беззаветно предан идеям коммунизма, глубоко разбирается в вопросах международного рабочего движения. Из такого со временем может выйти деятель крупного масштаба. Брошюра молодого теоретика произвела хорошее впечатление на Мануильского, хотя сам автор был недоволен ею. "А почему бы вам не вернуться на родину?" - спросил Мануильский. Рихард рассмеялся: разве это возможно?

Оказывается, не только возможно, но и необходимо. В Советском Союзе, где не нужно скрываться от ищеек, Зорге в спокойной обстановке займется теоретическими исследованиями, обобщит опыт германского рабочего движения. Товарищ Тельман высоко ценит Зорге.

И исполнилось то, о чем Зорге даже не смел мечтать: в конце декабря 1924 года он выехал в Москву.

...Здесь свой уклад жизни. О коммунизме можно говорить в полный голос. Здесь к вашим услугам лучшие библиотеки и фонды революционной литературы. Вы можете бродить по улицам не оглядываясь. Непривычное состояние. В это даже как-то не верится. Свобода!.. Сколько о ней было сказано прекрасных слов во время ночных бдений с Эрихом Корренсом, сколько стихов посвятил ей Ика!.. Так вот ты какая, свобода! Сердце переполнено восторгом.

Рихард быстро шагает по бульварам Москвы: ему хочется увидеть все сразу, немедленно включиться в общий ритм, делать что-то большое, значительное. Он торопится, боится, что все это может вдруг рассеяться как сон. Советский паспорт... Зорге - гражданин Союза Советских Социалистических Республик! Да в самом ли деле все это наяву?..

В марте 1925 года Хамовнический районный комитет ВКП(б) принимает Зорге в Коммунистическую партию Советского Союза. Ему вручают партбилет. И прежде чем положить билет в нагрудный карман, Рихард украдкой целует его: "Если нужно, я умру за тебя, Партия, Родина!.."

Поселился Зорге в гостинице "Люкс" в комнате Э 19. Но в гостиницу приходил только спать. Рано утром отправлялся в Институт марксизма-ленинизма. Он числился референтом, политическим и ученым секретарем, и эта работа требовала не только эрудиции, но и большой усидчивости, отнимала много времени. А вечером - клуб немецких коммунистов, где Рихарда избрали первым председателем правления. И хотя в правление входят тринадцать человек, Зорге самый активный из них.

Тут тоже борьба. Иногда троцкисты навязывают провокационные дискуссии. Тогда Зорге, сверкая глазами, изобличает их в предательстве интересов рабочего класса. К врагам он беспощаден. Чего хотят троцкисты? Загубить пролетарскую революцию? Таким не место в коммунистическом движении! Чем эти людишки лучше Эберта, Шейдемана,

Носке?..

Когда он успевает работать над своими статьями и брошюрами? Он их подписывает по-разному: Ика Зорге, Р. Зонтер. За два года в журналах напечатано семнадцать серьезных исследований: "Своеобразный характер возрождающегося германского империализма", "Позиция Второго Интернационала в отношении послевоенного империализма", "Материальное положение пролетариата в Германии", "Экономическая депрессия в Германии", "Национал-фашизм в Германии". И много, много других, всех не перечислишь. За эти же два года написаны объемные работы, которые нравятся самому автору (что бывает с ним редко): "Экономические статьи Версальского мирного договора", "Новый германский империализм", "План Дауэса и его последствия".

Из немецких газет он узнает, что его работы получили широкую известность в Германии. Друзья берут их на вооружение, враги всячески обливают автора грязью.

Да, это тоже борьба. И все-таки Зорге недоволен собой. Активная натура требует действия. Стоять с врагом лицом к лицу, принимать прямое участие в схватках с теми, кто посягает на Советское государство, - вот к чему он стремится.

Своими мыслями он делится с новым другом, частым гостем клуба немецких коммунистов Яном Карловичем Берзиным, которого русские товарищи называют Павлом Ивановичем (так уж повелось со времен гражданской войны!). Ян Карлович заходит в клуб послушать доклады на международные темы. "Я ведь тоже в некоторой степени немец, - говорил он посмеиваясь. - По материнской линии".

Берзин согласен: если хочешь драться по-настоящему, нужно драться. Международная обстановка обострилась до крайности. Мировой экономический кризис. А выход из кризиса империалисты всегда ищут в войне против Советского Союза. Похоже на то, что в Германии правящие классы берут курс на передачу власти Гитлеру. Для Гитлера война - "освежающий ветер".

Гитлеру вторит японский генерал Танака. Он представил своему императору так называемый секретный "меморандум Танака", где намечена политика "крови и железа". Тут дан развернутый план внешней экспансии японского империализма: захватить Манчжурию, Монголию, Китай, Юго-Восточную Азию, Индию, Центральную Азию, Малую Азию, Европу, сокрушить США. Войну с Советским Союзом Танака считает неизбежной и необходимой. Бредовые идеи о мировом господстве? Может быть. Но японцы уже действуют. Не так давно Танака вторично послал войска в Шандунь, зарится на Манчжурию, подбирается к границам Советского Союза, жмет на Чан Кай-ши. Под этим давлением нанкинское правительство разорвало отношения с Советским Союзом, только что спровоцировало инцидент на китайско-восточной железной дороге, являющейся собственностью СССР. Революция 1925 - 1927 годов в Китае потерпела временное поражение. Только за два последних года погибло почти полмиллиона революционных рабочих и крестьян. Во главе нанкинского правительства и его армии стоит Чан Кай-ши. Ставленник буржуазии и помещиков, заклятый враг Советского Союза, Чан Кай-ши вполне устраивает империалистов всех стран, и они дружно признали нанкинское правительство, оставив за собой "право открытых дверей", то есть право грабить эту страну, вмешиваться в ее внутренние дела.

От Чан Кай-ши и японских милитаристов можно ждать новых

провокаций.

Мы должны быть хорошо информированы о том, что происходит в сопредельных с нами странах Дальнего Востока, и в частности в Китае и Японии. Такова логика вещей, продиктованная фактами последнего времени. Советское государство заботится о безопасности своих дальневосточных границ.

Если бы создать своего рода службу информации на территории Китая... Для подобной работы, разумеется, нужны волевые, умные люди, способные на месте разобраться в запутанной обстановке, своевременно сообщать о происках Японии в Китае. Да, да, мы, к сожалению, не всегда в срок получаем информацию. Впрочем...

"Могу поздравить!" - говорит Берзин и протягивает Рихарду книжечку, испещренную иероглифами. Зорге в недоумении. Что бы это могло быть? Вертит книжку и так и сяк. Должно быть, на китайском или японском...

"Р. Зонтер. "Новый германский империализм", - говорит Ян Карлович с улыбкой. - Только что вышла в Токио. Я попросил переслать экземпляр. Для тебя..."

Рихард поражен. Его брошюра на японском языке!

Он уходит от Берзина в глубокой задумчивости. А потом набрасывается на литературу о Дальнем Востоке. Ян Карлович сумел вселить в него жгучий интерес к дальневосточным проблемам. Китай... Япония... Таинственные страны. Что-то из сказок Андерсена... "В Китае, как известно, живут китайцы..."

Берзин... Откуда он знает о секретном "меморандуме Танака"? Ни в одном из источников Рихард не нашел упоминания о "меморандуме Танака".

И наконец Зорге понял.

При очередной встрече с Яном Карловичем он сказал: "Я заболел Дальним Востоком. Пошлите меня в Китай!" Рихард Зорге стал военным разведчиком. "Военный разведчик должен в совершенстве знать военное дело, - сказал Берзин. - Опыта прошлой войны теперь недостаточно". И Рихард занялся военным делом.

Оказывается, в Китае живут не только китайцы.

Во всяком случае, в деловой части Шанхая их почти совсем не видно. Недавно тут висели таблички: "Китайцам и собакам вход запрещен". Здесь хозяин - международный капитал.

Лучшее, что есть в Шанхае, - это, конечно, Банд - набережная. Каменные громады иностранных банков, офисов упираются в грязную Вампу, по которой снуют катера и джонки. Перегруженные океанские суда медленно уплывают из реки в море. На рейде - иностранные крейсера с развевающимися флагами. Моросит мелкий дождь. Поблескивают зеркальными стеклами автомобили директоров банков, менеджеров. Это "международный сеттльмент". Рядом - французская концессия.

Зорге неторопливо направляется к Гарден-бриджу. Шанхай... Он наводнен иностранцами. Дельцы-биржевики, русские белогвардейцы, немецкие, американские, английские, французские коммерсанты, советники, эксперты. Резиденты империалистических разведок почти в открытую занимаются сбором сведений. В Вэйхавэ англичане устроили военно-морскую базу. Китай остается децентрализованным. В каждой провинции засел китайский генеральчик, который чувствует себя полновластным хозяином.

Перед Зорге поставлена задача: создать разведывательную

организацию, которая действовала бы на всей территории Северо-Восточного и Юго-Восточного Китая: Харбин, Мукден, Шанхай, Кантон.

Прибыли помощники. С одним из них - радистом Максом Клаузенем - Зорге сошелся особенно близко. Это был плотный человек с широким открытым лицом. От всей его фигуры исходило добродушие, в незнакомой обстановке чувствовал он себя свободно, и вообще создавалось впечатление, что за свои тридцать лет Макс повидал немало. Так оно и было на самом деле.

Макс Христиансен Клаузен вырос в семье мелкого немецкого торговца на острове Нордштранде. Он был учеником слесаря, когда его призвали в армию и послали на войну. Служил он в войсках связи радистом. Макс рос на море, и море всегда звало его. Потому-то после войны он стал моряком, устроился на торговое судно линии Гамбург - порты Балтийского моря. Весной 1922 года вступил в Союз моряков. Но не прошло и двух месяцев, как его арестовали и приговорили к трем месяцам тюрьмы за активное участие в забастовке моряков.

Впервые в Советском Союзе ему удалось побывать в 1927 году. Советское государство купило у Германии трехмачтовую шхуну, чтобы пополнить промысловый флот, охотившийся на тюленей. В составе экипажа шхуны был и матрос Макс Клаузен.

До этого он много слышал от товарищей о Советской стране, а теперь вот сам оказался в Мурманске. Он увидел новый мир и пришел к мысли, что только коммунизм может обеспечить людям счастье. В Мурманске у него завязалась тесная дружба с советскими моряками. Вернувшись в Гамбург, он вступил в члены Коммунистической партии Германии.

Макс часто рассказывал в Интерклубе морякам о том, что увидел в Советской стране, и жалел, что не довелось побывать в Москве. Он все время рвался в Советский Союз. И мечта в конце концов осуществилась: он увидел Москву.

В Москве Клаузен поступил на курсы радистов и после их окончания, в марте 1929 года, выехал через Сибирь в Китай. По документам он значился немецким коммерсантом.

Вскоре Зорге убедился, что имеет дело с талантливым специалистом в области радиотехники. Клаузен стал в группе Зорге экспертом по организации радиосвязи. Он смонтировал портативные радиостанции во многих городах Китая.

По совету Рихарда Макс поселился в небольшом доме в восточной части Шанхая. Мог ли тогда Зорге предполагать, что это приведет к значительным изменениям в жизни его друга Макса!

В самый разгар работы, когда им обоим нужно было выехать в Кантон, Макс заявил: "Я женюсь!" Безмерно удивленный Рихард сдержался, ибо знал: с любовью не шутят, если она обрушивается на вас даже в Шанхае. Так как разведчик в подобной обстановке, при выполнении боевого задания, не имеет права совершать подобные шаги без разрешения начальства, Макс поставил обо всем в известность Зорге и просил его совета. Рихард пожелал встретиться с Анни (так Клаузен называл свою невесту). Встретились в ресторане "Астория". После безобидной беседы Рихард пригласил Анни на танец.

Что было известно о ней? Русская. Анна Матвеевна Жданкова. Родилась 2 апреля 1899 года в Сибири. Когда ей исполнилось три года,

овдовевший отец отдал ее "на воспитание" купцу Попову. У купца прожила четырнадцать лет. Жизнь была тяжелая. Аню превратили в домашнюю прислугу. Таскала дрова, расчищала в морозы двор, занесенный снегом.

Потом познакомилась с финским инженером Валениусом, который был в два раза старше ее. Чтобы избавиться от Поповых, вышла за него замуж, хоть и не любила. Во время революции Валениус бежал в Китай. Здесь занялся мошенническими операциями, пытался вовлечь в них Анну. Она возмутилась. Развелась с Валениусом, устроилась в госпиталь сестрой милосердия. Вот и вся ее история.

Анна понравилась Зорге. Он был достаточно проницательным, чтобы сказать: Макс сделал удачный выбор, нашел настоящую подругу жизни.

Бытовая сторона жизни не заслоняла главного: работы. А она требовала большого напряжения, беспрестанных поездок по городам огромной страны. Установлена связь с Центром. Посланы первые радиogramмы.

Но Зорге ясно сознавал: без помощи людей, хорошо знающих обстановку, успеха не добиться. Такими людьми были японские и китайские журналисты. Он быстро сдружился с иностранными журналистами, аккредитованными в Шанхае, свел знакомства с немецкими военными советниками в нанкинских войсках.

Все пристальнее следил он за деятельностью специального корреспондента газеты "Осака Асахи" японца Одзаки Ходзуми. Недавно Одзаки поместил в своей газете статью, в которой писал: "Возмутительное объявление в шанхайском парке: "Китайцам и собакам вход воспрещен" снято, но подлинными хозяевами здесь по-прежнему остаются англичане". Как удалось выяснить, Одзаки связан с одной из китайских студенческих групп, настроенной прогрессивно, печатает под псевдонимом статьи, разоблачающие захватническую политику иностранных держав в Китае.

Через знакомую журналистку Зорге выразил желание встретиться с Одзаки. Японец сказал, что будет рад встрече.

Позже Зорге даст оценку своему новому другу: "Одзаки был моим первым и наиболее ценным помощником... Наши отношения, как деловые, так и чисто личные, всегда оставались превосходными. Он добывал самую точную, полную и интересную информацию, которая когда-либо поступала ко мне из японских источников. Сразу же после знакомства я близко подружился с ним".

Обычно Рихард встречался с Одзаки на Гарден-бридж у границы японской концессии. Затем они усаживались в автомобиль и уезжали в какой-нибудь парк, подальше от японской полиции.

У них было о чем поговорить, что сообщить друг другу. Они рассуждали о внешней политике чанкайшистского правительства и об его армии, о перемещениях в верховном военном командовании, о том, какие слои и классы поддерживают нанкинский режим, о зависимости этого режима от Англии и Америки.

Догадывался ли Одзаки, что имеет дело с разведчиком? По-видимому, да. Но он понимал: Зорге так же, как и сам Одзаки, - друг китайского народа, он представляет некие силы, противостоящие империализму. Этого было достаточно.

В шанхайские вечера по просьбе Рихарда Одзаки часто рассказывал о себе. Родился он в Токио 1 мая 1901 года, в семье журналиста. Когда Ходзуми исполнилось пять лет, его отца назначили редактором газеты

"Тайвань Ници-Ници Симбун". Семья переехала в город Тайхоку на остров Тайвань. Гористый остров, покрытый рощами камфарного лавра, стал колонией Японии в результате ожесточенной японо-китайской войны. Населяли его главным образом китайцы, которые ненавидели захватчиков и на каждом шагу оказывали им сопротивление. Тринадцать лет провел на этом острове Ходзуми. Завоеватели силой согнали китайских крестьян с земли, в принудительном порядке заставили работать на плантациях. Рис, чай, сахарный тростник, цитрусовые - все вывозилось в метрополию. Здесь царил неприкрытый произвол. "Притеснения и насилия со стороны японских властей по отношению к поработанному местному населению вызвали у меня первые сомнения..." - таково впечатление Одзаки от тайваньского периода жизни.

Сомнения не рассеялись и тогда, когда Ходзуми, окончив среднюю школу в Тайхоку, отправился в метрополию. В Токио он выдержал конкурс в Первый колледж Итико, лучший в стране, куда принимали только наиболее способных; после колледжа, как правило, открывался путь в Токийский университет. В 1922 году по совету отца Ходзуми перешел на юридический факультет Токийского университета и в 1925 году получил степень доктора права.

Еще во время учебы в университете Одзаки понял, что буржуазное право - это право сильного. Подтверждение этой мысли он находил в окружающей действительности. Так, когда в сентябре 1923 года в стране разразилось грандиозное землетрясение, правящие классы, опасаясь народных волнений, решили направить недовольство масс тяжелым экономическим положением и нераспорядительностью властей против коммунистов и "иностранцев". Началась дикая расправа: четыре тысячи корейских рабочих было убито, тысячу триста японских революционно настроенных рабочих и крестьян загнали в тюрьмы. Особенно бесчеловечно расправились жандармы с девятью коммунистическими деятелями. Семью руководителя общества аграрного движения Морисаки Генкити бросили в застенки. Облавы на коммунистов и революционно настроенных студентов не прекращались.

Потрясенный этими событиями, Ходзуми оставил университет и уехал на Тайвань. Как-то роюсь в библиотеке отца, он нашел книгу о Фердинанде Лассале, одном из организаторов Всеобщего германского рабочего союза. Молодой человек еще мало был подготовлен, чтобы разобраться в путаных оппортунистических взглядах Лассалья, но он открыл другое: сын купца, Лассаль участвовал в революции 1848 года, считался пламенным агитатором, возвеличивал рабочий класс. Одзаки впервые глубоко заинтересовался социальными проблемами.

Он возвращается в Токийский университет. Работает научным сотрудником, усиленно штудирует труды Маркса, Энгельса, Ленина, статьи Сэн Катаяма, вступает в профсоюз "Хегикай", вечерами посещает "Токийский клуб социальных проблем", где ведутся жаркие споры о судьбах Японии, обсуждаются статьи, напечатанные в журнале "Марксизм". "Большую часть времени я отдавал изучению именно этих трудов..." Одзаки горячо симпатизировал молодому социалистическому государству.

Блестящий ум, доскональное знание истории и культуры стран Азии сделали Одзаки любимцем студентов. У него появилось много друзей. Ходзуми был слишком умен, чтобы поверять все свои мысли этим друзьям - ведь большинство из них происходило из имущих классов, каждый готовился стать влиятельным человеком в государственном аппарате.

Друзья могли пригодиться в будущем, когда Одзакки окончательно изберет свой путь. А путь был ясен: Одзакки решил последовать примеру отца - стать журналистом; карьера государственного чиновника его не привлекала.

В 1926 году Одзакки устраивается на работу в токийскую газету "Асахи", активно сотрудничает в профсоюзной печати, где выступает под псевдонимом "Кусано Генкити" (в память о Генкити Морисаки, брошенном правительством вместе с семьей в тюрьму). Если отец Ходзуми служил газетно-издательскому концерну "Майници", то сам Ходзуми перешел в противоположный лагерь - в "Асахи", хотя мог бы, используя знакомства отца, получить высокую должность в "Майници". Через год Одзакки перевели с повышением в крупную газету "Осака Асахи", а вскоре он получил командировку в Китай. Там-то и состоялось его знакомство с Зорге...

Как понимал Рихард, Одзакки был последовательным антифашистом, патриотом своей родины. Он твердо считал, что путь внешней экспансии приведет Японию к гибели.

Таков был новый помощник Зорге. Имелись и китайские помощники в Мукдене, Кантоне, Шанхае и других городах.

Три года жизни в Китае... Чем они были наполнены?

Организационной работой. Бесконечными поездками. Встречами. Изучением страны. Рихард вел научно-исследовательскую работу, писал. Изучал японский и китайский языки. Он словно предчувствовал, что все это может пригодиться в будущем. Его чемоданы были до отказа набиты научными материалами о Китае. В кругу китайских журналистов он цитировал стихи древнего поэта Ли Сянь-юна: "Я исходил страну из края в край... Давно я не был дома, но, как встарь, не знают роздыха копье и щит..."

Это были научные занятия под свист пуль.

В Манчжурии разворачивались события чрезвычайной международной важности.

"Мукденский инцидент", а другими словами - оккупация Японией Манчжурии началась 18 сентября 1931 года. В ночь на 19 сентября были оккупированы Мукден и Чанчунь, 22 сентября - Гирин, 18 ноября - Цицикар. Японцам помогал китайский генерал Чжан Цзин-хой. К началу 1932 года почти все главные города и железнодорожные узлы Манчжурии оказались в руках японцев.

Заняв Северную Манчжурию, японские войска стали концентрироваться на дальневосточной границе Советского Союза.

От организации Зорге требовалась предельная оперативность. И радиogramмы беспрестанно летели в Центр. Японцы вербовали белогвардейцев для организации антисоветских банд, писали о неизбежности войны Японии против СССР - этими акциями, направленными против Советского Союза, японский империализм рассчитывал приобрести союзников в реакционных кругах Европы и Америки. В январе 1932 года японцы предприняли наступление на Шанхай.

В это беспокойное время Зорге и его помощники находились на переднем крае событий. Поездки в Мукден, в Харбин, Чанчунь, Гирин. Зорге видел в Чапэе - китайской части Шанхая - ожесточенные бои городской бедноты против японских войск. Да, он видел баррикады, объятый пламенем Чапэй. Японцы ввели в бой артиллерию, авиацию.

В январе 1933 года Зорге отозвали в Москву. Он выполнил свою

задачу. Центр заблаговременно был информирован о разворачивающихся в Китае событиях. Несколько позже, в августе 1933 года, выехали в Советский Союз через Харбин Макс и Анна Клаузен.

И вот несколько месяцев спустя Зорге вновь на Дальнем Востоке. В Японии...

Как жаль, что рядом нет Макса Клаузена. Они славно потрудились тогда. Для прикрытия Макс весьма умело занимался коммерцией - торговал немецкими мотоциклами...

Одзак вернулся в Японию еще в прошлом году. Он где-то здесь, в Осака, или, может быть, даже в Токио.

Зорге думал о прошлом. В нем есть яркие страницы. Страницы борьбы, подпольной работы. И на каждом шагу подстерегала опасность. Все было... В одной из анкет он почти с афористичной лаконичностью определил сущность своей деятельности: "Профессия - интеллигент. Призвание - партийная работа".

Но пора было подумать о будущем. Оно требовало действий.

<h2>ЗАПОВЕДИ РАЗВЕДЧИКА</h2>

За месяц пребывания в Токио Рихард успел не только ознакомиться с городом, изрезанным бесчисленными каналами и речками, но и нанести визиты представителям служб информации, иностранным пресс-атташе, побывать на всех пресс-конференциях и приемах, вступить в члены токийской ассоциации иностранных корреспондентов.

Начал знакомства он с пресс-атташе - руководителя Германского информационного агентства ДНБ Вайзе. Это был типичный "коричневый таракан", приверженец фюрера. Видно, у Вайзе уже был разговор о Зорге с послом, так как пресс-атташе встретил нового корреспондента довольно приветливо. Вайзе с нескрываемым любопытством расспрашивал о нацистском пресс-клубе в Берлине, о знакомых журналистах, о здоровье Функа. Рихард вел себя очень скромно, не набивал себе цену, хвалил продукцию борзописцев ДНБ и самого Вайзе, поддакивал, прямо сказал, что ему будет трудно в незнакомой стране без помощи такого опытного журналиста, как Вайзе. Пресс-атташе легко клянул на лесть, обещал помогать на первых порах. Потом они по случаю знакомства обедали в ресторане "Фледермаус".

Следовало также утвердиться в токийской ассоциации иностранных корреспондентов, в этом Вавилоне прессы.

Токийская ассоциация иностранных корреспондентов представляла собой своеобразный мирок со своими неписаными законами, своим укладом и обычаями. Здесь собрались представители "шестой державы", пронырливые, жадные до сенсаций, предельно оперативные, не брезгающие ничем, если нужно раздобыть интересный материал. Каждый из них мнил себя полномочным представителем той страны, которая аккредитовала его в Японии, каждый считал, что звезда корреспондента-международника должна сиять ослепительно, ибо карьера журналиста - это и политическая карьера. Они любили свою беспокойную работу, нахально ломались в двери японских министерств, проникали в любую щель, подкупали клерков и секретарш, околачивались в притонах и кабаре. Это был легальный шпионаж. И все ради того, чтобы добыть сенсационный материалчик для своей газетенки или журнальчика. Их держали, так как интерес читающей публики к экзотической стране хризантем и гейш никогда не угасал.

Платили, правда, негусто.

Но даже самый ловкий журналист не может быть вездесущим. Потому-то в ассоциации образовался своеобразный рынок: обмен информацией. Когда назревали важные политические события, вся газетно-журнальная свора объединялась, распределялись обязанности, выбирался координирующий центр - и наставала эпоха великой солидарности и творческого содружества. И неважно, что в данный момент существовали политические трения между странами, представителями которых корреспонденты являлись, журнальной братии нет никакого дела до трений: все они патриоты одной державы - шестой!

Верховодил в ассоциации обычно корреспондент, в совершенстве владеющий языком того государства, где ассоциация находилась. В Токио задавал тон некто Бранко де Вукелич, фоторепортер парижского иллюстрированного журнала "Вью" и корреспондент белградской ежедневной газеты "Политика", мужчина лет тридцати, высокий, подтянутый, с широким добродушным лицом и хитроватыми насмешливыми глазами. Одевался он просто, но изысканно, жил сначала в отеле "Империял", затем переехал в дом "Банка" в районе Хонго-ку. В Токио он появился 11 февраля этого года, но быстро упрочил свое положение среди "топтателей земного шара", как называли в Японии газетчиков. Вукелич успешно овладевал японским разговорным языком. Безукоризненно знал он французский, английский, итальянский, немецкий, испанский. Настоящий газетный волк-международник! По национальности серб, по характеру француз, он был женат на датчанке и в своем лице как бы представлял многоязыкую Европу. Бранко слыл щедрым, охотно передавал менее удачливым собратьям редкие снимки, иногда предоставлял им для работы свою хорошо оборудованную фотолабораторию. Злые языки поговаривали, что Бранко по ночам фабрикует видовые открытки и сбывает спекулянтам, но добродушный фоторепортер только посмеивался в ответ и не опровергал слухов. Каждый делает деньги, как умеет. Да фоторепортера никто и не осуждал: все жили голодно, и каждая йена была на счету. А у Бранко жена, ребенок. Им даже восхищались: Бранко - проныра из проныр. Его ядовито-зеленую "карточку прессы" видели и в приемной премьер-министра Японии, и в министерстве иностранных дел, и в гостиной известного адмирала Х. Като, душителя Советской власти во Владивостоке в 1918 году, бывшего начальника морского генерального штаба. Ворчливый усатый адмирал щеголял знанием русского языка. Но Бранко, к сожалению, не владел этим языком.

Вступление Зорге в ассоциацию прошло без всякой помпы: просто по этому случаю он пригласил собратьев по перу в "Империял", угостил обедом и хорошим вином. Все решили, что он свой парень, не задавака, обычаи "шестой державы" блюдет. Вукелич хоть и присутствовал в компании, но ни словом не обмолвился с Зорге. Время еще не наступило. Оба изучали друг друга: опасались, как бы иностранная контрразведка не подсунула подставное лицо - ведь до этого Бранко и Рихард никогда не встречались.

Особенно тщательно готовился Зорге к обеду в немецком посольстве. Он понимал, что ему просто-напросто повезло на первых порах. Обед в посольстве - это вам не какой-нибудь "а ля фуршет", когда пьют и закусывают стоя. На обед попадают избранные. В приглашении указана форма одежды - фрак. Через фрау Отг Зорге разыскал лучшего портного.

Дипломатический прием начался в восемь часов вечера.

Присутствовали высокопоставленные чиновники японского министерства иностранных дел, японские журналисты, военные. Зорге усадили на далеко не почетное место. Он пока что был на запятках, и никто не обращал на него внимания.

И только приехавший из Нагои стажер-абверовец подполковник Эйген Отт, которого посольские упорно не хотели принимать за "своего", так как армейский офицер есть армейский офицер - и ничего больше, шумно приветствовал Рихарда. Наконец-то в Токио пожаловал приличный человек... Отт все время чувствовал себя отверженным и искренне обрадовался появлению корреспондента. Он сразу же распознал "родственную душу". Фрау Отт успела шепнуть мужу кое-что о высоких покровителях журналиста: Геббельс, Функ. Давно ли Отт издевался над "богемским ефрейтором"!.. Сейчас фрондерства как не бывало. Протягивая руку, Отт вскричал: "Я вас знаю! Мы встречались в "Бюргербрейкеллере"!" У подполковника Отта была хорошая память. Но сейчас он ошибался, а возможно, тоже путал Рихарда с Вольфгангом Зорге. Выгоднее было притвориться, что они в самом деле познакомились в Мюнхене, в пивном погребе "Бюргербрейкеллере". Этот погребок уже вошел в историю нацистской партии, стал своего рода Меккой закоренелых фашистов. Погребок был колыбелью знаменитого путча нацистов 8 ноября 1923 года. Гитлер в окружении "золотых фазанов" навещался сюда каждый год. Рихард расплылся в счастливой улыбке и с чувством пожал руку подполковнику. Так встречаются старые друзья, единомышленники!..

Со стороны все это выглядело весьма правдоподобно. Ого, оказывается, доктор Зорге пользуется широкой известностью!.. Рихард не удержался от коварного комплимента Отту. Он сказал, что именно в "Бюргербрейкеллере" фюрер впервые назвал офицеров будущего вермахта "людьми первого сорта". Отт просиял и сразу же представил корреспондента японским военным. Зорге получил приглашение в гости к Оттам. Ведь корреспондент влиятельных газет одной меткой фразой поднял подполковника в глазах общества. Конец изоляции и косым взглядам!.. А так как от косых взглядов посольских дам больше всего страдала его жена, Отт был вдвойне счастлив.

На обеде фрейлейн Гааз сидела напротив Зорге и не сводила с журналиста сияющих глаз. Над немецкой колонией в Токио висела тяжелая, безысходная скука. Надоевшие лица, однообразная жизнь. Все интересные мужчины женаты и предпочитают проводить досуг в семейном кругу - в увеселительные заведения Асакусу вход им наглухо закрыт. Она видела его жесткое, волевое лицо, мощный лоб с небольшими залысинами, волнистые темно-каштановые волосы. Даже когда он улыбался, пронизывающий взгляд его голубых глаз не становился теплее. По мнению фрейлейн, это и был идеал мужской красоты.

Она не любила ездить в воскресные дни в Камакуру, но, когда собралась небольшая компания, куда вошли супруги Отт и Зорге, фрейлейн присоединилась к этой компании.

В Камакуре купались в море, фотографировались на каменных ступенях шестнадцатиметровой бронзовой статуи Будды, побывали в синтоистском храме, где хранится зеркало богини солнца Аматерасу. Совсем осмелевшая фрейлейн пояснила, что в самой священной части синтоистских храмов обязательно хранятся зеркало и меч: зеркало символизирует женщину, которая должна всегда быть лишь отражением мужчины, меч - мужчину, самурая. Тут-то Зорге и взглянул впервые на

фрейлейн с интересом: ведь он был новичком, и его занимало все, что связано с обычаями японцев. Он извлек блокнот и деловито записал притчу о мече и зеркале. Кстати, он сказал своим друзьям, что через несколько дней, 4 октября, собирается отметить свое тридцативосьмилетие. Все они должны быть и принять участие в составлении меню. Самый узкий круг...

Рихард отметил свой день рождения. Круг оказался не таким уж узким. Собрались почти все посольские, жена подполковника Отта (сам Отт ускакал в Нагою в артиллерийский полк), присутствовали даже высокопоставленные японцы. Пили и танцевали в одном из залов "Империала". Об этом отеле японский поэт-коммунист Накано сказал: "Здесь - Европа. И даже собаки здесь говорят по-английски. Здесь - этикет европейский".

Хозяин оказался щедрым и, выбирая вино, показал свой безукоризненный вкус. Все остались довольны. А как он танцевал! Случилось так, что именно в этот день фрейлейн Гааз оказалась нездоровой. Чаще всего Зорге танцевал с фрау Отт. Случилось также, что ему пришлось провожать ее домой. Разгоряченная вином и танцами, она болтала без умолку и сказала, что назначение подполковника Отта помощником атташе - дело решенное. Скоро ее супруг вернется в Токио... Последние слова были произнесены с грустью. Видно, фрау не любила своего мужа, и он был ей в тягость. А возможно, ей просто нравился приятный кавалер Зорге. Во всяком случае, они выяснили, что оба поклоняются Моцарту, и Рихард был приглашен в дом Оттов послушать игру хозяйки. Корреспондент с удовольствием принял очередное приглашение: помощник военного атташе - это уже кое-что!

...Зорге считался руководителем организации, которой пока еще не существовало. Прибыли в Японию отдельные лица. С ними следовало связаться. Организацию надлежало создать. Для начала - сколотить ядро. Ядро обрстет людьми. В ядро должны войти кроме Зорге Бранко Вукелич, неведомый художник Мияги, радисты Эрн и Бернгард. Разумеется, никто из них, кроме Рихарда, не имел четкого представления о предстоящей работе. Им ясна лишь общая задача: своей деятельностью защитить Советский Союз от происков империалистов. Во имя этой высокой цели они и вызвались поехать в Японию.

Рихард рассчитывал также разыскать и привлечь в группу своего старого друга Одзакки Ходзуми, вернувшегося из Шанхая в Японию и продолжавшего сотрудничать в газете "Осака Асахи".

Бернгард и Эрн приехали в Токио несколько раньше Зорге. Они уже успели установить контакт с Вукеличем и должны были представить югослава Рихарду. Встреча состоялась. Зорге и Вукелич закрылись в кабинете, обменялись паролями.

Все наигранное, напускное сразу исчезло. Остались два коммуниста-подпольщика. Преобразилось и лицо Вукелича: сделалось твердым, одухотворенным, как в те времена, когда он выступал на студенческих митингах в Югославии, как в тот памятный день осени 1932 года, когда его приняли в члены коммунистической партии. Спрашивал Зорге. Вукелич отвечал. У него накопилось изрядное количество информации - разрозненные факты, все, что удалось добыть у словоохотливых корреспондентов Англии, Америки, Франции, в посольствах этих стран, в редакциях газет "Джапен таймс", "Джапен адвертайзер", издающихся в Токио, в телеграфных агентствах. Договорились, что и

впредь Вукелич будет нести ответственность за сообщения о намерениях западных держав на Дальнем Востоке. Токийская ассоциация представляла благодатное поле для подобной деятельности, ее следовало использовать с наибольшим эффектом. Надлежало стать "своим человеком" во французском посольстве, сделаться сотрудником французского агентства Гавас.

Зорге радовался, что один из флангов организации - контроль за деятельностью посольств Англии, Франции, Америки - надежно обеспечен. Здесь Вукелич был на своем месте, его работа сулила немаловажные результаты. У него наметан глаз на все ценное, значительное. А обобщать, создавать цельную картину международных политических отношений, ставить прогнозы - это уж дело Рихарда. Фотолаборатория Бранко, не вызывая подозрений контрразведки, могла обеспечить организацию миниатюрными фотокопиями самых различных документов, которые следовало переправлять в Китай для передачи курьерам Центра.

До поездки в Японию им не доводилось встречаться. Но еще в Москве, когда решался вопрос о составе группы "Рамзай", Зорге остановил свой выбор именно на Вукеличе. Выбор не был случайностью или результатом спешки. Нет, Рихард основательно изучил все, что имело отношение к биографии Вукелича и его подпольной деятельности, и перед мысленным взором возник облик мужественного человека, не способного на компромиссы с собственной совестью.

Бранко Вукелич родился в 1904 году, в семье полковника югославской армии. Юность его прошла в Хорватии, в городе Загребе. Здесь Бранко учился в реальной гимназии, здесь поступил в университет. В Загребе началась его революционная работа. Сперва Бранко мечтал стать архитектором. Слушал известных архитекторов Ковачича, Эрлиха, Шена. Загребская архитектурная школа в то время считалась лучшей в Югославии. Вукелич бредил архитектурными памятниками древней Эллады, увлекался живописью, музыкой. Его музыкальным образованием руководила мать, женщина мечтательная, романтическая.

Это была мрачная пора в истории Югославии. "В королевстве резко усилились репрессии, - писала либеральная газета "Слободна реч" 29 января 1922 года, - тюрьмы переполнены арестованными рабочими и крестьянами... Запрещена не только компартия, но и профсоюзы". В тюрьмы было брошено до сорока тысяч коммунистов и беспартийных рабочих. В такое время трудно было заниматься искусством. Перед университетом проходят студенческие демонстрации. Бранко в числе организаторов таких демонстраций, распространяет коммунистические газеты "Борба" и "Млади родник". В 1924 году он вступает в группу студентов-марксистов. В этом же году произошел инцидент, который повлиял и на участь Вукелича. 14 сентября открылся съезд Хорватской республиканской крестьянской партии в Загребе. Сюда приехало несколько десятков тысяч крестьян. Загреб целиком находился во власти крестьян. Газета "Слободен дом" в эти дни отмечала: "Каждое упоминание о Советском Союзе вызывало бурю восторга - непрерывно раздавались возгласы: "Да здравствует Советский Союз!" К крестьянам присоединились студенты Загребского университета. Среди них - Бранко Вукелич. Начались аресты. Вукелич угодил в тюрьму.

Но и после того как Бранко освободили из-под ареста, слежка за ним продолжалась. Он попал в "черный" полицейский список. Это не испугало юношу. Однако он должен был все-таки покинуть Югославию. Так

советовали товарищи, так советовала мать. В Югославии начался разгул белого террора. Друзья Вукелича приглашали его бежать в Австрию. Бранко отказался. Он записал об этом периоде жизни в своей тетради: "К тому времени революция в Болгарии, Германии, Италии, Австрии и Венгрии, то есть во всех странах, окружающих мою родину Югославию, была подавлена. Мне и моим товарищам в Югославии ничего не оставалось, как ждать того момента, когда полиция нас схватит. Но мы ждать не стали..."

В конце 1926 года он уезжает в Париж, поступает в Сорбоннский университет на юридический факультет. Несколько позже в Париж перебираются также мать Бранко и его младший брат Славомир, или Славко.

Во время каникул Вукелич совершает поездку в Данию, встречается здесь девушку Эдит, преподавательницу физкультуры, и женится на ней. Вскоре у них появляется сын. Незадолго до окончания университета Бранко устраивается в электрическую компанию одного из французских акционерных обществ.

Но Вукелич не может оставаться в стороне от политической жизни своей родины, от того, что творится в мире. Он устанавливает связь с ежедневной югославской газетой "Политика", шлет туда свои статьи, посвященные международному положению. Его тянет в Загреб. В Югославии в результате государственного переворота 6 января 1929 года установлена монархо-фашистская диктатура во главе с королем Александром I. Зверски убиты руководители коммунистической партии Джуро Джакович и Никола Хечимович, Марко Машанович и Брацан Брацанович. В Хорватии арестовано 1500 рабочих.

В это смутное, кровавое время, в августе 1931 года, Вукелич едет в Югославию, в родной Загреб.

Вукелич значится гражданином Югославии и должен отбывать воинскую повинность.

Пробыл он в казармах всего четыре месяца. Официально его отчислили из-за плохого зрения. А по существу, его заподозрили в организации выступления солдат загребского гарнизона. И хотя прямых улик против Бранко найти не удалось, от него решили побыстрее избавиться. Бранко по этому поводу записал: "Мы организовали большую демонстрацию в своей воинской части и в других частях". Демонстрация против диктатуры. В то время проходили выборы в скупщину, вся Югославия пришла в движение. В Белграде состоялись студенческие манифестации. Студенты провозглашали: "Долой диктатуру!", "Не отдадим ни одного голоса на выборах!". Солдаты им вторили: "Долой генерала Живковича, ставленника короля!"

В Париж Бранко вернулся в январе 1932 года. Он жаждал действий, настойчиво искал применения своим силам. И когда представилась возможность работать вместе с Зорге, Бранко не стал долго раздумывать.

Кем быть в Японии? В последнее время Вукелич увлекался фотоделом. И он решил стать корреспондентом французского еженедельного иллюстрированного журнала "Вю". Подписать контракт удалось легко: редакция "Вю" задумала посвятить номер Дальнему Востоку. От президента электрической компании он взял несколько рекомендательных писем в Японию. Путем обмена рекомендательными письмами с югославской газетой "Политика" он добился права считаться представителем этой газеты в Токио.

Психолог по натуре, рационалист в своей области, Зорге обладал моральной интуицией, поистине граничащей с прозорливостью: он никогда не ошибался в людях. Любая ошибка могла стоить жизни, загубить все дело. У него ко всякому явлению выработался диалектический подход - будь то политическая ситуация или же поведение индивидуума. В работе он искал единомышленников и всякий раз находил их. Вукелич был таким единомышленником.

Бранко рассказал, как он с семьей пробирался в Иокогаму по туристскому маршруту из Марселя через Красное море, Сингапур и Шанхай. Он умолчал о том, в какое затруднительное положение попал, не рассчитав свои скромные средства: сперва поселился в самой лучшей гостинице, а затем в меблированной квартире "Банка". В Париже его уверяли, что жизнь в Японии баснословно дешева: на десять иен в день можно с семьей прожить роскошно. Увы, действительность оказалась намного жестче: десять иен в день комната и питание для двух человек стоили в Токио около десяти лет назад, до того как было введено эмбарго на золото.

Но Рихард уже знал от радиста о затруднениях Бранко и посоветовал ему подыскать более скромный и более уединенный дом, где можно было бы без опасений развернуть радиостанцию.

Вскоре Вукеличи перебрались на улицу Санайте, в квартал Усигомэ-ку. Здесь Бернгард и Эрнэ занялись монтажом радиостанции. Рихарду не терпелось установить связь с Центром. Но радисты попались нерасторопные. Они все не могли найти нужные детали, слонялись целыми днями по городу или же, закрывшись в комнате, что-то паяли, ругались и переделывали все заново.

Бернгард оказался человеком вспыльчивым, угрюмым, с большим самомнением, но недалеким. Теоретически свое дело он, может быть, и знал, но что касается практики... Кроме того, он часто пренебрегал правилами конспирации, по всякому поводу разыскивал Рихарда и докучал ему, делал многозначительный таинственный вид, изображая из себя заговорщика. За несколько месяцев он успел надоесть Рихарду до смерти, и Зорге дал себе слово при первой же возможности избавиться от этого человека. Но пока Бернгард действовал: он поднял на ноги всех продавцов радиомagasинов.

Зорге дал указание Вукеличу связаться с художником Мияги.

Мияги Птоку вернулся из Америки на родину совсем недавно: в октябре. И с первого же дня стал следить за объявлениями в английской газете "Джапен адвертайзер". Именно в этой газете должно было появиться объявление, условный сигнал: "Хочу приобрести гравюру укиаэ".

Каким образом японец Мияги попал в Америку и почему он много лет спустя решил вернуться на родину, чтобы здесь заняться делом, далеким от изобразительного искусства, которому он мечтал посвятить всю свою жизнь? История Мияги заслуживает того, чтобы рассказать о ней подробно. Родился он 10 февраля 1903 года на острове Окинава, в семье разорившегося помещика. Нужда побудила отца Птоку эмигрировать сначала на Филиппины, а затем в Калифорнию, где он устроился на ферму близ Лос-Анджелеса.

Мияги Птоку в это время воспитывался в семье деда и бабки со стороны матери. В 1917 году он окончил начальную школу и поступил в учительский институт. Учился Птоку прилежно, но заболел туберкулезом.

Институт пришлось оставить. Молодой человек вспомнил об отце, сел на пароход и в июне 1919 года ступил на американский берег. Втайне он надеялся в более сухом климате избавиться от туберкулеза. В те времена эмиграция считалась обычным делом, и на Тихоокеанском побережье США существовали огромные поселения японцев. В течение двух лет Птоку занимался в школе английского языка, потом стал посещать школу художеств в Сан-Франциско, а затем в Сан-Диего. Но туберкулез привязался к молодому человеку накрепко. Мияги-старший мало чем мог поддержать сына, так как сам жил бедно; в конце концов, скопив небольшую сумму, он надумал вернуться на Окинаву. Птоку остался совершенно один в чужой стране. Питался скверно, приходилось думать не об искусстве, а о куске хлеба. Кое-как окончив в 1925 году школу художеств, устроился рабочим на ферму близ Брули. Выбраться из нищеты помогли друзья Абе Кензен, Дзюн, Синсей и Накамура Коки: они взяли Птоку в пай и открыли в "маленьком Токио" Лос-Анджелеса ресторан "Сова". К этому времени относится и расцвет таланта Мияги: он рисовал самозабвенно, не заботясь о том, купят ли его картины. Но картины покупали, появились деньги, можно было наконец обзавестись семьей. Летом 1927 года Мияги женился на Ямаки Чио, переехал жить в Лос-Анджелес, в дом японского фермера Китабаяси Псисабуро.

За год до этого Мияги под влиянием своих друзей организовал в ресторане "Сова" кружок по обсуждению социальных проблем. Что толкнуло его на подобный шаг? Сам он об этом говорил так: "Я не могу сказать, что не подвергался влиянию своих друзей и книг, которые я читал, но гораздо большее влияние на меня производило то, что я видел: неустойчивость американского капитализма, тирания правящих классов, и прежде всего бесчеловечная дискриминация в отношении азиатских народов. Я пришел к заключению, что лекарством от всех этих болезней является коммунизм".

Но пришел не сразу. Вначале были шумные собрания, споры. Кружок стали посещать коммунисты. Американский профессор русского языка Такахаси и другой коммунист, по фамилии Фистер, читали кружковцам лекции на политические темы, знакомили с трудами Маркса, Энгельса, Ленина, рассказывали о Великой Октябрьской социалистической революции в России. Постепенно марксистский кружок превратился в "Общество пробуждения", затем в "Рабочее общество" со своим журналом "Классовая борьба" и еженедельной "Рабочей газетой". Под влиянием "Рабочего общества" возникло "Общество пролетарского искусства", куда без колебаний вступили Мияги, его жена Чио, а также их многочисленные друзья - художники, журналисты. Начались аресты, попал в тюрьму редактор "Рабочей газеты" друг Мияги - Кеммоцу. Семь человек было выслано вместо Японии в Гамбург под гарантию германского посла. Мияги даже как-то позавидовал этим семерым: ведь из Германии легче попасть в Советский Союз! Он мечтал о первой в мире стране социализма. В 1931 году он вступил в американскую компартию.

Мияги ненавидел не только американский империализм. То, что творилось на родине, в Японии, также волновало его. "В детстве я был откровенным националистом, но даже тогда я возмущался тиранией японской бюрократии. Доктора, адвокаты, банкиры и чиновники в отставке имели обыкновение прибывать сюда из Кагосимы; они становились ростовщиками и эксплуатировали местных крестьян. Я ненавидел этих людей, потому что мой отец учил меня никогда не использовать чужую

слабость. Точно так же он преподавал мне историю Окинавы, сравнивая прошлый славный период с теперешним полуколониальным положением... Мне кажется, что критика этой бесчеловечной тирании и бедности народа Окинавы впервые обратила мой ум на политические вопросы". Такова история художника-искусствоведа коммуниста Мияги Птоку, который добровольно пожелал работать в организации Зорге, бросил обеспеченную жизнь в Америке, все свое имущество, дом и устремился навстречу опасностям. Он не хотел подвергать риску любимую жену Чио, а потому оставил ее в Лос-Анджелесе, пообещав скоро вернуться, хотя и не был твердо уверен, что это удастся сделать. Увидеться им больше не довелось.

В середине декабря 1933 года Мияги наконец обнаружил в "Джапен адвертайзер" нужное объявление. Он поспешил в Бюро объявлений Иссуяся и встретил здесь Вукелича. "Это я ищу гравюру укиаэ", - сказал Бранко. Когда они остались одни, журналист протянул бумажный американский доллар. У Мияги в кармане хранился точно такой же, только с номером на единицу больше. Все сходилось. Но Мияги пока еще не числился членом организации. Это была строго добровольная организация, и вступить в нее художник мог только после знакомства с Зорге, после обстоятельной беседы с ним. В случае несогласия Мияги мог спокойно вернуться в Америку, дав слово хранить тайну.

Вскоре после этого в картинной галерее Уэно появились два иностранных журналиста - Зорге и всем известный Вукелич. Каждый из них собирался написать статью о японском искусстве в свои газеты. Но как может разобраться иностранец, не знающий японского языка, истории искусства Японии, в многочисленных макимоно (картинах-свитках) в стиле Ямато-е, в гравюрах Хисикава Моронобу, Хокусаи, Хиросиге. Превосходно владеющий английским языком художник-искусствовец Мияги взял на себя нелегкую задачу рассказать иностранцам историю развития японской гравюры. Он говорил, а они записывали в блокноты. Художник был худ, с нездоровым румянцем на впалых щеках - его сжигал туберкулез. Большие карие глаза лихорадочно блестели. Говорил он интересно, и Зорге не на шутку увлекся. Вукелич вообще был человеком искусства, художником и отправился-то в Японию с тайной надеждой помимо основного дела всерьез изучить архитектуру древних храмов, школу живописи тушью Сессю и, конечно же, гравюру на дереве. Если раньше Рихард сомневался, что такое лицо, как художник, может принести пользу организации, то теперь, познакомившись с Мияги, понял, что имеет дело с натурой чистой, убежденной и непреклонной. В конце концов не так уж важно, что служит прикрытием члену организации, важны его принципы, готовность пожертвовать жизнью, если это потребуется. Сам Мияги считал себя неподготовленным для разведывательной деятельности, и такое чистосердечное признание понравилось Рихарду. Он не любил людей, которые быстро загораются и быстро гаснут. Но у Мияги был опыт нелегальной работы, и этот опыт теперь мог пригодиться. Зорге не торопился с окончательным ответом. Лишь после нескольких встреч Мияги твердо заявил, что вступает в организацию. "Я пришел к выводу о необходимости принять участие в работе, когда осознал историческую важность задания, поскольку мы помогали избежать войны между Японией и Россией... Итак, я остался, хотя хорошо знал, что... в военное время я буду повешен..." - скажет он позже.

Теперь следовало связаться с Одзаки, который находился в Осака. В

данном случае трудно было обойтись без помощи Мияги.

О Ходзуми Одзаки Зорге думал еще в Москве, перед отправкой в Японию, думал в первые же часы своего появления в Токио, навел о нем справки. И теперь, когда он как журналист каждый день убеждался, что отношения между Германией и Японией укрепляются, Одзаки стал прямо-таки необходим. Что замышляет правящая верхушка нации ямато? Давно ли генерал Танака призывал к войне с Советским Союзом?.. Правда, потерпев провал, Танака ушел в отставку еще в 1929 году. Но предан ли забвению знаменитый секретный "меморандум Танака"? То, что японцы вторглись за Великую китайскую стену, в провинцию Хэбэй, командуют в Манчжурии, - уже реальность; то, что активизировалось "молодое офицерство", настроенное милитаристски, - тоже реальность. Все чаще японская военщина проповедует в печати необходимость захвата Советского Приморья, японо-маньчжурские отряды то и дело вторгаются на территорию СССР. Япония наотрез отказалась подписать с Советским Союзом пакт о ненападении. Подобная ситуация не может не насторожить. А главное: как будут развиваться взаимоотношения Японии и Германии дальше?..

Зорге хорошо понимал, что в правительственные круги Японии доступ иностранцу закрыт. Вы можете великолепно владеть японским языком, можете состоять в дружбе с высокопоставленными японцами, очаровывать их превосходным знанием японских обычаев, литературы, искусства, но вы никогда не проникнете в святая святых японской политики. Для этого нужно быть японцем.

Самый важный фланг может обеспечить только Одзаки, известный в правительственных кругах как один из лучших специалистов по Китаю.

В Шанхае Одзаки хорошо помогал группе Рихарда. Не переменились ли его взгляды с тех пор, не отошел ли он от беспокойной политической жизни? Нет. То и дело в "Осака Асахи" появляются его статьи, направленные против экспансионистских устремлений японской военщины.

Рихард отправился в "Японскую Венецию" - город Осака. Тут, по дороге, он впервые с близкого расстояния увидел сверкающий конус знаменитой Фудзиямы. "Японская Венеция" встретила его чадом бесчисленных заводских и фабричных труб. Это был второй по населению город в стране, огромный тихоокеанский порт. Осака не зря называли "Японской Венецией": по бесчисленным перекрещивающимся каналам сновали катера, грузно плыли караваны барж, в город заходили даже океанские суда.

Всю Японию обслуживали два крупных конкурирующих газетно-издательских концерна: "Майници", отражающий интересы промышленной буржуазии, и "Асахи" - собственность акционерного общества, половина акций которого принадлежала сотрудникам редакций и журналистам. Концерн "Асахи" считался носителем прогрессивных тенденций. В любом городе, в любой провинции каждый концерн имел свои газеты: к примеру, "Токио Асахи" и "Токио Ници-Ници", "Осака Асахи", "Осака Майници". Газетная война велась не на жизнь, а на смерть. Каждый стремился любыми способами залучить подписчика.

Ходзуми Одзаки находился в "Осака Асахи", он так же, как и другие сотрудники редакции, был держателем акций. Кроме того, он много зарабатывал: прожорливая газета с миллионным тиражом, выходящая два раза в день, беспрестанно требовала нового материала, обстоятельных политических статей. Одзаки трудился не покладая рук. Часто также его

статьи появлялись в солидном политическом журнале "Тюо корон". Именно статьи Одзаки, содержащие глубокий анализ внутривосточного положения в Китае, опубликованные этим журналом, считались наиболее авторитетными даже в правительственных кругах. Одзаки знали как крупного специалиста в вопросах японской и китайской истории и культуры, он считался ведущим экспертом по китайским делам, имел несколько научных трудов.

В конце весны 1934 года в редакцию "Осака Асахи" зашел худощавый человек в американском костюме, представившийся как Минами Рюити - это был художник Мияги. Он намекнул Одзаки, что с ним желает встретиться старый друг по Шанхаю. Одзаки сразу же догадался, что в Японии появился Зорге, не стал ни о чем расспрашивать, а назначил художнику встречу вечером в китайском ресторане. Тут они могли потолковать без свидетелей. Решили, что встреча Зорге и Одзаки произойдет в ближайшее воскресенье в заповеднике Нара. На том и расстались. Не нужно, однако, думать, что Мияги, выполняя просьбу Зорге, мог составить четкое представление о роли Одзаки в организации. Он вообще не знал, зачем журналист из Осака потребовался Рихарду и имеет ли это все отношение к делам организации. А для Одзаки художник был лишь эпизодическим лицом, неким Минами Рюити.

Нара - провинциальный городок, притулившийся под самым носом у Осака - города-гиганта. Некогда в древности Нара была столицей, а сейчас превратилась в большой музей старины. Правда, не все музеи доступны здесь для широкой публики. Так, императорский дворец сокровищ, размещающийся в деревянном здании, всегда закрыт. Есть еще дворцовый музей, где сосредоточены коллекции ранней японской скульптуры.

Но искусство сейчас не занимало Рихарда. Он с волнением ожидал встречи с Ходзуми Одзаки. Согласится ли Одзаки вступить в организацию?..

Наконец в аллейке показался Одзаки, японец интеллигентного вида, с гладко зачесанными волосами, в больших очках. В руках он мял шляпу. В нагрудном кармане торчало несколько самопишущих ручек. Он неторопливо подошел к Зорге, и они, как бы обмениваясь впечатлениями, заговорили. Встреча обоих обрадовала. Проницательный Одзаки знал, о чем пойдет речь, он добродушно щурил темные глаза и ждал. Когда же Рихард без обиняков сказал, зачем пожаловал, эксперт протянул руку: он согласен сотрудничать, готов помогать Зорге и его друзьям. Одзаки только казался тихим, на самом деле он был тверд как железо. И последователен.

...Одзаки и Мияги Рихард дал полную самостоятельность, обстоятельно побеседовав с каждым в отдельности. Никто не должен знать, что Зорге причастен к организации. Вскоре Одзаки даже разработал своеобразную инструкцию, определявшую нормы поведения членов организации. "Никогда не нужно показывать, что вы хотите получить от собеседника интересующие вас сведения. Люди, особенно занимающие важные посты, просто откажутся разговаривать с вами, если у них возникнет хоть малейшее подозрение о вашем намерении добыть ту или иную информацию. Если же вам, напротив, удастся создать впечатление, что вы знаете гораздо больше, чем ваш потенциальный источник, он сам с улыбкой выложит все, что ему известно. Прекрасным местом для сбора информации являются неофициальные обеды.

Очень важно быть настоящим специалистом в какой-либо области. Что касается меня, то я являюсь экспертом по Китаю, и поэтому ко мне постоянно обращаются с самыми различными запросами из всех инстанций и учреждений. В итоге я получаю много интересных сведений от тех, кто просит моей консультации. Не менее полезна связь с крупными организациями, занимающимися сбором той или иной информации...

Прежде всего следует добиться доверия и, конечно же, уметь сохранить его со стороны тех, кого вы используете в качестве источника информации. В этом случае вы можете выведать у них все что угодно, не возбуждая подозрений...

Нельзя быть хорошим разведчиком, если одновременно не являешься ценным источником информации для других. Этого можно достичь только непрерывным пополнением своих знаний и опыта".

Документ свидетельствует о хорошем знании Одзаки человеческой природы. Он, как и Зорге, был прирожденным разведчиком. Он пользовался в своей деятельности мудрым законом джиу-джитсу: победить, временно подчинившись обстоятельствам. Японские пословицы были словно специально придуманы для разведчика: "Оглядывайся на себя по три раза в день", "Кто осмотрителен, тот храбр вдвойне".

По совету Зорге Одзаки осенью 1934 года перебрался в Токио, где поступил в исследовательскую группу газеты "Асахи", занимающуюся изучением восточно-азиатских проблем. Почти сразу же он занял здесь ведущее место как эксперт по китайским делам; его вклад в работу института Тихоокеанских отношений вызывал всеобщее восхищение; журнал, выходящий на английском языке, "Контемпорери Джапен" охотно предоставляет Одзаки свои страницы.

Так постепенно создавалось ядро организации Зорге. Одзаки суждено было занять тут особое место, не предусмотренное никакими инструкциями.

Японские товарищи чисто по-человечески полюбили своего руководителя. Вспоминая эти дни, Зорге позже скажет: "Мое изучение Японии не ограничивалось изучением книг и журнальных статей. Прежде всего я должен упомянуть о моих встречах с Одзаки и Мияги, которые состояли не только в передаче и обсуждении тех или иных сведений. Часто какая-нибудь реальная и непосредственная проблема, казавшаяся мне довольно трудной, представала в совершенно ином свете в результате удачно подсказанной аналогии, сходного явления, развивающегося в другой стране, или же вводила русло беседы в глубины японской истории. Мои встречи с Одзаки были просто бесценными в этом плане из-за его необычайно широкой эрудиции как в японской, так и во всеобщей истории и политике. В результате именно с его помощью я получил ясное представление об исключительной и своеобразной роли военной верхушки в управлении государством или природе Генро - совета старейшин при императоре, который хотя и не был предусмотрен в конституции, но на деле являлся наиболее влиятельным политическим органом Японии... Никогда не смог бы я понять и японского искусства без Мияги. Наши встречи часто проходили на выставках и в музеях, и мы не видели ничего необычного в том, что обсуждение тех или иных вопросов нашей разведывательной работы или текущих политических событий отодвигалось на второй план экскурсами в область японского или китайского искусства...

Изучение страны имело немаловажное значение для моего положения

как журналиста, так как без этих знаний мне было бы трудно подняться над уровнем среднего немецкого корреспондента, который считался не особенно высоким. Они позволили мне добиться того, что в Германии меня признали лучшим корреспондентом по Японии. Редакция "Франкфуртер цейтунг", в штате которой я числился, часто хвалила меня за то, что мои статьи поднимали ее международный престиж..."

К заповедям Одзаки Рихард добавил свою: строжайшая конспирация во всех звеньях. Только он, как руководитель, мог знать, какое место занимает каждый в общей системе организации. Вукелич и Одзаки не подозревали о существовании друг друга. Мяги ни с кем, кроме Зорге, не общался. Он лишь смутно догадывался, что Бранко имеет какое-то отношение к организации, но какое, не знал. Все вместе никогда не собирались. Правила конспирации незыблемы: все члены организации в качестве прикрытия должны иметь не возбуждающее подозрений занятие; каждому члену организации дается псевдоним, так как подлинные фамилии не должны фигурировать ни в разговорах, ни в документах; названия советских городов также должны даваться в виде условного кода, например Владивосток - "Висбаден"; Москва - "Мюнхен"; все документы уничтожаются сразу же, как только надобность в них отпадает; структура организации ввиду ее нелегального положения должна быть известна лишь руководителю; принимать в организацию новых членов без предварительной и длительной проверки воспрещается; никто из членов организации не имеет права обсуждать свою деятельность со связными и курьерами; вся документация ведется на английском языке.

<h2>ЭЙГЕН ОТТ ДЕЛАЕТ КАРЬЕРУ</h2>

Главное направление - немецкое посольство - Зорге взял на себя. Для того чтобы получить доступ к государственным тайнам, запрятанным в посольские сейфы, необходимо было вначале стать здесь, в посольстве, человеком своим, незаменимым. Лезть в сейфы нет необходимости, пусть сейфы раскроются сами, пусть тайны сами лягут на стол Зорге.

Да, он должен был любой ценой подняться над уровнем среднего немецкого корреспондента, стать политическим оракулом, вознестись над всеми. Он руководствовался советами одного старинного дипломата: дипломат должен изучать историю и мемуарную литературу, знать порядки и обычаи за границей и разбираться в том, где находится действительный источник власти в той или иной стране. "Все это приводило к следующему естественному выводу: необходимо постоянно глубоко анализировать, изучать проблемы Японии. Окажись я не способен точно анализировать обстановку, я потерял бы всякое уважение своих японских помощников. Без должного авторитета и достаточной эрудиции я не смог бы занимать столь прочное положение в германском посольстве.

Именно по этим причинам, приехав в Японию, я занялся доскональным изучением японских проблем". Он работал как одержимый. Всем казалось, что у Зорге нездоровый вид от чрезмерного увлечения приемами, обедами, ужинами, возлияниями в узком кругу. А на самом деле он трудился день и ночь, задыхался от нехватки времени. Он организовал переводы различных книг по истории Японии, систематически заказывал выборочные переводы из ряда журналов, собирал в свою библиотеку все, что можно было достать из японских изданий на иностранных языках, лучшие труды о Дальнем Востоке, а также основные произведения японской классической

литературы. "Я вникал в подробности правления императрицы Дзингу, набегов японских пиратов, изучал эпоху сегуна Хидэеси... Освоение проблем древней Японии помогло разобраться в экономических и политических проблемах современной Японии". Историю международных отношений он считал отправной точкой для прогнозов на целые периоды; не зная этих отношений, трудно судить о внешнеполитическом курсе того или иного государства в настоящее время и невозможно предсказать будущее.

Но никакие книги и статьи не могут заменить непосредственного восприятия. Зорге использовал любую возможность ближе познакомиться со страной и ее народом. Он любил Японию, и все здесь будило в нем жгучий интерес. Он оставался исследователем всегда: и во время воскресных прогулок с Оттами или же с фрейлейн Гааз в окрестности столицы, и тогда, когда разъезжал по городам разных префектур. Он знакомился с состоянием урожая риса в разные времена года и в разных местах, наблюдал за жизнью рабочих судостроительных верфей Кобе, отдавал должное искусству ткачей и гончаров Киото, колесил по побережью Японского моря. "Я стремился познакомиться со страной, узнать людей, развить в себе интуицию, без которой невозможно познать страну..." У него была система. Начав с подробного изучения земельного вопроса, он перешел к мелкой, затем к крупной промышленности, после чего рассчитывал заняться тяжелой индустрией. Особенно пристально исследовал он социальное положение трудящихся.

Былая история страны застыла в древних скульптурах, в коллекциях гравюр, в храмовых ансамблях Нары и Киото, в сборниках "описаний земель и обычаев", в повестях-моногатаи, в героических эпопеях-гунки, в эдоской прозе и драмах екеку. Перед Рихардом открылся целый мир, неизведанный, загадочный, овеянный легендами.

Иногда Зорге отправлялся в Киото - этот старинный исторический город, до сих пор сохранивший черты феодальной Японии. Здесь насчитывалось до тысячи древних буддийских и синтоистских храмов. Особенно привлекали огромные постройки из драгоценного темного дерева кейяки. Тут имелся свой "царь-колокол" высотой четырнадцать метров, своя "оружейная палата", где хранились кривые двуручные мечи самураев, алебарды, луки и колчаны со стрелами, латы, покрытые черным лаком.

Часами в глубокой задумчивости бродил Зорге по лесистым холмам Киото или же появлялся в Кашиваре, чтобы своими глазами увидеть могилу первого императора Японии Зимму-Тенно.

Рядом с новой Японией, Японией заводских труб, электричек, кинотеатров, цепко держалась старая Япония. Япония бумажных домиков с раздвижными стенами, с обогревательными горшками-хибати, Япония темных храмов, прячущихся в горах, Япония гейш с красивыми прическами, словно из черного лакированного дерева, в кимоно, оби и дзори - свой, не всегда понятный европейцу уклад, выработанный веками... У каждого почтенного японца рядом с телефоном и радиоприемником есть священный самурайский меч и белое кимоно с гербом рода; офицер, командующий танком, носит старый меч точно так же, как носили предки. Вот такой потомок самураев с восторгом расскажет вам, что в старину существовал обычай, по которому в вечер вручения меча воин отправлялся на окраину и "пробовал его остроту", отрубая голову первому встречному, а чтобы не пахло кровью, натирал свое оружие амброй.

Рихард обладал природным даром к перевоплощению. Теперь у него

зародилось дерзкое желание перенять не только нравы и обычаи народа, но и его психологию, чтобы при случае, переодевшись в национальное платье, стать неотличимым от сотен других японцев. Упорно, методично совершенствовался он и в языке, стремясь улавливать тончайшие оттенки речи. Конечно же, он приобрел кимоно, веер, научился одним росчерком рисовать аистов, перенимал жесты, учился "почтительно шипеть". Обзавелся маленькой металлической трубочкой на три затяжки, курительным ящиком. Это не было забавой. Он стремился разрушить грань отчужденности, которая неизбежно возникает при общении аборигена с иностранцем. Ему именно хотелось походить во всем на японца, чтобы во время длительных поездок по стране легче завоевывать симпатии простого люда. "В какую бы страну я ни приезжал, я старался познать ее. Такова была моя цель, и осуществление ее доставляло мне радость. Особенно это касается Японии и Китая..."

Япония, Япония... Страна, некогда вынырнувшая из пучин океана. Страна дремлющих вулканов, криптомерий и кривых сосен. Страна, сочетающая в себе древнюю мудрость Китая и индустриальный размах Европы и Америки. А там, у границы земель Кай и Соруги, Фудзияма вздымает к синему небу свою голову! Облака останавливаются в благоговейном изумлении, птицы не смеют взлететь на эту высоту, где снега тают от огня, а раскаленные лавы гаснут подо льдом... Богоравный по величию Фудзияма...

Если в токийской ассоциации Рихарда вначале встретили сдержанно (здесь не любили немецких корреспондентов, считая их всех нацистами), то постепенно лед растаял. Рихард в политические споры не ввязывался, не рассуждал о "прошлогодном снеге", так как помнил, что каждый человек в день говорит пятнадцать тысяч слов и не всегда нужно выполнять норму, дабы не прослыть болтуном, не старался монополизировать беседу. Когда же просили высказать мнение, высказывал. Он обладал безошибочным политическим чутьем: всякий раз ставил смелые прогнозы, и прогнозы оказывались верными. Речь его отличалась лаконичностью, образностью. В нем было нечто, располагающее на откровенность, вызывающее невольное уважение. К его негромкому голосу стали прислушиваться все чаще и чаще. Его статьи, до предела насыщенные познавательным материалом, размышлениями над судьбами Японии, содержащие четкие политические выводы, заметили сразу же не только в Германии, но и в других странах. Все поняли, что на журналистском небосводе вспыхнула новая звезда. Тогда-то к Зорге и потянулись, стремясь выудить у него что-нибудь для себя: ведь этот удивительный человек был прямо-таки напичкан ценнейшей информацией! Рихард с щедростью талантливого человека охотно делился своими познаниями. Пресс-атташе Вайзе мог с гордостью повсюду рассказывать, что только благодаря его, Вайзе, заботам Рихард смог так быстро подняться... Зорге охотно поддерживал эту версию.

Газеты, в том числе и "Франкфуртер цейтунг", читали также и в германском посольстве в Токио. Особенно внимательно перечитывал статьи Зорге посол Герберт фон Дирксен. Посол был достаточно умен, чтобы не завидовать таланту Зорге, но фон Дирксена поражали эрудиция журналиста, его осведомленность по всем вопросам, умение заглядывать вперед, обобщать и делать выводы.

По существующим взглядам, посол всегда должен быть главным источником информации, а также толкователем политической обстановки,

тенденций и настроений общественного мнения в той стране, где он аккредитован. Отчеты посла учитываются правительством при определении своего политического курса; как говорил еще Демосфен, во власти посла воспользоваться удобными обстоятельствами, и, следовательно, в его руках отчасти власть над событиями.

Посол - главный канал связи между правительствами обеих стран. А средство связи - отчеты, донесения.

Немецкая аккуратность требует, чтобы документация была в идеальном порядке. До сих пор Дирксену казалось, что он занят серьезным делом, регулярно посылая отчеты в Берлин, - отчеты представляли образец аккуратности, все было разбито по пунктикам, по параграфам. Но вскоре Дирксен стал понимать, что там, в Берлине, о политическом состоянии Японии отныне судят не по отчетам и докладам посольства, а по статьям вездесущего доктора Рихарда Зорге. Властью над событиями фон Дирксен не обладал. Конечно, государственному человеку фон Дирксену не приходится так тесно общаться с иностранными газетчиками, забираться в японские министерства, как журналисту Зорге; Дирксен не может в такой степени быть информирован о местных интересах, настроениях, о тех подводных камнях, среди которых ему как послу приходится волей-неволей маневрировать. Дирксен близко знаком с государственными людьми Японии, но с японцами трудно разговаривать в доверительном тоне - никогда не знаешь, что у них на уме, даже иногда трудно оценить, каким влиянием пользуется каждый из них, и сложно быть посредником между ними и своим правительством. Дирксен причислял себя к старой школе дипломатов: он считал, что дипломатия - это искусство переговоров, и ничего более. Он отделял дипломатию от политики, говорил, что дипломат не должен заниматься политикой, он - инструмент своего правительства, и неважно, кто стоит у власти. Он слишком большое значение придавал связям, был уверен, что исход важных переговоров во многом зависит от того, какие связи имеет и поддерживает посол во время своего пребывания на посту, в какой степени ему доверяют в той стране, где он находится, то есть посол должен знать, с кем имеет дело, чтобы заранее можно было оценить слабые и сильные стороны партнеров по переговорам, их надежность или же противоположные качества. Вот тут-то он и не мог сказать ничего определенного. Доверяют ли ему японцы? Связи носят строго официальный характер, душевного контакта нет и не может быть. За всеми сотрудниками посольства да и за самим послом неотступно следит японская полиция. И вообще находиться в этой стране - проклятие. Иногда Дирксена охватывало ощущение собственной ненужности, он начинал чувствовать себя незначительным, сосланным в эту нелепую Японию, где живешь, словно в парной бане, и из которой, по-видимому, никогда не выбраться. Если бы удалось обратить внимание рейхсканцлера или хотя бы министра иностранных дел Нейрата на свою особу, вот уж тогда...

И фон Дирксен неизбежно пришел к мысли, к которой с самого начала подводил его Зорге: при составлении отчетов в Берлин консультироваться с компетентным человеком! Таким компетентным человеком в вопросах внутреннего положения Японии был Зорге. И никто иной. Посол имеет право консультироваться с любыми осведомленными людьми - в этом нет ничего предосудительного. Хорошей сети осведомителей Дирксену так и не удалось создать. Нельзя же всерьез полагаться на информацию такого работника, как Эйген Отт!

В немецкой колонии, а также в посольстве неожиданно открыли, что у них под боком живет талантливый журналист; многие помнили, что "Франкфуртер цейтунг" пользуется особым покровительством Геббельса. Если на Рихарда вначале смотрели с любопытством, как на этакий газетный феномен, то потом прониклись к нему симпатией, стали зазывать на обеды и ужины, каждый искал дружбы с ним. В посольстве он появлялся редко, просто для того, чтобы засвидетельствовать свое почтение чиновникам и фрейлейн Гааз. И здесь он сделался желанным гостем. Ведь с ним никогда не было скучно. Он приносил с собой атмосферу большой жизни, и всем начинало казаться, что они, корпя в прокуренных комнатах, участвуют в событиях исторической важности. Так уж получалось всякий раз: стоило Рихарду заглянуть в рабочую комнату фрейлейн Гааз, как сюда устремлялись все, кому хотелось перебраться парой фраз с корреспондентом, узнать последние новости, а возможно, нечего греха таить, и получить приглашение провести вечер в шумной журналистской компании. Подобные вечера, само собой, устраивались не в надоевшем немецком клубе, а на фоне японской экзотики, в "злачных" местах. Рихард приглашал охотно, ибо отлично знал: из всех категорий людей, проживающих за границей, наибольшей скупостью славятся сотрудники посольств. Тут крылась некая загадка.

После долгих раздумий фон Дирксен, полагаясь на скромность Зорге, пригласил его в свой кабинет и наводящими вопросами сумел выудить ценную информацию. Корреспондент отвечал обстоятельно, с видимой охотой. Дирксен поблагодарил. Он намекнул, что и впредь станет прибегать к консультациям подобного рода. Корреспондент явно был польщен вниманием "государственного человека". Фон Дирксен в совершенстве знал науку делать человеку приятное, заставляя его работать на себя. Отчеты и доклады посла налились жизненными соками и наконец-то были замечены Нейратом.

В посольстве обосновался мелкий хищник - помощник военного атташе подполковник Эйген Отт. Ему страстно хотелось поскорее сделаться атташе. Он мечтал о продвижении, о блистательной карьере. Ему импонировали слова Гитлера, обращенные к дипломатам: "Я провожу политику насилия, используя все средства, не заботясь о нравственности и "кодексе чести". Умелый посол, когда нужно, не остановится перед подлогом или шулерством". Он строчил рапорты и донесения в Берлин. Но помощник военного атташе - мелкая сошка, и его рапорты, по-видимому, лишь бегло просматривали, не придавая им особого значения. Он мог еще десять лет просидеть в помощниках. Да и кому из начальства нужны малосодержательные донесения? Отт плохо владеет японским языком, вернее, совсем им не владеет; при составлении документов приходится довольствоваться тем, что дают сами японцы. А дают не щедро. Тут уж широко не размахнешься. Хитрый, изворотливый карьерист Отт решил выбиться в большие начальники любыми средствами. Все чаще Отт задерживал взгляд своих водянистых глаз на лице Зорге: вот кто может все!.. Если даже сам посол прибегает к его консультациям... Фрау Отт посоветовала: "А почему бы тебе не обратиться за помощью к твоему другу Рихарду? Если хочешь, я поговорю с ним". Но помощник атташе, хоть и восхищался умом своей жены, на этот раз решил поговорить сам. За рюмкой шнапса он пожаловался на то, что теперь любой красноречивее может сделать карьеру, нежели честный служака, не умеющий красиво говорить. Рихард рассмеялся, а потом строго заметил, что

всегда следует помнить слова Гесса о том, что если ветераны партии даже не обладают способностями, это компенсируется их горячим стремлением к деятельности в интересах национал-социалистического государства. Отт надулся. Он был по-своему неглуп и понимал, что всепрощение Гесса относится к нацистским рыцарям плаща и кинжала, ко всем тем подонкам, с которыми Отт не хотел себя смешивать. Из "человека первого сорта" ему хотелось превратиться в добротного чиновника министерства иностранных дел. Перспектива возвращения в задавленную террором Германию его не прельщала. Прозябать на десятистепенных должностях?.. "На месте Дирксена я давно прогнал бы этого Вайзе и поставил на место пресс-атташе человека более достойного..." - сказал Отт. "А почему бы вам со временем не занять место Дирксена?" - отпарировал Рихард. Прямолинейный подполковник отвечал: "Потому что Дирксена консультируют, а меня нет".

Зорге видел Отта насквозь. Кроме того, фрау Отт все-таки рассказала кое-что.

"Ну если дело только за этим, то я к вашим услугам", - произнес Рихард и протянул помощнику атташе руку.

Сперва Зорге консультировал. Но то, что в устах корреспондента звучало весомо, в изложении подполковника выглядело бесцветно, он не умел обыденным идеям придавать резонанс. Тогда Отт вытащил из портфеля сводки, схемы, таблицы, те документы, какие имеют гриф: "Секретно", а на самом деле известны каждому мало-мальски искушенному в военном деле. Все это были пустячные тайны и никакого интереса для организации не представляли. Зорге отмел дотошное перечисление мелочей, которое в докладах помощника атташе занимало главное место и не столько проясняло, сколько запутывало общую картину; он наполнил донесение значимыми фактами: "молодое офицерство" и аракисты ведут себя беспокойно, партия сейюкай, связанная с военщиной, активизируется...

И произошло чудо: Отт получил первую благодарность из Берлина. Воодушевленный успехом, он прямо-таки надел на Зорге. И Рихард трудился. В адрес помощника атташе посыпались благодарности. А потом ему присвоили полковника. Рихард консультировал фон Дирксена, писал сводки и донесения за Отта, изучал историю и экономику Японии, собирал библиотеку. "Я взвалил на себя слишком много обязанностей. Мне приходилось одновременно заниматься деятельностью журналиста, работника германского посольства, вести исследовательскую работу и, наконец, продолжать свою секретную деятельность. Я страдал от хронического недостатка времени".

Зорге утверждал себя. И все-таки это были всего-навсего первые шаги. Он еще не пользовался полным доверием Дирксена, посол только слушал, но ничего не говорил. Опытный, прожженный дипломат, он умел хранить государственную тайну. Он смотрел на Зорге лишь как на источник информации, и только. Отт вообще знал мало, и разведчику приходилось работать на них, не получая ничего взамен.

Это было трудное время и для Зорге, и для всей организации - время упрочения. Рихард и Вукелич по-прежнему присутствовали на пресс-конференциях в министерстве иностранных дел Японии, в информационном бюро, их хорошо принимали в японских журналистских кругах. Бранко завязал близкие отношения с представителем агентства Рейтер Джемсом М. Коксом, имеющим свободный доступ в британское посольство. Информация накапливалась из месяца в месяц. Поступала она

и от японских друзей. В апреле 1934 года представитель японского МИДа Амо заявил, что Япония считает себя единственно ответственной за поддержание порядка во всей Восточной Азии. Отныне Китай обязан обращаться за помощью только к Японии, и последняя категорически протестует против стремления третьих держав оказывать какую-либо помощь Китаю. Заявление вызвало приток информации. В Европе назревали события, связанные с активизацией Германии. Многие просачивались в посольства, находящиеся в Токио. Фашисты сосредоточили всю полноту государственной власти и намеревались использовать ее в агрессивных целях; крупнейшие монополии непрерывно получали от гитлеровского правительства все возрастающие военные заказы. По сути, государственный аппарат уже перешел в подчинение военным концернам. "Ночь длинных ножей", убийство имперского министра Рема, массовые расстрелы без суда и следствия; Германия нарушила военные ограничения, установленные Версальским договором, и ввела всеобщую воинскую повинность.

Всякая информация из Японии представляла ценность для Центра. Но неожиданно Зорге столкнулся с непредвиденной трудностью: Бернгард и Эрнст хоть и соорудили свой громоздкий передатчик на квартире Бранко, но установить связь с Центром долго не могли. Они оказались на редкость неумелыми специалистами. Они не выползали из импровизированной рубки целыми сутками, по-видимому, нарушали все сроки пребывания в эфире, возможно, даже их засекли пеленгаторные станции, а связи не было. Потом они что-то переделывали, градуировали, ругались.

Рихард с горечью сожалел, что рядом нет Макса Клаузена, и, махнув на все рукой, в октябре 1934 года отправился в Шанхай для встречи с курьером. Такая поездка не представляла бы собой ничего особенного, если бы не излишняя бдительность японской полиции: в любом иностранце она видела разведчика. Рихарда могли даже подвергнуть личному осмотру, а он вез при себе материалы, которые не должны были попадать в руки полиции. Но все обошлось.

Благополучно сошел он с парохода и, пройдясь по рю дю Консуля и улице Эдуарда III, свернул на рю Чупаосан. Рю Чупаосан - значит "Кровавая аллея". От нее до гавани - два квартала. Здесь царство матросов. Улица короткая - в длину всего сто тридцать шагов, в ширину - шестнадцать. Два огромных серых дома, где размещаются бары, кафе, кабаре, ночные рестораны "Роз-Мари", "Монте-Карло", "Фантазио" и так далее. Вечером здесь происходят кровавые побоища, в них участвуют сотни матросов со всех иностранных кораблей. Когда полиция бессильна что-либо сделать, вызывают войска. Днем "Кровавая аллея" дремлет. Зорге заходит в отель, встречает здесь незнакомого человека с желтым портфелем. У Рихарда точно такой же портфель. Они заговаривают о погоде, обмениваются паролями, а затем портфелями. "Привет вам от товарищей и от Кати..." - произносит негромко незнакомец, будто бы спохватившись, кланяется и уходит.

Зорге дня два разъезжает по Шанхаю, достает материал для "Франкфуртер цейтунг", после чего возвращается в Токио с кучей новостей. Письмо жены хотелось бы сохранить, перечитывать его всякий раз, когда становится тяжело, но это невозможно.

"Милая моя Катюша!.. Твои письма меня всегда радуют, ведь так тяжело жить здесь без тебя. Да еще почти в течение года не иметь от

тебя весточки, это тем более тяжело... Это грустно и, быть может, жестоко, как вообще наша разлука..."

Он переносится мыслями в Москву, и все, что вокруг, кажется диким, иллюзорным: ухмыляющаяся физиономия Отта, японская полиция, хранитель нацистских тайн сухопарый Дирксен, игривая фрау Отт, званые обеды, приемы, фашистский угар в немецком клубе, так называемые "общие собрания", на которых Рихарда неизменно сажают в президиум. Страхнуть бы этот бред, очутиться там, у Никитских ворот, бродить с Катей по вечерним московским улицам, а потом уснуть, уснуть спокойно, как все люди, дать отдых нервам, которые напряжены до предела вот уже почти два года...

Но это были только мечты. И разве мог он знать, что мечты скоро осуществятся...

<h2>ДОМОЙ, В МОСКВУ!</h2>

Зорге тяжело переносил японский климат. Почти в каждом письме к жене он жалуется на жару и влажность. "Здесь сейчас ужасно жарко, почти невыносимо. Временами я иду к морю и плаваю, но особенного отдыха здесь нет"; "Что делаю я? Описать трудно. Надо много работать, и я очень утомляюсь. Особенно при теперешней жаркой погоде... Жара здесь невыносимая, собственно, не так жарко, как душно вследствие влажного воздуха. Как будто ты сидишь в теплице и обливаешься потом с утра до ночи"; "Теперь там у вас начинается зима, а я знаю, что ты зиму так не любишь, и у тебя, верно, плохое настроение. Но у вас зима, по крайней мере, внешне красива, а здесь она выражается в дожде и влажном холоде, против чего плохо защищают и квартиры, ведь здесь живут почти под открытым небом..."

Теплые морские течения приносили сырую жаркую погоду. Костюмы, белье приходится держать в железных чемоданах и сундучках. Прошло уже почти два года с тех пор, как Зорге высадился в Иокогамском порту, но организм все не мог приспособиться к непривычным климатическим условиям. Рихард страдал, задыхался, постоянно ощущал расслабленность, вялость. И лишь волевым усилием ему удавалось казаться бодрым, веселым, деятельным.

В начале апреля цвела вишня, на Токио словно опускалось розовое облако. В парке Уэно начинался "танец цветения вишни" - мияко одори. Сюда стекались толпы горожан в праздничных кимоно, с зонтиками, разноцветными фонариками, на некоторых горожанах были травяные плащи.

Моросит дождь, но его никто не замечает. Улизнув от фрейлейн Гааз и всех своих посольских друзей, Зорге слоняется в толпе, прислушивается к говору, к печальным звукам сямисэнов, бормочет стихи Мотоори: "Если хочешь понять душу японца - взгляни на вишню, цветущую на солнце". Веселье здесь благопристойное, вежливое, и "танец цветения вишни" напоминает древнюю мистерию, а не шумное торжество, какое бывает на улицах и в парках Москвы. Заливаются бамбуковые флейты-сякухати, бренчат гитары, народ сгрудился у балаганов кукольников. Здешняя жизнь чужда Рихарду, но он хочет ее понять. И все же иногда наваливается безразличие, и Рихард ходит по аллеям, усаженным криптомериями, пальмами и вишневыми деревьями, просто так, чтобы обрести спокойствие духа. Он все чаще думает о Москве. Даже аккумулятору нужна периодическая подзарядка, а человеку тем более.

Только бы очутиться каким угодно волшебством в Москве, дохнуть воздухом свободы, избавиться хоть на несколько дней от этого миража, кошмара, который приходится называть жизнью; а уж потом, получив зарядку, можно снова вести опасную игру...

Бернгард и Эрнэ наконец-то установили радиосвязь с Центром. Но связь какая-то неустойчивая. Сеансы очень часто срываются по неизвестным причинам. И эта нечеткость порождает уныние, ощущение неопределенности. В одной из шифровок Зорге попросил прислать квалифицированного радиста, хотя бы Макса Клаузена, а Бернгарда и Эрнэ отозвать.

Откровенно говоря, он не очень-то был уверен, что Центр пойдет навстречу - менять уже легализовавшихся работников очень сложное дело. Но видно, и радисты Центра намучились, так как пришла радиограмма - Бернгард и Эрнэ отзываются в Москву. Обрадованные сверх меры, они немедленно покинули Токио. Мрачный Бернгард на прощание даже поблагодарил Рихарда. Дальше в радиограмме говорилось, что сам Зорге должен также выехать в Москву для инструктажа.

Когда Рихард читал текст, он невольно поймал себя на том, что у него дрожат пальцы. Показалось, что повеяло свежим ветром. В Москву!..

Конечно, он не мог просто так: бросить все и укатить. Отъезд следовало подготовить, чтобы временная отлучка ни у кого не вызвала подозрений. И в его отсутствие организация должна функционировать. Прежде чем уехать из Японии, ему пришлось связаться с Одзакэ и Мияги, обстоятельно поговорить с Вукеличем.

Зорге стал распространять слух, что собирается в Европу, так как контракт с "Франкфуртер цейтунг" истекает. Теперь можно будет заключить новый контракт на более выгодных условиях.

Эйген Отт заволновался: как некстати Зорге собрался в Германию! Отта только что назначили военным атташе. И все это благодаря помощи Рихарда. Отт страшился на первых же порах оказаться без поддержки корреспондента. Зорге заверил атташе, что в фатерланде долго не задержится. Версия ни у кого не вызвала подозрений. Отт надавал кучу адресов и телефонов своих штабных друзей в Берлине: Зорге обязательно должен познакомиться с ними! Дирксен в свою очередь дал несколько поручений неофициального порядка. У посольских дам были свои поручения.

Зорге изнемогал от нетерпения, рвался в Иокогамский порт, но приходилось каждого внимательно выслушивать, улыбаться, помня завет де Кальера: дипломат должен иметь спокойный характер, быть способным добродушно переносить общество дураков. Отт, конечно же, затеял грандиозный пир, после чего вынудил Рихарда писать новое донесение. Друзья из токийской ассоциации решили в свою очередь устроить вечер в честь отъезда "любимца прессы". "Партай геноссен" из немецкого клуба последовали их примеру. Разумеется, целая орава провожала его на пароход. Фрау Отт даже прослезилась, а фрейлейн Гааз до тех пор стояла на причале, пока пароход, увозящий Рихарда, не скрылся за горизонтом.

Могучий океан поднял на свои плечи Рихарда. Синие прозрачные волны. Стаи летучих рыб неслись над водой. Рихард почти все время проводил на верхней палубе. Он знал здесь, в океане, каждый аттол, каждый островок - они были вехами на пути, который должен привести в конце концов в Москву. Вот высокая светлая четырехгранная башня с часами в Гонолулу. Прямо на причале гаваянки с горячими глазами, в

ожерельях из красных и белых цветов танцуют хулу. Но эта деланная экзотика не привлекает внимания Рихарда. Все надоело, все опротивело. Он больше не верит в экзотику. За внешним весельем, за всеми этими гирляндами и венками скрывается нищета. Он-то насмотрелся на "экзотику" в Японии! Его трудно обмануть. Экзотика повсюду покупается за доллары. В Москву! Очиститься от "экзотики", не видеть человеческого унижения...

В Нью-Йорке подждал курьер Центра. Вручил Зорге паспорт с советской визой. Путь в Москву был открыт!

И он увидел Москву, которую всегда любил неизъяснимой любовью. Даже там, в Германии, когда он не знал еще этого великого города, он уже любил его. Он знал Москву по рассказам матери, которая хоть и бывала в Москве проездом, но сохранила о ней самые живые воспоминания. Мать так и не смогла освоиться в Берлине. Ее все время тянуло на родину, и эта тяга передалась Рихарду. Мать всегда имела на него огромное влияние. Советский Союз для молодого немецкого коммуниста рисовался обетованной землей. И когда он очутился впервые в Москве, то почувствовал, что вернулся домой.

Теперь он снова был в Москве, где сосредоточивался основной смысл его жизни, где жила его любимая, прекрасная Катя, где хранились его книги и рукописи, где от каждой улицы, от каждого сквера веяло чем-то волнующе знакомым, родным. Он представлял себя моряком, после долгих и опасных странствий вернувшимся к тихому очагу. Океанские бури позади. Люди... Их всех хочется обнять. Они свои, советские.

Москва... Всегда бурная, говорливая, зараженная энтузиазмом Москва. Знакомый бой курантов. И это рядом, вот здесь, перед тобой. Сколько раз доносился он сквозь эфирные ветры к Рихарду, склоненному над приемником в конспиративной квартире Вукелича...

Арбат, Никитские ворота, Нижне-Кисловский переулок... Рихард дома. Счастливые заплаканные глаза Кати, ее лицо (как он считал - "античное лицо"), косы, знакомые руки...

Это было 25 июля 1935 года.

Наконец-то Зорге мог насладиться покоем, семейным счастьем, пожить настоящей (не придуманной!) жизнью. Отсюда, из квартиры на Нижне-Кисловском, Япония казалась бесконечно далекой, нереальной. На заводе "Точизмеритель" Кате дали отпуск. Катя уже бригадир. Получает четыреста рублей.

Они сидят на диване. Уютно светит лампа под зеленым абажуром. Здесь все просто, даже бедновато. Небольшой шкаф, в котором книги Рихарда: драмы Лессинга, Гете, Шиллер, Кант; из новых - Маяковский, Фурманов. Тут же труды самого Рихарда. Он вынимает томик Маяковского.

Ведь для себя неважно
и то, что бронзовый,
и то, что сердце - холодной железкою...

Из книги выпадает черновик какого-то документа. Рихард читает: "Москва, 12 апреля 1926 года. Краснопресненскому районному комитету ВКП(б).

Дорогие товарищи!

Клуб немецких коммунистов создал недавно пионерскую организацию из немецких детей. В этой работе нам обязательно нужна ваша помощь, причем не только в форме указаний, циркуляров и т. д., но и в отношении кадров. Поэтому мы просим вас по возможности прислать нам

товарища, хорошо знающего пионерскую работу и владеющего немецким языком.

С коммунистическим приветом
Зорге".

Глаза Рихарда увлажняются. Они мечтают с Катей о том времени, когда у них будут дети. Ика хочет иметь детей. Его идеал - стать добрым семьянином, заняться наукой, написать солидные труды об азиатских странах, воспитывать детей, быть всегда рядом с милой Катей. Они придумывают имя будущему ребенку. "Помнишь ли ты еще наш уговор насчет имени? - напишет он после отъезда из Москвы. - С моей стороны я хотел бы изменить этот уговор таким образом: если это будет девочка, она должна носить твое имя. Во всяком случае, имя с буквы "К". Я не хочу другого имени, если даже это будет имя моей сестры, которая всегда ко мне хорошо относилась.

Или же дай этому новому существу два имени, одно из них обязательно должно быть твоим.

Пожалуйста, выполни мое желание, если речь будет идти о девочке. Если же это будет мальчик, то ты можешь решить вопрос о его имени с В."

С Екатериной Александровной Максимовой Зорге познакомился еще до своей поездки в Китай. Сначала Катя давала ему уроки русского языка, которым Рихард в ту пору владел не совсем хорошо. Они подружились. Дружба переросла в любовь. Он стал частым гостем в ее полуподвальной квартире на Нижне-Кисловском.

Родственники Кати жили в Петрозаводске. Мать, два брата, три сестры. Она все время переписывалась с сестрами. Зорге так и не довелось повидать ее сестер Марию и Татьяну, которых Катя особенно любила. Катя была незаурядной девушкой. Несколько лет назад она окончила Ленинградский институт сценического искусства. Быстро пришел успех. Затем - поездка в Италию, на Капри. Умер артист, человек, к которому Екатерина Александровна была привязана, ценила его талант. Эта трагедия повлияла на нее неожиданным образом: она отказалась от сцены и ушла на завод. Работала аппаратчицей на заводе "Точизмеритель"; назначили бригадиром, прочат в начальники цеха.

Впервые Рихард испытал глубокое чувство. Он встретил девушку, которая понимала его. Литература, искусство, музыка - вот сфера, в которой оба растворялись во время коротких встреч. Случалось, вместе заходили в букинистические магазины, отыскивали какую-нибудь редкую книгу. Мир книг был их миром.

Катя понимала: Рихард - человек особой судьбы. Но даже после трехлетней разлуки, когда он работал там, в Китае, любовь Кати к нему не стала меньше. Эта любовь прошла все испытания.

Они поженились в первый же день, как только Рихард вернулся из Китая и появился на Нижне-Кисловском. В феврале 1933 года. Теперь вот снова они вместе.

Короткое счастье... Один раз они в специальной машине поехали за город, забирались в лесные чащобы, купались; забыв обо всем на свете, ощущали радость бытия, говорили друг другу нежные слова, клялись в верности, мечтали о будущем. Быть вместе, всегда быть вместе... Разве они не заслужили этого права?.. Все еще впереди, жизнь еще расцветет невиданными цветами, и "старый ворон" (как она в шутку называет его) еще расправит крылья, поднимется в иные высоты...

Зорге в кабинете начальника Разведывательного управления комкора Урицкого. Подготовлен обстоятельный доклад о деятельности организации. Урицкий остался доволен докладом. Он еще раз подчеркнул, что главные усилия Зорге должен направлять на выявление замыслов фашистской Германии в отношении СССР. Посоветовал Рихарду вступить в нацистскую партию.

Семен Петрович Урицкий устроил небольшой обед, и здесь Зорге встретился с Максом Клаузенем. Да, старые друзья вновь повстречались.

В августе 1933 года Клаузен и Анна приехали из Китая в Москву. После переподготовки в спецшколе они получили отпуск на шесть недель и провели его на черноморском курорте, в Одессе. Это было счастливое время. Оба хорошо отдохнули. А потом в конспиративных целях весной 1934 года обоих направили в Красный Кут, где в то время проживало много немцев. Среди них Макс и Анна затерялись. Жили они под вымышленной фамилией Раутман. Скучая без дела, Макс устроился в МТС слесарем. Работа была по душе. В этом же месте работал товарищ Макса по Китаю Генрих Шюрманн. Он-то и намекнул директору МТС, что Макс немного разбирается в радио. Директор Касаткин возликовал, вызвал Макса и поручил привести в порядок шесть политотдельских радиостанций и наладить связь между бригадами и МТС. Макс с головой окунулся в работу. Кроме того, он построил в МТС настоящий радиоузел, сконструировал более мощный передатчик на ультракоротких волнах. Директор потирал руки. Он понял, что Макс для МТС - сокровище. Весть о делах Макса дошла до секретаря обкома в городе Энгельсе. Макса вызвали в Энгельс и предложили взять на себя организацию радиотелефонной связи во всех колхозах и совхозах.

Макс с удовольствием принял предложение. Теперь он стал важным начальником, в его распоряжение выделили целую армию молодых радиолюбителей и техников. Макс расцвел, округлился. Анна была в восторге от новой жизни.

И неожиданно весной 1935 года секретарь обкома лично приехал из Энгельса в Красный Кут. Макса вызвали в кабинет директора МТС, показали телеграмму из Москвы, согласно которой он должен был немедленно выехать в столицу. Макс рассердился, заявил, что тут ему нравится и он никуда не поедет. Секретарь обкома обрадовался и сказал, что сделает все возможное, чтобы оставить Макса здесь. Но через неделю пришла правительственная телеграмма за подписью Ворошилова: Максупредписывалось немедленно явиться в Москву. Тут уже секретарь обкома только развел руками: откуда он мог знать, что Макс - такая важная персона. Если слесаря вызывает нарком...

Анна осталась в Красном Куте сторожить свое хозяйство.

...Урицкий говорил о двух очагах агрессии и назревающей мировой войне. Гитлеровцы с полного одобрения Англии и Франции расторгли все военные статьи Версальского договора, замышляют нападение на Советский Союз. Совсем недавно в Германии принят "Закон о военной службе", согласно которому военнообязанными считаются все лица мужского пола от 18 до 45 лет. Уже создано 36 дивизий, численность армии перевалила за 250 тысяч человек, Германия располагает 1000 военных самолетов и приступила к созданию крупного военно-морского флота; большое внимание уделяется строительству подводных лодок. Между нацистами и Англией заключено секретное соглашение, поощряющее гонку военно-морских вооружений в Германии. Гитлер намеревается осуществить аншлюс, то есть

захват Австрии. Советское правительство обеспокоено стремлением Гитлера сколотить блок агрессоров. Намечается сближение фашистской Германии с фашистской Италией. Сговору Германии с Японией пока мешает столкновение экономических интересов в Китае, но как будут развиваться взаимоотношения этих стран дальше, и надлежит выяснить организации Зорге. Борьба империалистических государств за колонии, за рынки сбыта и сферы приложения капитала на Дальнем Востоке носит особенно ожесточенный характер. Следует помнить, что японские войска уже вышли к границам Советского Союза. Империалисты западных держав не сомневаются, что Япония, оккупировав северо-восточные провинции Китая, начнет войну с Советским Союзом. Нужно во что бы то ни стало отвести возможность войны между Японией и СССР!

В Москве не так давно проходил VII конгресс Коминтерна, который призвал трудящихся всего мира преградить дорогу фашизму, создать широкий антифашистский Народный фронт. Рихард мог бы встретить старых немецких друзей по подпольной работе в Германии, но он не имел права рисковать, а потому следил за работой конгресса по газетам. Друзья... Они были во всех уголках мира, на всех континентах и архипелагах.

Разговор с Урицким четко определял направление всей последующей работы. Необходимо знать о каждом шаге фашистской Германии, более активно использовать сотрудников германского посольства; нужно бдительно следить за развитием германо-японских отношений, так как несомненно, что эти отношения с каждым годом будут укрепляться: Германия ищет партнеров, сообщников. Что же касается собственно Японии, то...

"В 1935 году в Москве я и Клаузен получали напутственное слово начальника Разведывательного управления генерала Урицкого. Генерал Урицкий дал указание в том смысле, чтобы мы своей деятельностью стремились отвести возможность войны между Японией и СССР. И я, находясь в Японии и посвятив себя разведывательной деятельности, с начала до конца твердо придерживался этого указания..."

После инструктажа Зорге свел Макса с Эрной и Бернгардом, которые рассказали, в какой обстановке придется работать радисту в Токио.

С тяжелыми чувствами покидал Рихард Москву. Кате сказал, что через год-два вернется и больше не оставит ее одну. Откуда ему было знать, что они не встретятся больше никогда?.. И все же он был счастлив, что целых три недели провел в Советском Союзе. К сожалению, так и не удалось повидаться с Берзиным: он в это время находился в Особой Краснознаменной Дальневосточной армии, его назначили заместителем командующего Блюхера.

Прощай, Москва... Последний раз пришел он на Красную площадь, постоял с обнаженной головой у Мавзолея Ленина. Именно отсюда, от Красной площади, начинался героический путь Рихарда Зорге. Что бы там ни было впереди, но сердцем он всегда был здесь. Здесь была подлинная родина всех коммунистов земли. На память пришли строки поэта:

...Я себя под Лениным чищу,
чтобы плыть

в революцию дальше...

16 августа 1935 года Зорге покинул Советский Союз.

Прежде чем попасть в Японию, требовалось заглянуть в фашистскую Германию.

Берлин. Сумрачный, зловещий. Здесь Рихарду пришлось иметь дело с

полковниками и генералами - друзьями Отта, а также с однокашниками фон Дирксена - чиновниками министерства внутренних дел. Нацистский пресс-клуб встретил его с помпой. Начались вечера, попойки, заключение контрактов с газетами и журналами.

Аккуратный Берлин, каким его помнил Рихард, выглядел теперь каким-то запущенным, грязным; ветер носил по пустынным улицам обрывки газет. Жизнь словно замерла, притаилась, ушла в подполье. Только стук кованых солдатских сапог. Марширующая Германия. Стальные каски, надвинутые на лоб, откровенная черная свастика на рукаве Гитлера. Еще жив Гинденбург, и фюрер покровительственно хлопывает его по высохшему плечу. Но Зорге знал, что, несмотря на жесточайший террор, здесь продолжают действовать Коммунистическая партия и антифашистские группы Сопротивления.

Очутившись в самом логове врага, Зорге должен был очень искусно и осмотрительно играть роль нацистского борзописца. На этот раз он превзошел самого себя, удостоился особого внимания министра иностранных дел Нейрата, а также высоких чинов военной авиации.

Намечался перелет из Германии в Токио на первом "юнкерсе". Зорге, как видному журналисту, предложили принять участие в перелете. Рихард не удержался от искушения. Тут были опасность, риск, а кроме того, выигрыш во времени. Он согласился. Сперва лететь собирался специальный посланник германского министерства иностранных дел Шмиден. Но потом, поразмыслив, он решил отправиться в Токио обычным путем: ведь неизвестно, чем закончится перелет. Посланник даже обрадовался тому, что подвернулся этот знаменитый журналист. Пусть летит. Отступление Шмидена останется незамеченным. Он объяснил Рихарду: когда едешь с важной миссией, то уж лучше не рисковать. "Я кое-что слышал, - отозвался разведчик. - Но к сожалению, не посвящен в детали. Впрочем, это уже не имеет значения". Шмидену, конечно, благоразумнее было бы оставаться в Берлине - в Японии сейчас адская жара. "Осима - колпак - вот что я вам скажу! - выпалил Шмиден. - Из-за несговорчивости этого колпака я вынужден проделывать все эволюции. Видите ли, он требует, чтобы мы отозвали советников из китайской армии и прекратили поставки. Какая наглость! В самом начале переговоров ставить условия. Но они плохо знают Риббентропа..." "Я буду в Токио раньше вас и подготовлю почву", - пообещал Зорге безразличным тоном. Шмиден видел в журналисте своего поля ягуду и не стеснялся проявлять благородное негодование. Ведь переговоры носили неофициальный характер, но многие в МИДе о них знали.

А Зорге кипел от возбуждения: в Берлине ведутся секретные переговоры между военным атташе Японии Осимой и Риббентропом! Если бы вернуться в Москву... И этому тупице Шмидену поручили уламывать японское правительство!.. Можно задохнуться от ярости и от собственного бессилия. Скорее, скорее в Токио!.. Там найдется способ сообщить обо всем Центру. Старая нацистская сорока Шмиден...

Разведчику казалось, что самолет не летит, а ползет.

На первом "юнкерсе" Зорге является в Токио. Он почти национальный герой. О нем шумят газеты, его встречают цветами. Посланец Геринга... Вскоре Зорге стал кандидатом в члены нацистской партии.

Когда в Японию наконец-то прибыл специальный посланник Шмиден, они встретились с Рихардом как старые, добрые друзья. В присутствии фон Дирксена стали вспоминать берлинские дни, проведенные в компании

высоких чинов.

Посол слушал внимательно, а про себя решил, что настала пора привлечь корреспондента к более тесному сотрудничеству в посольстве.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАКСА КЛАУЗЕНА

Простившись с Рихардом, Макс Клаузен вернулся в Красный Кут, чтобы уволиться и забрать Анну.

Анна запротестовала: она никуда не хочет уезжать! Ей нравится в степном краю. Спокойствие, тишина. Завелось кое-какое хозяйство: овцы, куры, которых дали от МТС. Чего еще? В годы неустроенной шанхайской жизни именно так рисовалась ей семейная идиллия. И теперь не верилось, что нужно снова возвращаться в мир, полный опасностей, где все держится на каких-то случайностях, где само существование представляется непрочным, зыбким. Когда людям под сорок, они должны позаботиться о тихом пристанище, осесть на одном месте. Ее долго преследовали кошмарные сны: пустынные, словно вымершие, улицы Шанхая, Мукдена, Кантона; воронье, а на деревьях висят обезглавленные люди... Она заново переживала ужасы прежней жизни, просыпалась в ознобе, а потом до утра лежала с открытыми глазами. Мирное бляение овец успокаивало ее, постепенно все становилось на свое место, обретало устойчивость, реальность. Прочь, прочь, тяжелые видения! Пусть прошлое не вернется никогда...

И сколько Макс ни доказывал, что долг есть долг и что он как коммунист обязан... она не могла так легко бросить все, с чем уже успела сродниться, и сломя голову ринуться в опасное приключение.

В конце концов договорились, что в Токио она придет несколько позже, когда Макс там устроится. Перед расставанием три недели провели в доме отдыха под Москвой.

В сентябре Макс уехал. Стремясь запутать иностранную контрразведку, он отправляется сначала во Францию, затем - в Англию, Австрию, снова возвращается во Францию. Из Гавра на пассажирском пароходе покидает Европу. Впереди - Америка!

Макс очень волновался. Морская полиция могла задержать и на пароходе, и при таможенном осмотре в Нью-Йорке. Больше всего пугал предстоящий визит в германское генеральное консульство на американской земле: там сидят дотошные немецкие чиновники. Станут наводить справки, делать запросы, уточнять. Почему уехал из Германии, где пропал все последние годы? Не служил ли Макс Клаузен на трехмачтовой шхуне, которая в 1927 году совершила рейс в Мурманск?.. У фашистов цепкая память. Макс Клаузен боролся тогда за улучшение социального положения моряков и был хорошо известен на флоте, в каждом порту его встречали добрые друзья.

Теперь ему нужно без всяких злоключений пересечь два океана. Два океана!.. Следует только вдуматься в эти слова... Два океана и целый материк - Америка... Из Нью-Йорка до Сан-Франциско придется добираться на поезде. Но об этом пока рано думать. Главное - не вызвать подозрений у морской полиции.

Бесконечные океанские мили. Клаузен старался отсиживаться в каюте, ссылаясь на то, что плохо переносит качку. Нашлись сочувствующие, докучали за обедом, предлагали испытанные средства от морской болезни. Макс злился, нервничал.

"Я очень боялся, что меня задержат в Нью-Йорке. Но там мне повезло. Американский чиновник посмотрел мой паспорт, проштамповал его и вернул". Ему всегда везло, Макс Клаузену. У него была располагающая внешность. Доверчивый взгляд, ласковая улыбка, естественность во всем.

В германском генеральном консульстве ослотившиеся от безделья чиновники обрадовались земляку-коммерсанту, без всякой канители оформили документы. Мало ли скитается по белому свету таких вот предприимчивых немцев, как этот добродушный толстяк Клаузен! Немцы - в Америке, в Африке, на Яве, в Китае и Японии. Некоторые обосновались на территории иностранных государств навсегда. Для таких наци даже придумали специальное название - "фольксдойче".

И наконец - Сан-Франциско, борт парохода "Тацуте мару". Великий, или Тихий... Испытанный моряк Клаузен с наслаждением дышал океанскими ветрами. Он повеселел, охотно заводил знакомства и даже в самую свирепую качку не уходил с палубы. Знакомства пригодятся в Токио. У коммерсантов своя солидарность, степенный Клаузен им импонировал: сразу видно - деловой человек, знает цены, разбирается в тарифах! Давно ли Макс по указанию директора МТС налаживал радиотелефонную связь между МТС и тракторными бригадами?.. Фотография Макса красовалась на Доске ударников. Степной городок Красный Кут, села Гусенбах, Рекорд, Ильинка, Воскресенка, ерики, заросшие молочаем, бескрайняя ширь, запах спелой пшеницы... А перед глазами встает вздыбленный тайфунами океан. Гонолулу, остров Оаху и еще какие-то острова и атоллы, над которыми качаются кокосовые пальмы. Немыслимые расстояния отделяют его от Анни, от тракторных бригад, от тихого городка на самом берегу Волги - Энгельса, от всей той жизни, которая ему, так же как и Анни, пришлось по вкусу... Но как-то получается так, что всюду, куда бы ни занесла его судьба, он оказывается в своей стихии и не тужит о прошлом. А вообще-то они с Анни рождены для мирной тихой жизни.

В Йокогаме на таможне к нему никто не придирался. Вскоре он уже был в Токио, в отеле "Сано", а вечером, как и положено добропорядочному немцу, отправился в немецкий клуб поиграть в скат, выпить кружку пива, закусить сосисками.

Ему не терпелось встретиться с Рихардом. Но до условленного дня - вторника - было еще далеко, а где находится бар "Гейдельберг" - место их свидания, Клаузен не знал.

Немецкий клуб располагался неподалеку от гостиницы. От портье Клаузен узнал, что сегодня там будет большой вечер берлинцев.

Каково же было изумление Макса, когда первым, кого он встретил в коридоре клуба, был Рихард Зорге! Рихард, во фраке и цилиндре, изящный, с ослепительной улыбкой, бойко торговал сосисками, зазывал почтенных гостей. Заметив Макса, он не переменялся в лице, а только раскланялся с ним, как и со всеми, пожал руку, а потом негромко сказал: "Тебя представит мне третье лицо. Жди". Вскоре президент клуба действительно представил их друг другу. Улучив минуту, они договорились, что встречаться будут в ресторане "Фледермаус", принадлежавшем немцу Бирке. Этот ресторанчик посещала только избранная публика, немецкий бомонд.

Рихард свел Макса с Вукеличем. На электричке Макс и Бранко отправились в тот район, где проживали Вукеличи. Двухэтажный типичный японский дом стоял на горе, и Макс сразу оценил это обстоятельство с

точки зрения радиоспециалиста: наружную антенну можно не устраивать! Эдит, по обыкновению, встретила гостя не очень дружелюбно. Радиостанция была развернута на втором этаже. Здесь Клаузен, удивляясь и радуясь, нашел свой старый передатчик, который монтировал еще в Китае. Значит, техника действует!

Но был еще один передатчик - громоздкое сооружение ватт на сто, как догадался Макс - произведение рук незадачливого конструктора Бернгарда. Этот передатчик следовало немедленно уничтожить! Если такую машину обнаружит полиция...

Так как Бранко собирался в воскресный день побывать наконец у священной горы Фудзи и пригласил на экскурсию Макса, то решили передатчик разобрать, погрузить в два рюкзака, а потом выбросить в озеро Кавагутиго.

И вот, оставив машину, "туристы", сгибаясь под тяжестью набитых до отказа рюкзаков, пробирались к озеру. Все шло хорошо. Но дежурному полицейскому два иностранца показались подозрительными. Он решил их задержать. "Что в рюкзаках?" Все было кончено... Так, во всяком случае, думал Макс. Вукелич не потерял хладнокровия. Он уже освоился в Японии и знал местные порядки. В частности, полицейским строго воспрещалось распивать спиртное с иностранцами. Вукелич широко улыбнулся и ответил: "Сакэ, биру..." Он схватил полицейского за рукав и пытался усадить на траву, как бы для того чтобы распить с ним бутылочку. Перепуганный полицейский замотал головой и поспешно ушел. Передатчик бросили в озеро Кавагутиго, близ горы Фудзи. Там он лежит на дне до сих пор. Рихарду сначала не хотели ничего рассказывать, боясь его гнева. Но не удержались и рассказали. Зорге рассердился не на шутку.

Решили смонтировать несколько портативных передатчиков и приемников, так как сеансы связи в целях безопасности следовало проводить из разных мест. Такими пунктами для начала должны были стать квартиры Вукелича, Зорге и самого Клаузена.

Но поскольку Рихард и Макс жили в отелях, то возникла необходимость перебраться в отдельные домики. Детали для радиоаппаратуры Макс с большими предосторожностями приобретал в разных районах Токио и Иокогамы.

Макс приехал в Японию 28 ноября 1935 года. Официально он зарегистрировался в посольстве как представитель немецких деловых кругов. Его солидная фигура внушала доверие, он весь был на виду, аккуратно посещал немецкий клуб и платил взносы. Типичный бюргер времен Веймарской республики! Каждый, глядя на него, наверное, думал: вот она, здоровая основа великой немецкой нации! Такой, конечно же, кроме библии и газет, ничего не читает.

Но пора было подумать о прикрытии, так как всякий праздничношатающийся иностранец вызывает подозрение у японских властей.

В Токио немец Хельмут Кетель держал ресторан, куда Макс иногда заглядывал. Кетель общался с неким Ферстером, который на полпути между Токио и Иокогамой обосновал маленькую мастерскую по производству гаечных ключей. Ферстер был накануне финансового краха, так как английские ключи, по-видимому, плохо подходили к японским гайкам. Тут-то владелец ресторана и познакомил его с Максом. Клаузен согласился стать компаньоном Ферстера, внес свой пай. По старой памяти Макс решил также заняться продажей мотоциклов "Цюндап". Чтобы

поддержать "Инженерную компанию Ф. и К.", Зорге купил первый мотоцикл. Он любил быструю езду, и мотоцикл был кстати. Как мы узнаем позже, это для Рихарда было роковое приобретение: лучше уж обходился бы он без мотоцикла! Вскоре фирма стала процветать: каждый из немецкой колонии по примеру Зорге счел долгом поддержать земляков Клаузена и Ферстера, обзавелся новеньким мотоциклом. Иностранцы журналисты также сделались клиентами "Инженерной компании".

После долгих поисков Рихарду удалось подыскать небольшой двухэтажный дом в районе Адзабуку по улице Нагасаки-мэси, 30. Дом был довольно-таки невзрачным, каким-то заброшенным. Раздвижные стены - фусумы, балкончик, на полу - циновки (татами). Это был как раз такой дом, который соответствовал положению корреспондента. Пробираясь сюда приходилось вдоль высокой глинобитной стены по переулочку шириной в два метра. Дома Рихард бывал редко, приходил сюда спать. Внизу находилась столовая, ванна и кухня. Наверх вела крутая деревянная лестница. Тут находился рабочий кабинет. В кабинете с левой стороны стоял большой письменный стол. Посреди кабинета - стол поменьше. У стены - диван. Циновки были покрыты ковром.

Рано утром приходила работница, женщина лет пятидесяти, маленькая японка, которую Рихард называл Онна-сан; она готовила ванну, наводила порядок. Вечером уходила домой. Иногда она готовила обед. Но обычно Зорге обедал в ресторане или у друзей.

Максу у Зорге нравилось: "У Рихарда была настоящая холостяцкая квартира, в которой царил беспорядок. Но Рихард хорошо знал, где что лежит. Я должен сказать, что у него было очень уютно. Было видно, что он много работал. Он всегда был занят и любил работу. У него был простой книжный стеллаж, на котором стояли книги. Дверь из рабочего кабинета вела в его спальню. У него не было кровати, он спал на японский манер на разостланном на полу матрасе".

Сам Рихард в письмах к жене описывал свое жилище так: "Я живу в небольшом домике, построенном по здешнему типу, совсем легком, состоящем главным образом из раздвигаемых окон, на полу плетеные коврики. Дом совсем новый и даже современнее, чем старые дома, и довольно уютен.

Одна пожилая женщина готовит мне по утрам все нужное; варит обед, если я обедаю дома.

У меня, конечно, снова накопилась куча книг, и ты с удовольствием, вероятно, порылась бы в них. Надеюсь, что наступит время, когда это будет возможно... Если я печатаю на своей машинке, то это слышат почти все соседи. Если это происходит ночью, то собаки начинают лаять, а детишки - плакать. Поэтому я достал себе бесшумную машинку, чтобы не тревожить все увеличивающееся с каждым месяцем детское население по соседству".

Клаузен также снял двухэтажный дом на Синрюдо-те Э 12, в Адзабуку. Стены на метр в высоту были облицованы панелями, за которыми Макс устроил тайник для передатчика. Над тайником повесил большой портрет Гитлера, чтобы выглядеть благонадежным в глазах японской полиции. "У меня в жилой комнате висел портрет Гитлера, на который Рихард плевал каждый раз, как только входил туда..."

Друзья могли поздравить себя: они обзавелись жилищем, изолированным от внешнего мира! Но скоро наступило разочарование. "Не выбирай дом, а выбирай соседей", - говорят японцы. Макс, как всегда,

"везло": он снял квартиру, сам того не подозревая, возле казарм гвардейского полка! Рихард его утешил: оказывается, дом Зорге находится под самым боком у районной инспекции полиции! Вид с балкона открывался как раз на это учреждение. Глинобитная стена, мимо которой Рихард вынужден был проходить всякий раз, принадлежала, по всей вероятности, полицейскому участку. Полицейские признали германского корреспондента и при встрече всегда его приветствовали.

Передатчик и приемник, смонтированные Максом, умещались в обычном портфеле. Передатчик легко и быстро можно было разобрать на детали. Для большей конспирации Макс некоторые детали размещал в разных квартирах, колебательный контур носил в кармане.

Связь с Центром удалось установить в феврале 1936 года. Зорге разрешили для шифровальной работы использовать менее загруженного Клаузена. Ничего нельзя было записывать, все приходилось держать в голове. Передачи велись в зависимости от срочности и главным образом ночью, так как в ночное время короткие волны проходят лучше. Иногда начало радиограммы Макс передавал с чьей-нибудь квартиры, а конец - с автомашины, отъехав подальше от Токио. Или же радиограмма передавалась с одного места, но в два разновременных сеанса. Иногда приходилось работать всю ночь напролет. Макс трудился, не щадя себя. У него был настолько обостренный слух, что даже при самых сильных атмосферных помехах он находил позывные Центра. Само собой, и позывные, и волны менялись каждый сеанс. Все это затрудняло работу японских радиопеленгаторных станций. Случалось, Зорге говорил: "Будь осторожен, особо важной и срочной информации нет. Это может лежать дня три с тем, чтобы мы были абсолютно уверены, что нас не засекли, и чтобы усыпить службу пеленгации". Однажды, расшифровав очередную радиограмму из Центра, Макс смутился. В ней говорилось: "Ты наш лучший радист. Благодарим! Желаем тебе больших успехов".

Благодарность товарищей, таких же радистов, как он сам, растрогала его. Будучи предельно скромным, он всегда расстраивался, когда к нему проявляли внимание, - ведь он работал не ради похвалы и меньше всего думал о наградах. Да он и не получал их.

В радиограммах никогда не указывались подлинные фамилии членов организации. Кстати, Клаузен за все время работы ни разу не слышал от Зорге фамилий Одзаки и Мияги. Информацию давали некие "Отто" и "Джо". О том, как добывается информация, он также не имел ни малейшего представления. Даже Одзаки долгое время не знал фамилии Рихарда, а когда узнал, то решил, что это псевдоним, так как в Шанхае Рихард действовал совсем под другой фамилией. Кто такой Клаузен и имеет ли он какое-либо отношение к организации, японские товарищи не могли бы сказать. Для Центра Зорге был "Рамзай", Клаузен - "Фриц", Вукелич - "Жиголо", Одзаки - "Отто", Мияги - "Джо". Да и в разговорах между собой фигурировали только псевдонимы. Такова была дисциплина организации, и нарушать ее никто не имел права. Лишь Зорге находился в курсе всего и никогда не брал на веру информацию, полученную от своих помощников, многократно не проверив ее по другим каналам. Не то чтобы он не доверял, нет, просто он считал, что даже самого добросовестного работника могут ввести в заблуждение, дезинформировать. Все они имели дело с коварным случаем, а на случай полагаться нельзя. В Центр должны поступать сведения самого высокого качества, не вызывающие ни малейших сомнений. Добросовестность считалась девизом организации.

Макс с нетерпением ждал приезда Анны. Он скупал по ней чисто по-человечески, и ему казалось, что жизнь станет полнокровней, интересней, если рядом будет его Анни. И вдруг ему сообщили радиogramмой, что Анна выехала в Шанхай. Это было в мае 1936 года. Захватив пленки с информацией для передачи курьеру, Макс из Нагасаки выехал в Шанхай.

И все-таки Анна опередила его: она уже несколько недель жила в Шанхае у своей старой знакомой эстонской эмигрантки Скретур - вдовы с тремя детьми.

Макс и Анна много лет состояли в гражданском браке. Но чтобы Анна могла попасть в Японию, она должна была официально стать женой Клаузена. И вот "молодые" (каждому из них по тридцать семь лет) направляются в германское консульство в Шанхае, чтобы зарегистрировать брак. Но нужны свидетели, знающие Макса и Анну. Со стороны Анны свидетель есть - вдова Скретур. А кто знает Макса в Шанхае? Клаузен колесит по городу в поисках свидетеля. И наконец встречает немца Колле, работавшего в магазине грампластинок. Колле не прочь был погулять на чужой свадьбе и согласился. Нашелся и третий свидетель. Возникло новое осложнение: в германском консульстве не хотели выдавать Анне отдельный паспорт до установления ее личности. Фашисты даже в посольствах активизировались и с подозрением относились к каждому. В лучшем случае Анну могли вписать в паспорт мужа. Но это ничего не давало, так как ее без паспорта все равно не пустили бы в Японию. Снова возникла неразрешимая проблема. Макс нашел выход: пригласил кое-кого из сотрудников консульства на свою свадьбу. Это возымело действие. Анна сразу же получила отдельный вид на жительство.

Свадьбу пышно отпраздновали в одном из лучших ресторанов.

Очутившись в Токио, Анна с иронией оглядела холостяцкое жилье Макса, выбросила старую мебель, купила новую, навела порядок, заставила Макса ходить дома в тапочках. Он был счастлив и беспрекословно подчинялся.

Рихарда она встретила как старого друга, накормила вкусным обедом, и они сразу же пустились в воспоминания. Не без лукавства она припомнила, как они танцевали в тот памятный вечер, после которого Зорге одобрил выбор Макса. Они были добрыми приятелями, и Клаузен радовался, глядя на них.

<h2>ОРГАНИЗАЦИЯ ЗА РАБОТОЙ</h2>

Организация Зорге носила интернациональный характер. Кто составлял ее ядро? Рихард - по материнской линии русский, по отцу - немец; Макс Клаузен - немец; Бранко Вукелич - югослав; Одзаки Ходзуми и Мияги Птоку - японцы. Все они имели опыт подпольной работы. Четыре коммуниста и один, Одзаки, убежденный марксист, не состоявший формально в партии. Зорге и Одзаки были не только талантливыми журналистами, но и крупными учеными - социологами и востоковедами, авторами ряда исследований. Великолепный лингвист и журналист Вукелич; художник-искусствовед Мияги; моряк торгового флота, одаренный инженер-самоучка Клаузен. Сплав исключительной идейной прочности... Это были люди убежденные, преданные общему делу, бескорыстные, самоотверженные. Вся организация располагала только теми средствами, какие мог заработать каждый из ее членов, занимаясь то ли

журналистикой, то ли рисованием портретов или же коммерцией. От помощи Центра они сознательно отказались. Они трудились не ради денег, не ради наград и благодарностей; их сжигали более высокие страсти: ненависть к фашизму, стремление защитить первое в мире социалистическое государство от происков врага. Одзаки и Мияги, беззаветно преданные своей родине Японии, служили своему народу, действовали во имя его интересов, во имя его будущего. Ради этого они не щадили своих жизней, шли навстречу опасностям.

Впоследствии, оценивая деятельность организации, Зорге, как ее руководитель, отметит: "Главная цель заключалась в том, чтобы поддержать социалистическое государство - СССР. Она заключалась также в том, чтобы защитить СССР путем отведения от него различного рода антисоветских политических махинаций, а также военного нападения... Советский Союз не желает иметь с другими странами, в том числе и с Японией, политических конфликтов или военного столкновения. Нет у него также намерения выступать с агрессией против Японии. Я и моя группа прибыли в Японию вовсе не как враги ее. Мы совершенно отличаемся от того значения, которое обычно приписывается слову "шпион". Лица, ставшие шпионами таких стран, как Англия или Соединенные Штаты Америки, выискивают слабые места Японии с точки зрения политики, экономики или военных дел и направляют против них удары. Мы же, собирая информацию в Японии, исходили отнюдь не из таких замыслов..."

Их молчаливый подвиг, окруженный тайной, мог вообще остаться никому не известным, ибо это был подвиг не ради личной славы. Каждый из них, являясь яркой индивидуальностью, заслуживает отдельной книги, специального исследования.

За девять лет деятельность организации не замирала ни на один день, и в этом огромная заслуга Зорге - руководителя, умелого организатора и вдохновителя. Именно благодаря его организаторским способностям, его творческой энергии группа могла в условиях беспрестанной слежки, под носом у японской контрразведки в течение долгого времени не только функционировать, но и добиваться поразительных эффектов в работе.

О Рихарде Зорге сохранились письменные воспоминания людей, знавших его лично. Немалый интерес представляют характеристики, которые давали своему руководителю члены организации. Теперь мы можем как бы их глазами взглянуть на Зорге, разгадать секрет его обаяния, воздействия на соратников. Бранко Вукелич отзывается о своем друге так: "Мы всегда встречались как политические товарищи, свободные от каких бы то ни было дисциплинарных формальностей. Зорге никогда не приказывал. Он просто убеждал нас в том, что нужно сделать в первую очередь, что во вторую, или рекомендовал тому или иному из нас наилучший путь решения поставленной задачи, или спрашивал наше мнение, как поступать в том или ином случае. В действительности Клаузен и я были лишь сознательными сотрудниками, и мы часто действовали по своему усмотрению. Тем не менее в течение последних девяти лет, за исключением одного или двух случаев, когда Зорге выходил из равновесия, он, как правило, никогда не был формалистом, и даже тогда, когда был расстроен и сердит, он просто обращался к нашей политической сознательности и чувствам дружбы к нему, не прибегая к каким-либо другим формам давления на нас. Он никогда не запугивал других и никогда не поступал так, чтобы его действия можно было истолковать как

угрозу или как обращение к формальным дисциплинарным положениям. Это красноречиво говорит о том, что наша группа носила добровольный характер. На протяжении всего периода нашей совместной работы среди нас царила такая же атмосфера, какая была в марксистском клубе. Частично это объясняется личными качествами Зорге, но я припоминаю, что отношения между товарищами в Париже были в основном такими же".

Макс Клаузен чаще других видел Зорге в быту. "Рихард был умерен во всем. Если ему и приходилось в силу необходимости бывать в компаниях, то пил он не больше других, но вообще-то был не охотник до вина. Когда мы оставались вдвоем, то вели себя как коммунисты, никогда к вину не притрагивались. У нас находилось более важное дело...

То, что Рихард был связан со многими женщинами, как говорят на Западе, не соответствует действительности. Женщины, с которыми общался Рихард, в том числе с женой посла Отта, подчас, сами того не ведая, помогали нам в работе. Рихард рассказывал мне, что Отт без помощи Рихарда едва ли мог послать разумное сообщение гитлеровскому правительству, так как он едва ли мог получить такую информацию, которую давал ему Рихард, поскольку у него, конечно, не было таких связей, какие были у Рихарда. Образованный, энергичный, строгий, очень требовательный в работе, внимательный и чуткий товарищ. Настоящий коммунист - вот каким был Рихард. Зорге был одним из величайших работников в разведке".

Одзак и Мияги преклонялись перед умом Зорге, его эрудицией, умением легко разбираться в самых запутанных вопросах внешней и внутренней политики государств, перед его бесстрашием и убежденностью; они считали Зорге образцом коммуниста. По их мнению, перед непреклонной логикой Зорге был бессилён самый изощренный ум; Зорге умел воспитывать ненавязчиво, без риторики и громких фраз; он заставлял думать и неизбежно приходил к тем выводам, к каким раньше пришел сам, анализируя обстановку.

Таков был Рихард Зорге, руководитель организации, человек чистый, убежденный, посвятивший свою жизнь бескорыстному служению социалистической Родине. "Грязь не пристает к алмазу" - гласит восточная пословица. Он был таким алмазом.

Созданная им организация подобно чуткому сейсмографу мгновенно реагировала на все подземные толчки международной политики. Если 1933-1935 годы являлись в основном периодом создания организации, ее развертывания и упрочения, а информация, добытая группой, представляла собой исходный, оценочный материал, то теперь в унисон с мировыми событиями деятельность организации оживилась, информация приобрела значимость.

Одзак укрепился в Обществе исследования проблем Восточной Азии при концерне "Асахи". Эта солидная организация занималась сбором новостей. Как специалист по Китаю, Одзак то и дело получал запросы из разных кругов, в частности и от правительства. "Так как я часто получал приглашения читать лекции в разных местах Японии, я имел превосходные возможности изучать общественное мнение на местах". Он возобновил дружбу с товарищами по колледжу Усиба и Киси, которые находились в близких отношениях с принцем Коноэ. Иногда они собирались где-нибудь в ресторанчике или же на квартире Усиба и вели разговор на политические темы, обсуждали китайскую проблему. Блестящего оратора Одзак любопытно было послушать. Друзей поражала его способность

анализировать самые запутанные вопросы японо-китайских отношений. К этой тройке вскоре присоединился некто Кадзами, личный друг принца Коноэ. Кадзами прямо-таки влюбился в Одзаки - ведь он тоже считал себя знатоком Китая, а сейчас встретил человека недюжинного, обладающего необыкновенной глубиной и ясностью мысли. И вот друзья однажды подготовили знатоку Китая сюрприз: на квартире Усиба Одзаки встретил принца Коноэ. Они познакомились. Завязалась непринужденная беседа, появились маленькие чашечки с подогретым сакэ. Принц Коноэ также по достоинству оценил острый ум Одзаки. Такой знаток Китая мог пригодиться в любое время. Председатель палаты пэров, представитель высшей придворной аристократии, принц Коноэ метил в премьеры, ему требовались умные помощники, неофициальные советники, которые откровенно высказывали бы свои взгляды на положение вещей. Принц любил смотреть истине в лицо, а истину можно узнать лишь от неофициальных советников. Принц считал, что спасение Японии - в войне с Китаем. Одзаки резко возражал: он утверждал, что вторжение в Китай кончится гибелью Японии. Подобная откровенность нравилась Коноэ. Он решил со временем привлечь эксперта к тесному сотрудничеству. А пока они пили сакэ и обменивались мнениями. Коноэ, как государственный человек, принадлежащий к высшим слоям общества, хотел всегда быть в курсе всех событий, а потому надумал создать своеобразное информационно-дискуссионное общество. Усиба и Киси сочли полезным пригласить в такое общество писателей, журналистов, профессоров и других компетентных лиц.

Близкое общение с осведомленными людьми из правительственных кругов в свою очередь очень много давало Одзаки, он всегда знал, как развиваются германо-японские отношения, какие тут существуют подводные камни, и мог реально оценивать складывающуюся обстановку.

Мияги так же не сидел без дела. Жил Мияги на свои сбережения: он привез из Америки три тысячи долларов. А также бойко торговал картинами, получал деньги за лекции на различных выставках. В целях конспирации Одзаки связывался с Зорге чаще всего через Мияги, с которым успел подружиться. Госпожа Одзаки представления не имела, чем занимаются ее муж и молодой художник. Но Мияги ей нравился: он был очень обходителен, внимателен, изыскан. Госпожа Одзаки хотела, чтобы ее дочь брала уроки рисования у Мияги. Муж не возражал. Характеризуя Мияги, Зорге докладывал Центру: "Прекрасный парень, самоотверженный коммунист, не задумается отдать жизнь, если потребуется. Болен чахоткой. Посланный мной на месяц лечиться, удрал с курорта, вернулся в Токио работать".

Если Зорге добывал сведения в основном через германское посольство, то информация из посольств других стран служила чрезвычайно хорошей проверкой этих сведений. Ведь каждое посольство - своеобразный центр, где сосредоточивается вся политическая и иная информация. Сотрудники посольств все время соприкасались со взглядами своих правительств, а также со взглядами правительства Японии, были в курсе того, как развиваются отношения между Германией и Японией. А именно этот вопрос больше всего интересовал Зорге.

Здесь для Бранко Вукелпча был неистощимый родник ценной информации. Он все расширял и расширял внешние связи. Свежими новостями его щедро снабжали глава прессы агентства Гавас Роберт Гильян, а также представитель агентства Рейтер Джемс М. Кокс. Каждому

из них хотелось в глазах талантливого собрата по перу Вукелича казаться чуть ли не вершителем мировой политики, близко причастным к государственным тайнам, и они не задумываясь выбалтывали эти тайны. "Наиболее важной была политическая, дипломатическая и военная информация. Мы всегда собирали эту информацию, имея в виду возможность возникновения военного конфликта между Японией и Советским Союзом. Я могу добавить, что при этом мы всегда считались с возможностью нападения или вторжения по тем или иным причинам в Советский Союз и никогда не исходили из предположения о возможности нападения на Японию Советского Союза. Таким образом, наша информация всегда состояла из материалов, которые позволяли Сталину избежать опасности. Такое толкование может показаться довольно элементарной интерпретацией действительного положения, но таково было мое впечатление об общем направлении и целях нашей работы, полученное мной в процессе бесед и сотрудничества с Зорге. Все это подтверждало мое первоначальное представление и убеждение в том, что мы работаем в целях защиты Советского Союза, который в свою очередь должен был построить социализм в своей стране".

Обогащенный сведениями из самых разных источников, Бранко смог снабжать интересными материалами и те газеты и журналы, с которыми был связан. Престиж его как корреспондента, журналиста поднялся высоко. Появились деньги, и семья Вукеличей не испытывала больше экономических затруднений. Эдит могла даже совершать с сыном поездки в Австралию. В Австралии жила сестра Эдит. На ее-то попечение и решили оставить подростка сына, чтобы не подвергать его опасности.

Мозгом всей организации был Зорге. Всю многообразную информацию он тщательно просеивал, отбрасывая все случайное, несущественное, оценивал взгляды противных сторон, сопоставлял, анализировал, подвергал все дополнительной проверке. Эта работа требовала колоссального напряжения умственных сил.

Происходит ли сближение Германии и Японии? Каков тайный курс Японии в отношении Советского Союза? Как уже знал Зорге от военного атташе и посла, переговоры Риббентропа и генерала Осимы не дали никаких конкретных результатов. Но значило ли это, что переговоры не возобновятся на более высоком уровне?

Что касается Европы, то здесь настораживала активизация фашистских элементов. А как поведет себя фашиствующая военщина в Японии?

9 октября 1934 года гитлеровская агентура во главе с помощником немецкого военного атташе во Франции Шпейделем убила в Марселе министра иностранных дел Франции Луи Барту, ратовавшего за включение в Локарнский пакт Советского Союза, Польши и Чехословакии. В этом же году в Австрии фашисты устроили путч, убили канцлера Дольфуса.

Зорге, только что вернувшийся из Советского Союза, почувствовал, что Япония находится на пороге политического кризиса. Здесь издавна велась борьба между разными партиями. В военных кругах с каждым годом все большее влияние приобретало так называемое "молодое офицерство" во главе с генералами Араки и Мадзаки, открыто выражавшее агрессивные устремления японского империализма. "Молодое офицерство" постоянно наткнулось на сопротивление представителей "старых" концернов, которые имели решающий голос в правительстве и противились вмешательству военщины в дела концернов. "Молодое офицерство" требовало контроля над

производством, финансами, всей экономической и политической жизнью, стремясь поставить все ресурсы Японии на военные рельсы; оно проповедовало немедленную войну с Советским Союзом. Это была фашистская организация, самая реакционная, наиболее шовинистическая, не брезгующая террором.

Приход "молодого офицерства" к власти означал бы подготовку к войне с Советским Союзом. Лидер агрессивной военщины генерал Мадзаки призывал: "Надо смотреть на Запад и искать там друзей для большой войны. Японии одной будет трудно". Воинственный генерал имел в виду фашистскую Германию.

Вот почему Зорге с самого начала очень бдительно наблюдал за действиями этой организации, взял ее под неусыпный контроль. Из обширной информации, поступившей от Одзаки, Мияги, советский разведчик, тщательно все проанализировав, мог сделать вывод: "молодое офицерство" подготавливает путч. Все зависит от результатов выборов в парламент, которые должны состояться 20 февраля 1936 года. Как он узнал от военного атташе и от посла фон Дирксена, Германия не прочь установить тесный контакт с новым правительством из среды "молодого офицерства", если таковое будет вести с ним переговоры о заключении пакта о взаимной военной помощи. Но о готовящемся путче в посольстве ничего не знали.

На очередной встрече Зорге и Одзаки подвергли обстоятельному анализу складывающуюся ситуацию. И пришли к заключению: у "молодого офицерства" мало шансов на успех; в самом военном министерстве сильна так называемая "группа контроля", противостоящая "молодому офицерству". Эта группа генералитета, стремящаяся еще более укрепить роль военных кругов в политической и экономической жизни Японии, сама рассчитывает взять власть, а потому на первых порах поддержит законное правительство, чтобы впоследствии превратить его в марионетку. "Группа контроля" делала ставку на генерала Тераути, создателя программы полного овладения Китаем.

Лишь накануне выступления офицеров Зорге счел нужным поставить обо всем в известность посла Дирксена, военно-морского атташе Венеккера и военного атташе Эйгена Отта. Все трое не верили в возможность вооруженного выступления и не придали особого значения словам Зорге. Поэтому последующие события застали немецкое посольство врасплох. Явились они неожиданностью и для английского, французского и американского посольств.

Путч начался рано утром 26 февраля 1936 года, через несколько дней после выборов в парламент. Как и предполагал Зорге, партия сейюкай, связанная с группой "молодого офицерства", потерпела поражение. Путчисты убили бывшего премьера Сайто, министра финансов Такахаси и других противников "молодого офицерства". Три дня гремели выстрелы на улицах Токио. Путчисты вывели из казарм полторы тысячи солдат. Никем не поддержанные, на четвертый день они стали складывать оружие. В то же время японо-маньчжурские войска совершили нападение на МНР, но были выброшены с ее территории. Зорге мог торжествовать. Ему пришлось даже разьяснять Дирксену, Венеккеру и Отту закулисную сторону этого события. Авторитет корреспондента после "февральского инцидента" поднялся на небывалую высоту. В донесении в Берлин посол сослался на Зорге как на источник информации. Это уже рассматривалось как важная услуга министерству иностранных дел.

Премьером Японии стал Хирота, военным министром генерал Тераути. От этих правителей также ничего доброго ожидать не приходилось, поскольку оба считались, так же как и Мадзаки, сторонниками сближения с фашистской Германией. В эти беспокойные дни Рихард, конечно же, не отсиживался в стенах посольства, а рыскал по городу в поисках сенсационного материала для "Франкфуртер цейтунг". Кате он написал: "Были здесь напряженные времена, и я уверен, что ты читала об этом в газетах, но мы миновали это время хорошо, хотя мое оперение и пострадало несколько. Но что можно ждать от "старого ворона"? Постепенно он теряет свой вид".

Все последние месяцы Зорге находился в возбужденном состоянии, шутил, смеялся. Дело в том, что Рихард узнал из письма Кати, что скоро станет отцом.

"Я, естественно, очень озабочен тем, как все это ты выдержишь и выйдет ли все это хорошо.

Позаботься, пожалуйста, о том, чтобы я сразу, без задержки получил известие.

Сегодня я займусь вещами и посылочкой для ребенка, правда, когда это до тебя дойдет - совершенно неопределенно.

Мне было сказано, что я от тебя скоро получу письмо. И вот оно у меня. Конечно, я очень и очень обрадовался, получив от тебя признаки жизни.

Будешь ли ты дома у своих родителей? Пожалуйста, передай им привет от меня. Пусть они не сердятся за то, что я тебя оставил одну.

Потом я постараюсь все это исправить моей большой любовью и нежностью к тебе.

У меня дела идут хорошо, и я надеюсь, что тебе сказали, что мной довольны.

Будь здорова, крепко жму твою руку и сердечно целую.

Твой Ика".

Ика втайне от своих знакомых колесит по Токио, отыскивая игрушки и распашонки. Если бы его за этим занятием застал Эйген Отт, он, вероятно, был бы изумлен и не знал бы, что подумать. Рихард - и детские игрушки!.. А он только жмурится от яркого токийского солнца и, представляя себя в роли отца, решает перечитать сказки братьев Гримм и Андерсена, которые уже подзабылись. О! Он будет образцовым фатером...

Он не может знать наперед, что никогда не вернется на родину. Ему в его неустроенной жизни слишком мало отпущено личного счастья.

А потом приходит страшное письмо: Катю постигло несчастье - ребенка у них не будет! Рихард подавлен. Он сидит дома, обхватив голову руками. Он все еще не может поверить. Из соседнего двора доносится меланхоличный звон гитары. Поет низкий мужской голос. "Видели ли вы чаек, притаившихся в камышах, нежно ласкающих друг друга, алых, будто пылающих огнем от лучей заката? Видели ли вы их утром? Они обе летели тихо над волнами, серебряными от утра. А зимнею холодною ночью они тесно прижмутся друг к другу, ободряя, лаская и грея... А я?... Так опадают цветы! Так ветер прошумит и бесследно уйдет куда-то..."

Впервые за все тревожные годы он почувствовал себя старым.

"Получил из дому короткое сообщение, и я теперь знаю, что все произошло совсем по-другому, чем я предполагал..."

Я мучаюсь при мысли, что старею. Меня охватывает такое

настроение, когда хочется домой скорее, насколько это возможно, домой в твою новую квартиру. Однако все это пока только мечты, и мне остается положиться на слова "старика", а это значит - еще выдержать порядочно времени.

Рассуждая строго объективно, здесь тяжело, очень тяжело, но все же лучше, чем можно было ожидать... Вообще прошу позаботиться о том, чтобы при каждой представившейся возможности имел бы от тебя весточку, ведь я здесь ужасно одинок. Как ни привыкаешь к этому состоянию, но было бы хорошо, если бы это можно изменить.

Будь здорова, дорогая.

Я тебя очень люблю и думаю о тебе, не только когда мне особенно тяжело, ты всегда около меня..."

Зорге должен прятать свое горе от всех, он не волен в настроениях. В посольстве, как всегда, приемы, обеды. Нужно присутствовать, делать беззаботный вид. А внутри все клоочет от ненависти к этому сброду, к пучеглазому Отту, к немецкому князю Ураку, которого Зорге завел для респектабельности. Респектабельность дорого обходится: князь падок на угощения, каждый вечер тянет в ресторан "Фледермаус".

События, события... Они заставляют Рихарда действовать, выводят из состояния апатии.

Перед разведчиком неотступно стояла задача: следить за германо-японскими отношениями. Туманная фраза, оброненная подвыпившим Эйгеном Оттом, заставила насторожиться: германо-японские переговоры возобновлены!

Зорге едва не подскочил от неожиданности. Он ждал, что Отт продолжит разговор, но военный атташе замолчал. В этот же вечер Вукелич сообщил, что в английском и французском посольствах обеспокоены слухами о том, что якобы между Германией и Японией ведутся какие-то переговоры. Подтверждение тому - японские посольские курьеры, беспрестанно снующие между столицами двух стран.

Мияги не заставил себя ждать: он выяснил через знакомых штабников, что ожидается прибытие в Токио делегации немецких летчиков и что будто бы это - лишь первые ласточки, свидетельствующие об укреплении отношений между генеральными штабами третьего рейха и Японии.

При очередной встрече Зорге дал задание Одзаки выяснить через принца Коноэ и его окружение, что кроется за всеми этими слухами. Послав предварительное сообщение в Центр, он стал ждать. Ждать пришлось долго, Зорге нервничал. Интуиция подсказывала: затевается нечто значительное, имеющее международный характер. Разумеется, если между двумя странами ведутся секретные переговоры, то они могут закончиться соглашением. Но каков характер этого соглашения? Направлено ли оно против Советского Союза, нет ли в нем договоренности начать войну немедленно?

Снова цвели вишни. В парке Уэно японские нимфы в шелковых кимоно, с камелиями в темных волосах совершали свой "танец цветения вишни". Добрая принцесса Ко-но-хана-саку-я-химе, превращающая почки деревьев в цветы, бодро шагала по весенним улицам Токио. Установилась ясная погода. Но ничто не радовало советского разведчика. Он сделался хмурым, раздражительным. Теперь он был бы способен даже с оружием в руках напасть на Дирксена, взломать сейф с государственными тайнами.

Вся организация, наэлектризованная заданиями Зорге, поднялась на ноги, стучалась во все двери, информационные мелочи отошли на задний план. Переговоры... О чем?..

И когда Зорге совсем потерял терпение, к нему прямо на дом заявился Одзаки. Он рисковал попасть на заметку полиции, но сейчас некогда было думать о собственной безопасности: с апреля 1936 года японский посол в Берлине Мусьякодзи и Риббентроп ведут переговоры о заключении пакта. Переговоры затягиваются, так как немцы настаивают на том, чтобы пакт носил военный характер, а японцы не соглашаются. Чем все это закончится, неизвестно. Оба понимали, что время не терпит, а потому сразу же разошлись. Зорге позвонил Клаузену, сказав условленную фразу: "Моси, моси, анонэ", повесил трубку. И пока Клаузен добирался до квартиры Рихарда, последний трудился над шифровкой. Он не вздохнул свободнее, когда радиограмма полетела в эфир. Начиналось самое трудное, самое сложное: каково содержание пакта? То, что он направлен против Советского Союза, сомнений почти не было. И все же... Теперь - не отступать ни на шаг от военного атташе и посла!

Прошел апрель. Май... июнь... Отт подтвердил, что переговоры ведутся, но, каково их содержание, он не знал. Дирксен от разговора на подобную тему уклонялся. Возможно, потому, что сам был недостаточно информирован. Ведь переговоры ведутся в строжайшей тайне. По-видимому, речь идет о союзе Германии с Японией. Иностранные посольства гудели как улья: тут строили самые фантастические предположения. Но все они, по-видимому, не соответствовали истине.

За несколько месяцев напряженного ожидания Зорге извелся, постарел. Но он не терял надежды в конце концов вырвать тайну из рук своих врагов. Кате написал: "Надеюсь, что у тебя будет скоро возможность порадоваться за меня и даже погордиться и убедиться, что "твой" является вполне полезным парнем. А если ты мне чаще и больше будешь писать, я смогу представить, что я к тому же еще и "милый" парень..."

Помог щедрый случай. Если его можно назвать случаем. Этот случай был подготовлен тремя годами изнуряющей работы, полным презрением к опасности.

Из Берлина прибыл специальный курьер с секретными приказами для Дирксена. Это был сотрудник авиационной фирмы "Хенкель", некто Хаак. Советский разведчик встретился с ним в кабинете военного атташе, куда теперь заходил два раза на день. Оказывается, Отт и Хаак дружили с давних пор. Увидев Зорге, Хаак просиял: ведь это он, Хаак, отправлял знаменитого журналиста в опасный рейс на первом "юнкерсе"! Хаак отличался избытком сентиментальности и романтическим воображением. Потому-то он кинулся к Рихарду с распростертыми объятиями и чуть не сбил его с ног. Рихард не выносил сентиментальных людей, но сейчас он изобразил такую откровенную радость, что Хаак немедленно предложил пообедать втроем. Зорге отвел их в "Ломейер". Тут имелись уединенные кабины. Трудно было понять, кто кого угощает. Рихарду все же удалось захватить инициативу, и вино полилось рекой. Разведчика интересовала цель прибытия Хаака в Токио. Сейчас всякий человек, прибывающий из Германии, а тем более с особыми полномочиями, мог пролить некоторый свет на то, что творится в Берлине. Ведь сказано же: если тайна известна троем, она перестает быть тайной. Быстро опьяневший Хаак, желая набить себе цену в глазах прославленного журналиста, заявил, что

он и есть то доверенное лицо, которое допущено к германо-японским переговорам. До приезда в Токио он осуществлял курьерскую связь между Риббентропом, Канарисом и послом Мусякодзи. Теперь вот он прислан для связи с японским министром иностранных дел. Кое-что он должен передать устно, без свидетелей. Зорге добавил вина в рюмку гостя. Только не для печати: японцы упираются, так как не хотят раньше времени ссориться с русскими. Ради военного пакта Гитлер согласен даже не поднимать вопроса о бывших германских, а ныне японских владениях на Тихом океане. Но Мусякодзи стоит на своем: ведь он руководствуется указаниями правительства. Из-за такой неуступчивости пакт, скорее всего, будет замаскирован под антикоминтерновский. Борьба с мировым коммунизмом. Само собой, для публики. Стоило ли ради этого секретничать. Он, Хаак, уверен, что обе договаривающиеся стороны на полдороге не останутся, а приложат к пакту кое-что не для всеобщего обозрения!..

Зорге едва досидел до конца обеда. Он рвался к радиопередатчику. Днем Хаак занимался государственными делами, а вечерами Рихард целиком овладевал им и возил, возил по "экзотическим" местам.

Великий знаток Востока Одзакки однажды объяснил Рихарду, почему Чингисхану удалось захватить полмира: оказывается, кровавый завоеватель не пил вина! Чингисхан якобы говорил: "Пьяный человек глух, слеп и лишен рассудка... Все его умение, все таланты ни к чему, кроме стыда, он ничего не может получить. Властитель, преданный питью, не способен ни к чему великому. Военачальник, который напивается, не может держать в порядке свои войска. Если нельзя обойтись без питья, надо по крайней мере стараться не напиваться более трех раз в месяц; напиться только один раз было бы лучше; совсем не пить еще лучше, но где найдешь такого, кто бы никогда не напивался". Оба тогда посмеялись и отметили, что в данном вопросе со времен Чингисхана мало что изменилось. Теперь эти слова Рихард в свою очередь процитировал Хааку. Хаак пришел в восторг. Он погрозил журналисту пальцем и предложил поехать в "зеленый квартал" рекуте, где можно веселиться до утра. Он совсем освоился с Японией и с грустью думал о том, что пора возвращаться в сумрачную Германию. Сентиментальный Хаак совсем растаял от гостеприимства; он лишь побаивался нажать цирроз печени от неумеренных возлияний. Он передавал разведчику слово в слово свои разговоры с японским министром иностранных дел и другими высокопоставленными лицами. К концу миссии Хаака в Токио советский разведчик уже мог составить точное представление о пунктах пакта, который войдет в историю как "антикоминтерновский".

Зорге был так любезен, что согласился проводить своего нового друга на военном самолете до Пекина. Хаак блаженствовал. Разве могло ему прийти в голову, что Рихарда вызывает в Пекин некий Центр, требуя документального подтверждения сообщением исключительной важности. Тут уж обыска опасаться не приходилось: разведчик набил документами целый портфель. Редкая удача... Вдохновленный победой, он постарался поскорее отделаться в Пекине от Хаака и поспешил на встречу с курьером Центра.

Только сейчас, когда большое дело было сделано, Рихард почувствовал безмерную усталость. Это было нервное истощение. Токийская жизнь, кроме отвращения, больше ничего не вызывала. В Японию даже не хотелось возвращаться. Ему грезилась квартирка, которую Катя

недавно получила, он очень хорошо представлял эту новую квартиру по описаниям жены. Разве он не заслужил права на отдых?

Курьер Центра понимал, что творится в душе разведчика, а потому старался его успокоить, рассказывал о Кате, о делах в Советском Союзе. Но умиротворить, успокоить не удалось. Рихарда волновали события в Испании, итапо-германская интервенция. На борьбу с фашистами из разных стран отправлялись коммунисты, которые становились солдатами испанского Народного фронта. Главным советником республики стал Берзин. В Испании сражался брат Бранко Вукелича. Рихарду казалось, что его место сейчас там, в сражающейся Испании. Привез курьер и письмо от Кати, полное бодрости. Но Рихард-то знал: бодрость искусственная, Катя тоскует, и виновник всему он. "Милая К... Иногда я очень беспокоюсь о тебе. Не потому, что с тобой может что-либо случиться, а потому, что ты одна и так далеко. Я постоянно спрашиваю себя - должна ли ты это делать? Не была бы ты более счастливой, если бы не знала меня?.. Все это наводит на размышления, и потому пишу тебе об этом, хотя лично я все больше и больше привязываюсь к тебе и более чем когда-либо хочу вернуться домой, к тебе.

Но не это руководит нашей жизнью, и личные желания отходят на задний план. Я сейчас на месте и знаю, что так должно продолжаться еще некоторое время. Я не представляю, кто бы мог у меня принять дела здесь по продолжению важного экспорта... Твой Ика".

Курьер много раз до этого встречался с Зорге, но впервые увидел слезы на глазах бесстрашного разведчика.

<h2>ВЫСОКИЕ СФЕРЫ</h2>

О заключении между Германией и Японией "антикоминтерновского пакта" Советское правительство благодаря оперативности организации Зорге узнало задолго до того, как об этом был оповещен весь мир.

Первый триумф не вскружил голову Рихарду. Он предупредил Отечество о происках врагов. Но как будут развиваться германо-японские отношения? Таит ли в себе "антикоминтерновский пакт" реальную угрозу для мира во всем мире? Не развяжут ли Германия и Япония войну против социалистического государства одновременно? Как выяснил Одзаки, на совещании Тайного совета якобы упоминали: главное содержание секретного приложения к "антикоминтерновскому пакту" состоит в том, что, в случае военных действий между Японией и СССР, последнему придется иметь дело также с Германией. В случае... Но реален ли сейчас подобный случай?.. Слишком уж остры противоречия между Германией и Японией в Китае. Рихард хорошо знал японцев. И в совершенстве - немцев. Еще до заключения пакта в Китай прибыла германская экономическая делегация, которая подписала с китайским правительством ряд контрактов на постройку железных дорог. Немцы продолжают поставлять Чан Кай-ши вооружение и своих советников. Как все это увязать? Одзаки удалось выяснить, что в самый разгар германо-японских переговоров военное министерство Японии представило на рассмотрение правительства программу внешнеполитического курса, в которой планируется захват всего Китая и превращение Северного Китая в "Особую антикоммунистическую и прояпонскую зону". Японцы вовсе не собираются допускать немцев в Китай. Тут целый узел противоречий.

Для Одзаки и Рихарда становилось ясным, что правительство Хирота

долго не продержится у власти. Слишком уж непопулярным было оно у народа. Сразу же после заключения пакта оно произвело массовые аресты коммунистов, революционно настроенных рабочих и крестьян, отменило "Всеобщее избирательное право для мужчин". Выбирать мог только тот, кто прошел военную службу. Господство военных кругов в правительстве вызвало противодействие и со стороны "старых" концернов. Провокационный налет японских войск на советскую территорию у озера Ханка в ноябре закончился позорным провалом. В конце концов правительство Хирота ушло в отставку. Новое правительство генерала Хаяси также потерпело поражение.

31 марта 1937 года к власти пришел принц Коноэ, человек, связанный не только с высшей придворной аристократией, но также и с финансовым капиталом, и с генералитетом. Он был своего рода компромиссной фигурой. Он хотел угодить всем, кроме, конечно, трудового народа.

Как бы то ни было, но организация Зорге поднялась еще на одну ступень: в лице Одзаки она получила прямой доступ в кабинет министров и к самому премьеру. Оказавшись на вершине государственной власти, принц Коноэ не забыл своего друга Одзаки, а еще больше приблизил его к себе. Новый премьер затевал кое-что, и великолепный эксперт по Китаю, обладающий острым и аналитическим умом, был ему нужен. Коноэ лично возглавлял так называемое научное общество Сева, занятое разработкой проблем Восточной Азии. Вот сюда, под начало Кадзами, принц и пригласил Одзаки. Ходзуми с восторгом принял приглашение. Ведь теперь он становился причастным к государственной политике и своим авторитетом как-то мог влиять на нее. А главное, организация Зорге могла получать сведения из первых рук.

Когда человек работает ради высокой идеи, ему доступно самое невозможное. Не успел Одзаки освоиться в обществе Сева, как принц назначил его руководителем китайского отделения вместо Кадзами; Кадзами теперь стал секретарем кабинета Коноэ. Кадзами Акира любил своего друга Одзаки и всячески способствовал его возвышению. А почему бы премьеру не сделать Одзаки своим неофициальным советником при правительстве?.. Но час для этого еще не настал.

Усиба и Киси, друзья Одзаки по колледжу, также стали секретарями премьера. Они-то и подали принцу идею создать "группу завтрака", в которую, конечно же, сразу вошел Одзаки. Так возникло неофициальное информационно-дискуссионное общество при правительстве. Одзаки занял в нем видное положение. Принц встречался со своими друзьями и во время завтраков, и во время обедов. Сходились в доме Усиба, пили сакэ, обменивались мнениями; премьеру нравилась неофициальная дружеская атмосфера в доме Усиба, где они собирались словно заговорщики. Премьер, загруженный государственными делами, на первых порах являлся раз в две недели. Затем стали встречаться чаще.

Разговоры велись о войне в Китае. Одзаки по-прежнему считал, что Япония погубит себя, развязав войну в Китае. Тем более опасно начинать военный конфликт с могучей советской державой, Япония слишком слаба для ведения такой войны. Принц возражал. Правда, он соглашался, что воевать сейчас с Советским Союзом бессмысленно. Ну а если Япония для начала овладеет ресурсами Китая, превратит Манчжурию в военно-экономическую базу Японии?.. Штаб Квантунской армии разработал подробную программу. Разработан также план проведения милитаризации

экономики. К концу года японская армия должна стать миллионной. Начальник штаба Квантунской армии генерал Тодзио считает, что настал самый благоприятный момент для выступления против Китая, а затем против СССР...

Тут было над чем поразмыслить. Однако пока разговоры оставались разговорами. Премьер лишь прошупывал своих друзей, хотел знать, что они думают о возможной войне в Китае. Но на уме у него было другое. Он уже принял твердое решение, отбросив все сомнения эксперта по Китаю.

Что затевает правительство Японии, куда оно хочет направить главный удар, почему проводит спешную мобилизацию всех возрастов? В Северном Китае учения японских войск проводятся каждую ночь. В совершенно секретном документе говорится о необходимости объединения политики армии и правительства. В этом же документе содержится план производства военных материалов. Япония явно готовится к войне. Против кого?.. А может быть, все-таки вопреки здравому смыслу, надеясь на Германию, против Советского Союза?..

Зорге посоветовал обратиться с прямым вопросом к премьер-министру. Дорог был каждый день, и обходных путей искать не приходилось. Одзаки рисковал вызвать подозрение прямым вопросом, но, когда дело касалось защиты Советского Союза и безопасности Японии, он становился бесстрашным, дерзким. На первом же "завтраке" он громко сказал, что хотел бы ознакомиться с планом по китайскому вопросу, чтобы иметь возможность проанализировать его и сделать квалифицированное заключение для правительства. Принц задумался. Он готовился к ответственному шагу во внешней политике и не мог игнорировать мнение такого знатока Китая, каким был Одзаки. Затем премьер, предупредив эксперта о соблюдении строжайшей тайны, сказал, что с документом ознакомиться можно. В канцелярии премьер-министра эксперту отведут отдельный кабинет, где он сможет в течение некоторого времени изучать план. Такой легкой победы Одзаки не ожидал и даже растерялся. За всю ночь, конечно, не сомкнул глаз. Утром он был в канцелярии премьер-министра. Здесь его хорошо знали, а получив распоряжение Коноэ, немедленно провели в отдельный кабинет и выдали совершенно секретный документ. Потом дверь захлопнулась. Прежде чем приступить к изучению документа, Одзаки прислушался. Подошел к двери - она оказалась запертой. Осмотрел каждую щель, стараясь установить, откуда за ним могут тайно наблюдать. Он находился в святой святых японской империи, и как-то не верилось, что вот так просто вас могут оставить без присмотра наедине с документом огромной государственной важности. Одзаки рисковал головой. Но нужно было действовать быстро, так как документ выдали на определенное количество минут. Он вынул из кармана фотоаппарат и, еще раз прислушавшись, стал фотографировать страницу за страницей. Лязгнула окованная дверь. В комнату вошел чиновник. Одзаки едва успел сунуть фотоаппарат в карман пиджака. Чиновник внимательно взглянул на вздувшийся карман Одзаки, спросил, не нужно ли господину эксперту чаю. Получив отрицательный ответ, удалился. Стараясь унять нервную дрожь, Одзаки прошелся несколько раз по комнате; успокоившись, снова принялся за дело. Опять, на этот раз почти бесшумно, появился чиновник. И снова уставился на оттопыренный карман эксперта. Одзаки едва приметно улыбнулся, вынул из кармана небрежно скомканный платок и вытер потный лоб. (Фотоаппарат он предусмотрительно сунул в брючный карман.) На этот раз чиновник

все-таки принес холодный чай. Как бы между прочим, еще раз напомнил, что никаких выписок из документа делать не разрешается. "О, все эти секреты мне давно известны! - небрежно воскликнул эксперт и вернул чиновнику папку. - По распоряжению принца я должен был уточнить кое-что". Совсем успокоенный чиновник стал "почтительно шипеть" и улыбаться. Ему даже сделалось как-то неловко за то, что он два раза входил без стука, словно в чем-то не доверял другу премьера. Но служба есть служба. О, он настолько доверяет господину Одзаки, что даже не будет проверять записные книжки и даст охране распоряжение пропустить его беспрепятственно! Чиновник был сама любезность и учтивость. Но что кроется за любезной улыбкой чиновника? Может быть, он все-таки заметил фотоаппарат и теперь тонко издевается? Возможно, он уже вызвал охрану?..

Пройдя через целый строй часовых, мимо комендатуры, Одзаки наконец очутился на улице. Пропетляв по городу добрый час, он очутился возле дома Зорге. Загорелась лампочка у входа. Значит, Зорге дома, подает условный сигнал: в квартире посторонних нет. Вот они вдвоем. Рихарду не терпится узнать самое главное. "Япония в ближайшее время не будет воевать с Советским Союзом! Она готовит нападение на Китай..." - говорит Одзаки и, передав фотоаппарат, уходит.

Он сообщил главное. Теперь можно идти спокойно. И даже не так уж важно, если его вдруг схватит полиция. Он выполнил долг.

...Вукелич волнуется. Он сидит в затемненной комнате при красном свете. Бранко боится испортить пленку. Передержать, недодержать... Пленка - вещественное доказательство. Сперва ее повезут в Шанхай, затем туда... Макс Клаузен уже передал сообщение. Центр требует документального подтверждения. Там дежурят круглосуточно. Сообщение, видимо, всех взволновало. Немедленно, срочно... Все руководящее ядро поставлено на ноги. Фотокадры получились добротные. Мияги сможет просмотреть их через проекционный фонарь, переведет текст с японского на английский. Анна Клаузен - курьер организации - готовится к поездке в Шанхай на встречу с курьером Центра.

Орава журналистов вваливается в дом Бранко. У них свои заботы: нужно проявить пленки курортных снимков. Со смущенной улыбкой Эдит "по секрету" сообщает, что муж печатает видовые открытки и не велел никого пускать. Если дойдет до полиции... Журналисты понимающе переглядываются и уходят.

Мияги принес новые сведения, подтверждающие совершенно секретный документ. Художник-любитель, хороший друг Мияги, полковник из военного министерства, предложил работу: военному министерству нужны специалисты по макетам; в управлении стратегического планирования в специальном помещении сооружается огромный макет, отображающий крупномасштабную карту Китая. Видно, в скором времени будут дела! Точно такой же макет соорудили до того, как захватили Манчжурию... Мияги поблагодарил. К сожалению, он портретист и ничего не смыслит в топографии и военных делах. Вот если жена начальника управления стратегического планирования пожелает заказать портрет...

Какова роль Германии во всех этих замыслах японского правительства? Очутившись в кабинете фон Дирксена, Зорге заявил, что собирается в Китай, хочет просить аудиенции у генерала Фалькенгаузена, возглавляющего немецкую военную миссию, занятую обучением армии Чан Кай-ши. Посол сделал протестующий жест. Наконец-то и он мог

продемонстрировать свою осведомленность перед всезнающим Зорге: японское верховное командование намекнуло Берлину на необходимость отозвать военную миссию из Китая в ближайшее время. Так что, возможно, генерал Фалькенгаузен уже упаковывает чемоданы...

Зорге сделал разочарованное лицо. А выйдя из кабинета посла, на мотоцикле пулей помчался в дом Клаузенов. Сомнений больше нет: Япония готовит нападение на Китай! Как все-таки отнесутся к этому в Германии?.. Намечается большой конфликт!

...Клаузены прочно обосновались в Японии. "Инженерная компания" давала заработок, появились лишние деньги. Спасаясь от летней токийской духоты, Клаузены купили дачу на берегу океана, в Тигасаки, западнее Июкогамы, - небольшой домик на сваях. Под домом Макс устроил тайник для радиостанции. Садик. До пляжа - триста метров. Рихард любил, отдыхать у Клаузенов, здесь он чувствовал человеческое тепло.

Но сейчас он прибыл в Тигасаки вовсе не для отдыха. Анна должна завтра же выехать в Шанхай! Микропленки, микропленки... все это нужно пронести под носом у полиции. Задание очень ответственное, сопряженное с большим риском. Ведь речь идет о государственной тайне первостепенной важности. Макс вздохнул. Анна молча взяла у Рихарда все материалы. Она готова отправиться хоть сегодня...

Нужно отдать должное отваге этой удивительной женщины: она всегда беспрекословно выполняла все указания Зорге, совершала свой подвиг незаметно, с хладнокровием, которому позавидовал бы мужчина. Она не любила громких слов о долге, о самоотверженности. Она помогала мужу, Рихарду и втайне гордилась, что ей доверяют ответственное дело.

Она, разумеется, сразу же сядет на пароход и уедет в Шанхай, но прежде она должна накормить обедом Макса и Рихарда. В ресторане всегда подают какую-то гниль. Так и желудок испортить недолго. Теперь бы в Красный Кут хотя бы на недельку... В Японии у нее очень шаткое положение: немецкий она до сих пор не освоила как следует, китайский позабыла, а на русском говорить здесь не принято. Даже выговориться вволю не с кем. Вот, бывало, в МТС!.. Иногда, когда Макс, занятый своими коммерческими делами, возвращался поздно, она бранилась. "Ты женился на мне ради конспирации!" - бросала она упрек. Толстяк только отдувался. Все не может забыть, как они познакомились, и корит при каждом удобном случае. Но Макс никогда в таких случаях не приходил домой без подарка, и мир быстро водворялся. Они горячо любили друг друга, и ссоры носили "воспитательный" характер. Впрочем, Макс никогда жене не перечил, боясь, что она сгоряча уедет в Красный Кут, в МТС. О, женщины!..

Анна отправилась в Шанхай якобы для того, чтобы проседать родных. Она везла драгоценные микропленки. Все шло хорошо. Но в Шанхае полиция устроила повальный обыск. Пассажиров разделили на группы. Женщин отводили в каюту и там подвергали полному досмотру. Анна не могла даже приблизиться к борту, чтобы выбросить микропленки в воду. Толпа беспрестанно подталкивала ее к контролерам. Вот она почти у трапа. Сейчас ее отведут в каюту. Она знает, какую ценность имеют микропленки. Сразу же схватят Макса, Рихарда... Себя ей не жалко. Но Макс, Макс... Большой ребенок Макс... Если бы можно было столкнуть контролера...

Впереди какое-то замешательство. Японская ругань. Ага, происходит смена контролеров. И пока велась перебранка между контролерами, Анна

проскользнула у одного из них за спиной и... очутилась на берегу. Она сразу же позвала рикшу. Ее обступили не меньше двух десятков рикш, загородили от парохода, от контролеров, от полиции...

Через час она вручила микропленки курьеру Центра.

...Окончательно убедившись в том, что война с Китаем - дело решенное, Одзаки пришел в сильное возбуждение: всеми своими помыслами он был против этой войны. Он-то знал, к чему это приведет! Военщина хладнокровно, расчетливо вела Японию к катастрофе. Неужели принц Коноэ так ничего и не уяснил из их продолжительных бесед? Одзаки бросился к своему приятелю, советнику премьера Кадзами, стал уговаривать повлиять на принца. Ведь авантюра в Китае может привести ко второй мировой войне! Кадзами рассмеялся: "Вопрос решен, и нечего беспокоиться". Одзаки направился к Усиба, личному секретарю Коноэ, попросил аудиенции у премьера. Зная, о чем будет идти речь, Коноэ отказался принять журналиста. Одзаки впал в отчаяние. Тогда, рискуя потерять расположение своих друзей и премьер-министра, он опубликовал большую статью в журнале "Тюо корон" под заглавием "Нанкинское правительство", в которой резко раскритиковал политику военных авантюр Японии в Китае. Но Коноэ даже не подумал подвергать строптивного эксперта остракизму, наоборот, пригласил его как ни в чем не бывало на очередной "завтрак".

Война в Китае началась 7 июля 1937 года инцидентом в Лугоуцзяо (населенный пункт, расположенный в двенадцати километрах к юго-западу от Пекина).

11 июля премьер Коноэ, военный министр Сугияма и министр внутренних дел Вапа устроили пресс-конференцию для сорока ведущих газет и информационных бюро, на которой присутствовали также иностранные корреспонденты Зорге, Вукелич, Гюнтер Штейн, Маргарита Гаттенберг и другие. Здесь Рихард встретил Одзаки. Коноэ потребовал, чтобы пресса поддерживала военные действия в Китае. Одзаки был мрачен. Все, что мог он сообщить Зорге, это то, что час назад состоялось секретное заседание кабинета, принявшего решение немедленно бросить в Китай дополнительные войска.

Так как Рихарда интересовало отношение Германии к этой войне, то он отправился к фон Дирксену. "Должны ли мы, немецкие журналисты, поддерживать Коноэ?" Дирксен извлек из сейфа секретную инструкцию, полученную из Берлина: германское правительство намерено придерживаться нейтралитета. Берлин обращал внимание Дирксена на то, что война может привести к подъему национально-освободительного движения в Китае, ослабит Японию и лишит Германию союзника в подготовке нападения на Советский Союз. Посол сунул Зорге под нос телеграмму, только что полученную из Берлина: "Война против Китая может потребовать от Японии больших сил и стать препятствием для ее нападения на Советский Союз". Секретарша доложила послу о прибытии представителей японского министерства иностранных дел. Пока фон Дирксен раскланивался с японцами в приемной, Зорге, заслонив телеграмму спиной, хладнокровно щелкнул фотоаппаратом. А затем, вынув сломанную зажигалку, принялся высекать огонь. Скверные зажигалки производят в Японии!.. Ему хотелось послушать, о чем японцы будут толковать с германским послом, но об этом он узнает завтра. А сейчас - на квартиру Бранно, в фотолабораторию, на радиостанцию. Он обожал оперативность. Назавтра он в самом деле узнал все: министр иностранных дел Хирота требует, чтобы Германия прекратила поставки вооружения

правительству Чан Кай-ши; японское военное министерство настаивает на отзыве германских военных советников из Нанкина. "Вы только почитайте! - воскликнул фон Дирксен и протянул Зорге ноту японского правительства Германии. - Они категорически требуют..." - "А что думает по этому поводу Нейрат?" - "Он телеграфирует: "Мы не собираемся делать подарок, не получая ничего взамен". Зорге расхохотался. "Не лишено остроумия, - сказал он. - Узнаю Нейрата". Как и ожидал Зорге, между двумя хищниками - Германией и Японией - разыгрался конфликт. Тут уж не до единства.

Пришлось Анне Клаузен снова отвозить микропленки в Шанхай. Анна, покормив Макса и Рихарда обедом, безропотно стала собираться в опасный рейс. Едва она успели обернуться, как японцы выбросили десант на Шанхай и начались ожесточенные бои.

Договор о ненападении между СССР и Китаем, заключенный 21 августа 1937 года, вызвал переполох в германском посольстве. Если раньше фон Дирксен считал, что дипломат не должен ввязываться в политику, то теперь, чувствуя двусмысленность своего положения в Токио, составил обширный доклад в Берлин, в котором доказывал, что развитие событий требует большой решительности. Следует рассмотреть вопрос об отзыве военных советников и оказать давление на Нанкин в смысле скорейшего заключения мира на условиях, выгодных для Токио.

Весь мир с напряженным вниманием следил за развитием событий в Китае. Всем становилось ясно, что расчеты японских империалистов быстро сломить сопротивление Китая и заставить китайское правительство капитулировать провалились в самом начале.

От Бранко Вукелича Зорге узнавал, какую позицию занимают Англия, Америка, Италия и Франция в отношении японской агрессии.

За всех определенно высказался министр иностранных дел Франции Дельбос: "Японская атака в конечном итоге направлена не против Китая, а против СССР. Японцы желают захватить железную дорогу от Тяньцзиня до Бэйпина и Калгана, для того чтобы подготовить атаку против Транссибирской железной дороги в районе озера Байкал и против Внутренней и Внешней Монголии". Империалисты западных держав толкали Японию на войну с Советским Союзом и соглашались быть посредниками в японо-китайских переговорах. Но к посредничеству стремилась и фашистская Германия.

Военному атташе Эйгену Отту показалось, что настал самый благоприятный момент "взлететь высоко". На свой страх и риск он также решил заняться большой политикой. Он считал, что посредником может быть лишь Германия, и никто иной. По мысли Отта, в случае заключения мира японская армия, уже отмобилизованная и сосредоточенная в Китае, сможет молниеносно начать наступление против Советского Союза. Отт словно обезумел, он вышел из-под контроля Зорге, и последнему оставалось лишь наблюдать за ним и обо всем сообщать в Центр. Отт собрал высокопоставленных чиновников из японского генштаба, обещал им всемерную помощь со стороны германских советников в Нанкине. Отт действовал через голову Дирксена. В своих депешах Нейрату доказывал, что пора кончать с нейтралитетом. Он действовал более энергично, нежели посол, и был замечен Гитлером. Почему бы Японии и Германии не договориться о совместной экономической эксплуатации Китая?

Упоенный дипломатическими успехами, Отт по строжайшему секрету сообщил Зорге, что Гитлер наконец принял решение прекратить поставки оружия Китаю, отозвать советников и поддержать японскую агрессию.

Как любил говорить Зорге, он никогда не собирался ограничивать свою миссию функциями "почтового ящика", заниматься простой передачей информации. "Было бы ошибкой думать, что я посылал в Москву всю собранную мною информацию. Нет, я просеивал ее через свое густое сито и отправлял, лишь будучи убежденным, что информация безупречна и достоверна. Это требовало больших усилий. Так же я поступал и при анализе политической и военной обстановки. При этом я всегда отдавал себе отчет в опасности какой бы то ни было самоуверенности. Никогда я не считал, что могу ответить на любой вопрос, касающийся Японии".

Вот и теперь он сильно задумался. Когда на границах Манчжурии и Советского Союза возникло несколько конфликтов, он не придавал им особого значения. Но инцидент у Лугоуцяо он сразу же расценил как прелюдию к большой войне. Его прогноз оправдался. Теперь требовалось оценить заявление Гитлера.

Нацистское правительство оттеснило и Англию, и Францию, и Америку, взяло на себя роль посредника в японо-китайских переговорах. К чему это приведет? Словно в ответ на советско-китайский договор о ненападении, фашистская Италия присоединилась к "антикоминтерновскому пакту". И все-таки декларации остаются декларациями. Рихард лучше многих иных политических деятелей понимал глубину противоречий между Германией и Японией, ибо он мыслил диалектически, как ученый.

Генерал Араки открыто призывает к войне с Советским Союзом, заявляет, что "это единственный путь для Японии", в Токио свирепствует антисоветская истерия. Американский посол в Токио сообщил в Вашингтон о том, что "существует убеждение, что, поскольку война с Советской Россией неизбежна, она может начаться скоро".

Понукаемый советским разведчиком, Эйген Отт направился в японский генштаб и спросил у генерала Хоммы, что намерена делать Япония после окончания войны в Китае. Хомма ответил, что Квантунская армия готова хоть сегодня напасть на Советский Союз. Хомма пожаловался на то, что германское посредничество пока не дало результатов, а японцам хочется побыстрее заключить мир и двинуться на СССР. В Манчжурии сейчас сосредоточена главная ударная сила.

Но Зорге отлично знал: к большой войне с Советским Союзом Япония не готова, не хватит сил. И японские генералы это знают.

Все взвесив, Зорге отправил в Центр радиограмму такого содержания: "Японцы стремятся создать у других держав впечатление, что будто бы они собираются вступить в войну с Советским Союзом. Япония не собирается начинать большую войну с Советским Союзом в ближайшее время". Таков был итог долгих раздумий, сопоставления фактов, проникновения в законы международных отношений, которые носят объективный характер, и отдельные личности, какими бы побуждениями они ни руководствовались, не в силах изменить их. Зорге видел, что Япония экономически не готова к войне с такой мощной державой, как СССР. Окрепнуть за счет Китая ей не удалось, она сама увязла в Китае, не смогла договориться с нанкинским правительством. Разумеется, все это не исключает и впредь инциденты на маньчжуро-советской границе.

Как развивались события в дальнейшем?

Германское посредничество потерпело полный провал, японской военщине не удалось развязать руки в Китае. Как доносил в Берлин фон Дирксен, расчеты Германии использовать трудное положение Японии и отобрать у нее бывшие германские колонии также оказались нереальными.

Япония приняла решение вести войну до окончательного завоевания Китая, о чем и поставила в известность германское правительство. Западные державы заняли позицию попустительства японской агрессии, они проводили политику поощрения зарвавшегося империалистического хищника, всячески натравливали его на Советский Союз; особенно четко выявились эти тенденции западных держав на Брюссельской конференции.

Война в Китае велась уже полгода. И хотя японским войскам удалось захватить большую территорию, об окончательной победе в ближайшие годы нечего было и думать.

Принц Коноэ понял, что просчитался. В срочном порядке Коноэ создал при правительстве институт советников, пригласив сюда представителей финансового капитала, политических партий и высшего командования. Премьер-министр назначил Одзаки неофициальным советником при кабинете, порекомендовав эксперту уйти из "Асахи", где он еще числился на должности, совмещающая ее с должностью в научном обществе Сева.

Так Одзаки поднялся еще на одну ступень и теперь уже мог не только получать секретную информацию государственной важности, но и оказывать прямое влияние на политику правительства.

ЭЙГЕН ОТТ СТАНОВИТСЯ ХОЗЯИНОМ ПОЛОЖЕНИЯ

Когда Бранко спрашивал у Зорге, как тот успевает писать статьи для многочисленных немецких газет и журналов, Рихард, смеясь, отвечал: "Я их стряпаю по рецепту Лессинга: половиной головы". Вся токийская ассоциация брала на вооружение афоризмы Зорге, проникали они и в немецкую колонию, в посольство. Слава его росла. В самой Германии он считался не только модным, но и самым солидным журналистом. Теперь какой-нибудь посланник, приезжая из Берлина, стремился засвидетельствовать свое почтение "тонкому знатоку Востока". Считалось само собой разумеющимся, что всякий вновь прибывший обязан проконсультироваться по всем вопросам внутренней политики страны у корреспондента. Во всяком случае, так рекомендовали Дирксен и Отт. Советский разведчик обрастал знакомствами, иногда бесполезными, но чаще полезными. В числе его друзей теперь числились кроме посла и военного атташе начальник экономического отдела немецкого генштаба генерал-майор Томас, уже известные нам посланники Шмиден и Хаак, специальные посланники Херферх, Улах, полковник вермахта Нидамейер, советник германского посольства в Токио Нобель, заместитель Отта майор Шолл и многие другие. Военно-морской атташе Венеккер завидовал успехам Отта и, зная, откуда военный атташе черпает свою "эрудицию", недолголюбил Зорге. Но правилом разведчика было не наживать врагов, а потому он старался приручить и Венеккера и даже занялся военно-морским делом, чтобы быть более квалифицированным советчиком. Военному разведчику Зорге всегда приходилось уделять много внимания конкретным военным вопросам, касающимся структуры и вооружения капиталистических армий, а сейчас ему надлежало быть специалистом высокого класса в этой области - он консультировал военных атташе.

Поскольку Макс Клаузен мог вести передачу лишь из трех квартир и со своей дачи в Тигасаки, Зорге решил подыскать еще одну конспиративную квартиру. Держать в поступках было свойством его

характера. Всегда он действовал дерзко, смело, умел подчинять людей своему авторитету. Он чувствовал себя хозяином положения даже в окружении сотен врагов.

Он завел тесную дружбу с английским журналистом Гюнтером Штейном, корреспондентом журнала "Бритиш файнаншил ньюс", и его подружкой швейцарской корреспонденткой Маргарет Гаттенберг. Эти двое часто высказывали свободные взгляды, Штейн резко критиковал приспособленческую политику Англии, не раз восхищался Советским Союзом, где "чистый воздух и нет капиталистической дряни". Он словно старался переманить Рихарда в "свою веру", признался, что изучает русский язык. Все это могло быть провокационной болтовней. Штейна следовало проверить, испытать в трудном деле. Заручившись согласием Центра, Рихард приступил к эксперименту. Удалось выяснить, что Штейн бежал из фашистской Германии и принял английское подданство. Он люто ненавидел наци и вначале, по-видимому, просто решил изводить своими антифашистскими выпадами Зорге, которого считал стопроцентным "коричневым". Но все обернулось не так, как предполагал Штейн. Зорге заявил, что он тоже убежденный антифашист, хотя по условиям работы и вынужден молчать об этом. Для начала Штейн должен был отправиться в Гонконг в качестве курьера. Журналист с радостью согласился и блестяще выполнил поручение. Тогда Макс перетащил радиостанцию в уединенный дом Гюнтера и стал вести оттуда передачу. Вскоре Гюнтер при очередной поездке в Гонконг вступил там в брак с Маргарет Гаттенберг. По возвращении их в Японию шумно отпраздновали свадьбу. Какую роль играла Маргарет в организации? "Так как она была другом Штейна, мы помогали ей, а она, в свою очередь, содействовала нашей работе", - вспоминал Зорге. О существовании организации Маргарет не знала. Просто она добывала информацию для своего друга Гюнтера, а Гюнтер передавал эту информацию Зорге.

Штейна и Маргарет можно считать эпизодическими фигурами в том большом деле, которое вел советский разведчик. Они сотрудничали с Зорге всего лишь два года. Штейн считался специалистом по финансовым и экономическим вопросам, хорошо знал экономику Германии и приносил пользу организации. Но когда Гюнтера в 1938 году перевели по службе в Китай, Зорге решил не поддерживать с ним связи, так как установил, что английский журналист - человек не храброго десятка. Макс Клаузен свидетельствует: "По возвращении в Токио я пришел к Рихарду, у которого встретил Гюнтера Штейна и его жену Марго. Оба были журналисты. Марго представляла одну швейцарскую газету. Гюнтер Штейн был интеллигентным, спокойным и приветливым человеком, но мне казалось, что он был трусливым, ибо не очень охотно относился к предложению Рихарда о том, чтобы я иногда вел передачи также у него на квартире. У него были разные сомнения. Но тем не менее я несколько раз работал у него на квартире, что было очень важно в целях прикрытия, поскольку я переходил на новое место".

Объектом пристального внимания организации Зорге теперь стали "группа завтрака" премьер-министра Коноэ, токийская ассоциация корреспондентов и французское агентство Гавас, членом которого сделался Бранко Вукелич, английское агентство Рейтер, которое в лице своего представителя Джемса М. Кокса выбалтывало все секреты Вукеличу, английское, американское, французское посольства и датская миссия и, наконец, германское посольство. Каждая из этих организаций вносила,

сама того не подозревая, щедрую лепту в информационную копилку Зорге. Он получил доступ ко всем международным и государственным тайнам, поднялся туда, куда до него не поднимался никто. Он стал исключительно осведомленным человеком во всей мировой политике и незримо лелеял свое царство; все это сложное хозяйство требовало бдительной заботы, беспрестанного участия в общем процессе.

Но больше всего времени у Зорге отнимало германское посольство, где он утвердился основательно. Ему даже отвели здесь кабинет, где он мог работать и принимать посетителей. Ведь он уже стал неофициальным советником посла и военного атташе.

Эйген Отт слепо доверял Рихарду, Рихард сознательно помогал Отту делать карьеру, разжигал в нем алчность, стремился посадить его на место посла фон Дирксена. Когда Отт станет хозяином положения... хозяином положения станет советский разведчик Рихард Зорге! Он приберет к рукам нацистское посольство, заставит всех работать на себя... Тут была старая игра в "коня и всадника", причем Отт, конечно же, воображал себя ловким "всадником", а Зорге думал несколько по-иному.

Приходится лишь удивляться дерзости и бесстрашию Зорге: он задумал привлечь на свою сторону морского атташе Венеккера. Венеккер строил из себя антифашиста, пытался "воспитать" в этом духе и Рихарда. Морской атташе благодаря усилиям Зорге постепенно проникся к нему доверием и всякий раз отводил с ним душу, ругая наци грязными скотами и мародерами. Однажды он заявил: "Остерегайся Лилли Абек. Это фашистская гадина. Ей поручено шпионить за тобой. Я честный человек и всегда готов послужить тебе". "А я готов всегда помочь тебе", - отозвался Зорге.

Вскоре Зорге убедился, что предупреждение Венеккера не лишено основания. Лилли Абек - корреспондентка "Франкфуртер цейтунг", аккредитованная в Китае, перебравшись в Токио и здесь буквально по пятам ходила за Рихардом. Уж не пронюхали ли там, в Берлине, о чем-нибудь? Ведь и Зорге, и Абек являлись корреспондентами одной газеты. Лилли была фанатичной нацисткой. (Ей суждено было закончить путь на скамье подсудимых военных преступников.) Исступленная, завистливая, она пыталась очернить Зорге в глазах посла, строчила клеветы в Берлин. Но так как в ее доносах сквозила неприкрытая зависть к талантливому журналисту, их никто не принимал к сведению. Посол грудью встал на защиту своего любимца, и общими усилиями атаки Лилли Абек были отбиты.

Этот случай помог Зорге укрепить дружбу с Венеккером.

"А почему бы тебе не поработать на "Франкфуртер цейтунг"? - предложил Зорге морскому атташе. - Мне - слава, тебе - деньги". "Я и так должен тебе приличную сумму, - отвечал Венеккер смеясь. - Не терплю деловых отношений, не хочу запутываться вместе с корреспондентом этой газеты. А что касается интересных сведений, ты всегда можешь рассчитывать на меня".

Зорге понял и не настаивал. Венеккер в самом деле щедро снабжал его сведениями о германском флоте. На антифашистские темы они больше не заговаривали. Рихард неоднократно убеждался в искренней дружбе этого человека, но до конца не доверял ему никогда. У Венеккера была слабость: он, как и Отт, мечтал о блестящей карьере, люто ненавидел Отта, надеялся со временем заменить Дирксена, и Рихарду приходилось

лавировать, быть "другом всем". А это нелегкое дело. Все, что мог сделать Зорге для морского атташе, - это снабжать его информацией и составлять за него отчеты.

В январе 1938 года военный атташе получил секретное задание от германского генштаба: срочно выяснить, намерена ли Япония немедленно после окончания войны в Китае начать войну против Советского Союза? Генерал Хомма из японского генштаба дал уклончивый ответ. Он, Хомма, понимает, что всякая оттяжка времени идет на пользу СССР, но немцы должны войти в положение Японии: оккупационная армия измотана в Китае, она сильно поредела, требуются деньги, деньги. Короче говоря, подготовка к большой войне потребует не менее двух лет. В докладе, написанном не без участия Зорге, Отт уведомлял германский генштаб о том, что японцы всячески пытаются оттянуть большую войну. Военный атташе разражался бранью в адрес японцев, называя их лицемерными азиатами, которым нет никакого дела до германского государства и до обязательств, закрепленных в "антикоминтерновском пакте". Отт намекал, что фон Дирксен ведет вялую политику, не оказывает давления на японское правительство. Этот доклад, изобилующий сильными выражениями, напоминал не дипломатический документ, а политический донос на посла. "Если после этой бумаги тебя не назначат послом, я уезжаю в Германию!" - сказал Зорге Отту.

Герберт фон Дирксен пока не догадывался, что его песенка уже спета. Вместо Нейрата министром иностранных дел стал бывший посол в Англии Риббентроп. В свое время Дирксен имел неосторожность повсюду в дипломатических кругах издеваться над Риббентропом, называть его грязным коммивояжером. Риббентроп обладал хорошей памятью. Став министром иностранных дел, он вспомнит Дирксена. Доклад Отта подоспел вовремя - Риббентроп показал доклад Гитлеру. Участь Дирксена была решена: пусть едет в Англию на место Риббентропа! В таком назначении крылся юмор висельников: Гитлер, задумав развязать войну с Англией, хладнокровно толкал неугодного дипломата в самое пекло. Ну, а в Токио пусть представляет Германию энергичный, способный, не брезгующий ничем солдат Эйген Отт, ярый сторонник войны с Советским Союзом. Кто он по званию? Присвоить генерал-майора!

Гитлер предпринимал все возможное для того, чтобы Япония поскорее развязалась с Китаем и начала войну против Советского Союза. Тут, по его мнению, большая роль принадлежала дипломатам. Дирксен в одном из своих докладов, очень пессимистичном по тону, вскрывал истинные неудачи германской политики в Японии и Китае. "Япония ни при каких условиях, даже рискуя потерять дружбу Германии, не уйдет с тихоокеанских островов", - писал Дирксен. Такая категоричность не понравилась Гитлеру. Посол явно заражен скепсисом.

Отт пока не стал послом, а Зорге не был его официальным советником, но военный атташе уже настолько привык видеть рядом Рихарда, что больше не мыслил ни одного дела без его участия. Теперь он разговаривал так: "Получен приказ из Берлина: завтра мы с тобой выезжаем в Гонконг на совещание с главным советником Фалькенгаузенем! Прихватим этого дурака Шолла..." Рихард укладывал чемодан, набивал карманы микропленками и на самолете под приветствия японских генералов и полицейских отправлялся в Гонконг. "Значит, мы будем совещаться с генералом Фалькенгаузенем? Мы скажем ему следующее... А если он станет упираться, мы приведем цитатку из приказа генштаба..." На долю майора

Шолла выпадало таскать чемоданы своего начальника и его советника-корреспондента. Это все-таки легче, нежели вести переговоры.

Сначала отозвали в Германию фон Дирксена. Все гадали: кого пришлют взамен? Перебирали кандидатуры. Отт в списке не фигурировал. Да и кто бы мог подумать, что этот Эйген... Военно-морской атташе Венеккер изображал на своем лице таинственность: он давно метил на место посла и не сомневался...

И вдруг в марте 1938 года, подобно взрыву бомбы, телеграмма из Берлина: послом в Токио назначается генерал-майор Эйген Отт!.. Генерал-майор... Венеккер не верил собственным ушам. Он сразу же помчался в немецкий клуб и напился. "Как видишь, тебе незачем уезжать в Германию, - самодовольно сказал Отт советскому разведчику. - Какие у нас там планы на завтра?.." Зорге усмехнулся. "Мы стали послом", - сказал он Максу Клаузену. "А я сделался капиталистом!" - отвечал Макс. Вот как сам Клаузен рассказывает об этом: "Один коммивояжер имел мастерскую по копированию с помощью светящихся красок. Он опрыскивал краской пластинки из стекла, а затем копировал книги. Это получалось у него хорошо. Я пригласил его к себе домой, и он показал мне, как это делается... Коммивояжер уехал потом, и я купил у него мастерскую, забрав свой вклад у Ферстера. Это было в 1938 году. Я нашел одного японца, который очень заинтересовался этим делом. Он демонстрировал мои пластинки перед профессорами в университетах, показывал, как копировать старые книги, и т. д. Мы очень хорошо зарабатывали на этом деле. Спрос на пластинки все возрастал. Мне пришлось увеличить штат сотрудников, и уже в 1939 году мы снимали три комнаты. Эти пластинки мы продавали предприятиям и даже воинским частям. Число сотрудников увеличилось до 14 человек.

Какую пользу имело копировальное дело для разведывательной работы? То, что утверждается в этой связи, неверно. Было бы очень хорошо, если бы мы могли получать интересные материалы, но японцы не так глупы, чтобы давать их нам. Благодаря этому занятию я имел лишь хорошее прикрытие для своей работы, поскольку внешне это было процветающее предприятие, дававшее мне возможность больше общаться с японцами, чем с немецким клубом..."

Зорге окончательно перебрался в посольство. Он имел возможность часами работать над совершенно секретными документами, закрывшись в своем кабинете. Тут же, в сейфе, хранились микроплёнки, приготовленные для Центра, деньги, информация всех видов, поступающая от членов организации. Сейф имел сложный шифр, а ключ Рихард всегда носил в потайном карманчике.

Эйген Отт рьяно принялся за исполнение возложенной на него миссии: натравливать Японию на Советский Союз. Он начал переговоры с министром иностранных дел Хиротой и представителями японского генерального штаба, снова в сопровождении Зорге вылетал в Гонконг для беседы с германским послом в Китае Траутманом. Вся эта возня начинала не нравиться советскому разведчику.

Он понимал, что Япония находится в состоянии политического и финансового кризиса. Не так давно полиция расстреляла в Кобе антивоенную демонстрацию. Усилилось брожение в армии, дисциплина японских войск в Китае катастрофически падала. В кабинете Коноэ начались раздоры: одна группа, во главе с военным министром Сугиямой, предлагала ограничить военные действия в Китае, с тем чтобы в будущем,

когда Япония оправится от потрясений, напасть на Советский Союз; премьер Коноэ и его сторонники настаивали на продолжении войны в Китае. Победил Коноэ. Дело дошло до реорганизации кабинета. Война против СССР как будто бы снова отодвигалась на неопределенный срок.

Но Зорге ни на минуту не забывал следить за развитием германо-японских отношений. Что-то там, в Берлине, опять затевается: Риббентроп якобы ведет переговоры с японским послом Того. Оказывается, речь идет об экономическом сотрудничестве обеих стран в Китае; Япония будто бы готова предоставить германским монополистам особые права и привилегии в торговле с оккупированным Китаем. И вдруг сообщение Одзаки: японский генеральный штаб поручил военному атташе Осиме вести переговоры о заключении военного пакта о взаимопомощи в войне против Советского Союза! Есть документы. Встреча на Гинзадори у аптеки. Несмотря на позднее время, Рихард вскочил на мотоцикл и помчался. Одзаки уже ждал. Забрав документы, Зорге повернул обратно. Он торопился. Было часа два ночи. До утра нужно успеть все сделать, вернее, до рассвета. Он все увеличивал и увеличивал скорость. Поворот... Тут начиналась высокая стена. Чтобы автомашины не задевали стену, кто-то додумался установить вдоль шоссе ограждающие массивные камни. Что произошло потом, Зорге помнил плохо. На полной скорости мотоцикл врезался в камень. Рихард перелетел через машину и ударился лицом о следующий камень. Должно быть, на какое-то время Зорге потерял сознание. Пришел в себя, когда почувствовал, что его куда-то несут. Сразу вспомнил о секретных материалах в кармане. Если все это попадет в руки полиции... Конечно же, сначала постараются установить личность пострадавшего, затем составят протокол... Обшарят карманы... "В больницу святого Луки! К доктору Штедфельду! Я - Зорге!.." - закричал он. Теперь он старался не впадать в забытие, хоть это и было трудно: в голове гудело, к горлу подступала тошнота. Он не знал, что нижняя челюсть разбита, череп проломлен; он вообще никак не мог сообразить, что же произошло; понимал только одно: его куда-то несут, а в кармане - секретные документы. Секретные документы, секретные документы... Все может погибнуть! Все, все... Пять лет кропотливейшего труда, жизнь преданных людей, будущее организации... Больше всего он страшился за Одзаки. Нити расследования сразу же потянутся к нему.

Из-под полуопущенных век Рихард видел спины японцев. Вот его уложили в машину. "К Штедфельду!" - крикнул он еще раз. Один из японцев сделал успокаивающий жест. Потом все колыхалось вокруг. Невероятным усилием воли Зорге стряхивал тяжелый бред, напрягал мышцы лба, чтобы не стонать от пронизывающей боли. "Штедфельд - мой доктор!" Ему казалось, что он выкрикнул эти слова. А на самом деле он лишь пошевелил губами. Но японцы попались сообразительные: если такое случается с иностранцем, то уж лучше не впутываться в историю, а отправить его в больницу для иностранцев.

...Зорге видел склоненное, участливое лицо. Доктор пытался понять, что хочет сказать Зорге. Наконец догадался: срочно вызвать Макса Клаузена! О, телефон известен! И вот Макс в больнице. "Я нашел его там с окровавленным лицом. Увидев меня, он сказал только, чтобы я освободил его карманы, в которых находились деньги и разные секретные материалы". И только тогда, когда Макс выполнил просьбу своего друга, Зорге потерял сознание. Он был очень плох.

Макс сразу же поехал на квартиру Рихарда, забрал фотоаппарат, где

могли оказаться непроявленные пленки, проверил ящики стола. Освещая дорогу карманным фонариком, переходил из комнаты в комнату, тщательно просматривал каждую бумажку. Уже рассвело. Едва он успел закрыть квартиру и нырнуть в переулок, как возле дома появились сотрудники информационного агентства во главе с Вайзе. Дом опечатали. Никто не имел права появляться здесь. Но теперь не было особых причин для беспокойств: компрометирующие документы лежали у Макса в кармане.

В то же утро 13 мая 1938 года весь Токио узнал из газет о "загадочной мотоциклетной катастрофе". "Покушение на известного немецкого журналиста, нацистского деятеля Рихарда Зорге - сторонника союза Германии и Японии". Интервью у посла Отта. Уж не кроется ли за всем этим злой умысел, преднамеренное покушение на "любимца нацистской прессы"? Отт отрицает. Газетная сенсационная болтовня. Портреты Зорге. Японские корреспонденты толкуются в приемной больницы. Но потерпевший очень слаб, к нему никого не пускают. За исключением... посла Отта и фрау Отт.

Фрау глотает слезы. Посол в растерянности. Его вызывают в Берлин на Вильгельмштрассе, к новому министру иностранных дел Риббентропу. Ответственную поездку посол не мыслил без Рихарда. Как некстати!.. Зорге сразу же оживает. Его голова забинтована. Только щелки глаз. Разговаривать нельзя. Но еще движется рука. Лист бумаги, самопишущая ручка. Несколько вопросов. Зачем Отта вызывают в Берлин? О, речь по-прежнему идет об экономическом сотрудничестве обеих стран. Отт должен подтвердить выгоду подобного сотрудничества. Рихард согласно кивает головой. Да, да, пусть сотрудничают. Он-то знает, что злостные конкуренты все равно ни до чего не договорятся. Рассорятся из-за добычи. Если речь пойдет о заключении военного пакта, Эйген не должен высказываться категорично. Сейчас подобный пакт выгоден в основном лишь Японии. Вот когда Япония на деле подтвердит готовность к экономическому сотрудничеству в Китае... на равных правах... Да, да, с военным союзом следует подождать...

Отт уходит удовлетворенный. Теперь он знает, о чем нужно говорить на Вильгельмштрассе.

Заявляется Клаузен. Рихард, подавляя в себе расслабленность, пишет, пишет. Текст радиogramм для Центра. Передать сегодня же. "Время от времени, когда я приходил к нему, он давал мне для передачи написанную от руки информацию, которую он собирал в больнице от этих людей... Я приносил ему в больницу радиogramмы, которые получил".

Даже в больничной палате, разбитый, но не сломленный, Зорге оставался разведчиком. В такое тревожное время он не имел права терять ни минуты. Ночью начинался бред. Томительные больничные дни...

...Отт уехал в Берлин. Как-то встретит этого болвана Риббентроп? Впрочем, Риббентроп сам не далеко ушел от Эйгена. Риббентроп - откровенный, прямолинейный враг Англии, сторонник немедленной войны с Англией и Советским Союзом. Германия два месяца назад оккупировала Австрию, теперь нацелилась на Чехословакию. Надвигается большая война... Япония, несмотря на свои мощные военные силы и развитую экономику, не способна выдержать длительных боев: "пороха не хватит", не хватит денег, людей. Ограниченные экономические ресурсы...

Вернулся Отт. Так и есть. Хищники не могли договориться. В Берлин поступил доклад от дипломатических представителей, находящихся в Китае. В секретном докладе сказано: японские власти стремятся "изгнать

все иностранные государства из Китая, в том числе и Германию. Японские монополии установили контроль над всеми отраслями промышленности и не пускают сюда немцев. Политика Японии направлена на искоренение всего иностранного капитала в Китае".

Риббентроп разругался с японским послом Того. Переговоры о заключении военного союза прерваны.

Зорге облегченно вздохнул. Отт вел себя на Вильгельмштрассе молодцом. Он привез целую кучу ценных сведений. Оказывается, теперь мы можем даже влиять в некоторых вопросах на политику германского государства...

Через Клаузена Бранко передает записку: Мияги получил от своего друга достоверные сведения... (Зорге догадывается: этот друг - Одзаки.) Очень важные сведения: японцы, стараясь поднять свой пошатнувшийся престиж среди западных держав, готовят военную провокацию в районе озера Хасан, вынашивают планы захватить часть советской территории в Приморье, окружить Владивосток.

Тут уж Зорге не мог больше оставаться в больнице. Опираясь на трость, доплелся до машины и приказал везти себя в посольство.

Военные действия у Хасана начались 29 июля 1938 года, но еще задолго до этого советское командование, предупрежденное Рихардом Зорге о готовящейся провокации, начало переброску в район озера Хасан частей 1-й Отдельной Краснознаменной армии.

Западная пресса открыто толкала Японию на большую войну. "Япония может воспользоваться этим случаем для ограничения ее действий в Центральном Китае... Настоящий японо-русский инцидент может автоматически вылиться в необъявленную войну", - подсказывала "Нью-Йорк таймс". Риббентроп забыл ссору с послом Того и стал ратовать за германо-японский военный союз.

Однако к 11 августа наступило отрезвление: японские войска были наголову разбиты, выброшены с территории Советского Приморья. Даже в штабе Квантунской армии поняли: страна Ямато к большой войне не готова.

Не лучше шли дела и в Китае. Коноэ надеялся поставить Китай на колени, захватив Ханькоу. Но установить "новый порядок" в Восточной Азии не удалось. Китайцы отказались от капитуляции и продолжали борьбу.

Все выходило так, как и предвидел советник Одзаки. Почему бы этого мудрого человека не сделать официальным советником?

Осуществить намерение принцу не удалось: потерпев поражение на всех фронтах международной политики, кабинет Коноэ вынужден был уйти в отставку.

Так обстояли дела на Дальнем Востоке.

А в Европе назревали события, смысл которых хорошо понимал Зорге. 30 сентября Гитлер выполз из "коричневого дома" в Мюнхене - в этот день правящие круги Англии и Франции выдали фашистской Германии Чехословакию. Мюнхенский сговор расчистил нацистам путь ко второй мировой войне. И хотя срок пребывания Зорге в Японии согласно договоренности с Урицким кончился, Рихард 7 октября написал в Центр: "Пока что не беспокойтесь о нас здесь. Хотя нам здешние края крайне надоели, хотя мы устали и измождены, мы все же остаемся все теми же упорными и решительными парнями, как и раньше, полными твердой решимости выполнить те задачи, которые на нас возложены великим

делом".

Он отдавал себе ясный отчет в том, что его место сейчас в Токио - и нигде больше. Ибо не было, не существовало в природе человека, который смог бы заменить его в настоящее время здесь, на самом оживленном перекрестке международной политики; он проник в сокровенный уголок фашистского логова - в германское посольство, даже мог направлять действия посла по нужному руслу, оказывать влияние на германо-японские отношения, узнавать о замыслах Гитлера и его приспешников. Нет, никто не мог заменить Зорге. Все личное должно отойти на второй план...

А что сказать Кате, как объяснить?..

"Дорогая Катя!

Когда я писал тебе последнее письмо в начале этого года, то я был настолько уверен, что мы вместе летом проведем отпуск, что даже начал строить планы, где нам лучше провести его.

Однако я до сих пор здесь. Я так часто подводил тебя моими сроками, что не удивлюсь, если ты отказалась от вечного ожидания и сделала отсюда соответствующие выводы. Мне не остается ничего более, как только молча надеяться, что ты меня еще не совсем забыла и что все-таки есть перспектива осуществить нашу пятилетней давности мечту: наконец получить возможность вместе жить дома. Эту надежду я еще не теряю. Ее неосуществимость является полностью моей виной или, вернее, виной обстоятельств, среди которых мы живем и которые ставят перед нами определенные задачи.

Между тем миновали короткая весна и жаркое изнуряющее лето, которые очень тяжело переносятся, особенно при постоянно напряженной работе. И совершенно очевидно, при такой неудаче, которая у меня была.

Со мной произошел несчастный случай, несколько месяцев после которого я лежал в больнице. Однако теперь уже все в порядке, и я снова работаю по-прежнему.

Правда, красивее я не стал. Прибавилось несколько шрамов, и значительно уменьшилось количество зубов. На смену придут вставные. Все это результат падения с мотоцикла. Так что когда я вернусь домой, то большой красоты ты не увидишь. Я сейчас скорее похожу на ободранного рыцаря-разбойника. Кроме пяти ран от времен войны я имею кучу поломанных костей и шрамов.

Бедная Катя, подумай обо всем этом получше. Хорошо, что я вновь могу над этим шутить, несколько месяцев тому назад я не мог и этого.

Ты ни разу не писала, получила ли мои подарки. Вообще уже скоро год, как я от тебя ничего не слышал.

Что ты делаешь? Где теперь работаешь?

Возможно, ты теперь уже крупный директор, который наймет меня к себе на фабрику, в крайнем случае мальчиком-рассыльным? Ну ладно, уж там посмотрим.

Будь здорова, дорогая Катя, самые наилучшие сердечные пожелания".

<h2>ПУЛЬС МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ</h2>

Внешне Зорге продолжал вести прежнюю беспокойную жизнь корреспондента многих газет и журналов. Все те же пресс-конференции, официальные приемы, обеды. Иногда он делает доклады для сотрудников посольства. Ганс Отто Мейснер, присутствовавший на одном из подобных

докладов, отзывается о нем так: "Это была изумительная лекция, прочитанная с предельной простотой. Он кончил, насколько я помню, словами: "Американцы сделали ошибку, о которой они когда-нибудь пожалеют...". Многие из нас мило улыбнулись в ответ на это и разошлись заниматься своими делами. Сегодня эти слова воспринимаются как свидетельство изумительной прозорливости Зорге в вопросах международных отношений". Но с некоторых пор в Рихарде произошел какой-то перелом. Он уже не казался таким оживленным, веселым, как прежде. Все чаще хмурился, почти не острил, иногда бывал резковат даже с Эйгеном и Вайзе, старался уединиться.

От "Франкфуртер цейтунг" и журнала "Геополитик" поступило предложение написать книгу о Японии. Может быть, Рихард обдумывал книгу, потому и закрывался часто в своем доме? Здесь у него на стеллажах накопилось до тысячи томов книг, большая часть которых была посвящена Японии. Иногда он сидел на веранде, завернувшись в кимоно, обвязав голову полотенцем, и неторопливо потягивал из чашки зеленый чай без сахара.

Нет, он не думал о книге, хотя мысль написать такую книгу пришла давно. Это, разумеется, была бы оригинальная книга, отличная от всех уже написанных. Чему посвящены те труды на стеллажах? Нравам и обычаям. Замужние японки красят зубы черным лаком. Здесь иголку надевают на нитку, а не так, как у нас в Европе... Здесь утираются мокрым полотенцем... Гейши - это не то, что мы с вами думаем, а всего лишь артистки, честно зарабатывающие свой хлеб музыкой и танцами... Дальше идет описание храмов, лакированных шкатулок, вееров, кагамидаев, сэймонов, акамонов... Иногда попадаются работы, посвященные экономике, истории. Но еще нет такой книги, где содержались бы раздумья об исторических судьбах Японии. Еще никто не показал на конкретных примерах историю японской экспансии, начиная с древнейших времен. Это будет обширный труд, он поможет людям разобраться кое в чем; хотя бы в том, откуда берутся войны и к чему они приводят в конечном итоге, если носят агрессивный характер.

Каждый человек, кто бы он ни был, является не только свидетелем, но и участником исторических событий. Степень участия различна. Одни держат руку на пульсе мировых событий, другие о многом не догадываются, и их участие в том или ином историческом событии не всегда бывает глубоко осмысленно.

Например, каков характер процесса, происходящего за последние годы в Японии, во всем мире?

За пять лет пребывания Зорге в Японии здесь сменилось пять правительственных кабинетов: Сайто и Окада, Хирота, Хаяси, Коноэ... Теперь вот к власти пришел барон Хиранума. Но изменилась ли магистральная линия японской внешней и внутренней политики? Частые смены кабинетов обусловлены теми противоречиями, которые беспрестанно действуют в правительственных кругах. В этих кругах нет сторонников мира и мирного развития страны. Здесь собралась экспансионисты. Магистральная линия - экспансия, война. Но каждая группировка понимает экспансию по-своему. Одни считают: вначале малыми силами следует захватить Китай, а, укрепив за счет побежденного свою экономику, развязать большую войну против Советского Союза. Наиболее оголтелые требуют немедленного нападения на СССР, заручившись поддержкой Германии.

Новый кабинет предполагает вести подготовку войны сразу на два фронта - против СССР и Китая.

Зорге много размышлял о природе японского империализма, изучал книги по этому вопросу, пытался нащупать движущие пружины японской экспансии. Буржуазные историографы пытались представить дело так, будто во всех военных происках Японии повинны руководители армии, ничтожная группа агрессивных милитаристов. Но Зорге вскоре понял, что природа империализма повсюду одна и та же - будь то в Японии, Германии или же в США: подлинными вдохновителями и организаторами войн всегда являются монополии, а объект номер один, против которого они стремятся направить агрессию, - Советский Союз. Сокрушить первое в мире социалистическое государство - вот заветная мечта империалистов. Здесь они всегда солидарны, несмотря на все противоречия, раздирающие капиталистический мир. Японские империалисты по-прежнему вынашивают планы создания колониальной империи с включением в нее Советского Дальнего Востока, куда бы ни была нацелена их агрессия в данный момент. Нужна бдительность и еще раз бдительность...

Когда Зорге узнал о назначении послом в Берлине генерала Осимы на место провалившего в прошлом году переговоры о военном пакте Того, он сильно встревожился. Ярый враг Советского Союза, один из организаторов "антикоминтерновского пакта", Осима не остановится на полдороге. Он человек решительный, напористый, откровенный поклонник Гитлера. В Рим назначен такой же враг Советского государства Сиратори.

Не иначе как завязывается новая политическая интрига с плохими последствиями. У Зорге за годы общения с подобными людьми развился своеобразный нюх на политические интриги. Всякое продвижение и перемещение дипломатических работников имело подоплеку. Отт подтвердил: еще во время "мюнхенской комедии" Риббентроп предложил Муссолини заключить тройственный военный союз между Германией, Италией и Японией. Теперь машина заработала. Советники японского посольства под непосредственной опекой Осимы и Риббентропа подготавливают варианты будущего военного пакта... Но там идет не все гладко... В самом японском кабинете нет единой точки зрения на характер военного союза с Германией и Италией.

Рихард спешно связался с Одзаки. Необходимо знать, каков характер разногласий в кабинете Хиранума. Одзаки дал исчерпывающий ответ: Гитлер хочет втянуть Японию в войну с Англией и Францией в первую голову. Таково основное содержание пакта. Военный министр Итагаки и министр финансов Икэда, опираясь на послов Осиму и Сиратори, советуют принять гитлеровский проект без всяких оговорок. Но министр иностранных дел Арита и военно-морской министр Ионаи не решаются на открытый разрыв с западными странами и предлагают сузить пакт до такой степени, чтобы он применялся лишь против Советской России, ибо по экономическим причинам Япония не в состоянии выступить против Англии и Франции.

С отставкой Коноэ Одзаки не утратил позиций в высших сферах. Принц не считал свой уход с поста окончательным, надеялся в скором времени вернуться, а потому "группа завтрака" продолжала действовать. Теперь собирались в доме секретаря кабинета министров и министерства иностранных дел Кинкадзу - сына графа Сайондзи. Молодой Сайондзи смотрел на Одзаки с глубоким восхищением, был привязан к нему всем сердцем. И хотя Коноэ находился в отставке, он оставался приближенным

императора, и окружение принца - личный секретарь Усиба, советник по делам Китая Инукан Кэн, крупные политические деятели Кадзами, Гото - пользовалось огромным влиянием. При содействии друзей Одзаки был назначен советником в токийский отдел исследования Южно-Маньчжурской железной дороги. Этот концерн представлял своеобразную "империю" в империи, оказывал большое влияние на политику правительства. Так, в телеграмме от 11 мая 1938 года начальник штаба Квантунской армии генерал Тодзио отмечал особые заслуги концерна ЮМЖД "в проведении политики в Манчжоу-го и в подготовке военных действий против Советского Союза". На отделение Одзаки возлагалась задача изучать положение в Манчжурии и Советском Союзе. На новой службе Одзаки всегда был осведомлен в такой же степени, как иной член кабинета.

Связанный с посольствами Англии, Франции, США, Бранко Вукелич приносил известия, характеризующие отношение названных стран к японо-германо-итальянским переговорам. Все та же старая, унылая песня соглашателей, подстрекателей. Нет, они ничего не имеют против японо-германо-итальянского военного союза, если его острие будет нацелено на СССР...

Английский посол Крейги помчался к японскому министру иностранных дел и стал допытываться, против кого будет направлен военный пакт. Арита заверил посла: Япония стремится ограничить пакт антисоветскими рамками. Крейги успокоился, но все-таки заявился к Отту и стал доказывать ему, что если Япония примет предложение Берлина, то это никому не принесет пользы. Отт сообщил в Берлин: "Английский посол, который чрезвычайно взволнован, недавно обрисовал мне японскую политику в отношении пакта как неверную дорогу, которая сделает чрезвычайно напряженными отношения с Англией". Американский посол Грю доносил госдепартаменту, что "основной вопрос заключается в сфере применения предполагаемого соглашения: будет ли оно направлено только против России или, быть может, и против других стран". Грю делал вывод: для агрессии Японии против Советского Союза "создалась благоприятная обстановка, особенно после заключения европейскими государствами соглашения в Мюнхене".

Политическая атмосфера накалялась все больше и больше. Макс Клаузен едва успевал передавать радиограммы. Но самая первая радиограмма, которую Макс передал, была посвящена годовщине Советской Армии: "Мы стоим на своем посту и вместе с вами встречаем праздник в боевом настроении".

С обостренным вниманием следил Зорге за всеми эволюциями на Вильгельмштрассе и в Токио. Хищники делают еще одну попытку договориться... Но удастся ли им развязать слишком уж тугий узел противоречий?.. Рихард не верил в чудеса. А так как он глубоко знал все слабости Японии, то не верил также тому, что барон Хиранума в состоянии разрубить этот узел. Да и никто не смог бы его разрубить...

Переговоры безнадежно затягивались. В марте пришла телеграмма от Риббентропа. Рихард ее сфотографировал. Да, переговорам не видно конца. Японцы всячески стараются обойти германские предложения. Они придумали компромиссную формулу: СССР следует признать основным объектом нападения; что же касается Англии и Франции, то пусть каждый участник пакта сам решает, стоит ли выступать против них в данный момент. Осима и Сиратори взбунтовались, даже не желают обсуждать токийский вариант, грозятся уйти в отставку. Риббентроп заявляет: если

японское правительство не присоединится к военному союзу безоговорочно, то Германия вступит в союз с одной Италией и, возможно, пойдет даже на заключение договора с Россией.

Но угрозы, кажется, не подействовали. На словах барон Хиранума клянется: Япония полна твердой решимости стать плечом к плечу с Германией и Италией; через Отта направил обращение к Гитлеру, в котором обещает оказывать Германии и Италии политическую и экономическую помощь, но в то же время говорит, что при сложившихся обстоятельствах Япония "ни сейчас, ни в ближайшем будущем не сможет оказать им практически какую-либо военную помощь".

4 мая посол Крейги телеграфировал в Англию на Даунинг-стрит, 1: кабинет Хиранумы отказался заключать военный союз против СССР и западных держав и высказался за создание военного блока только против СССР.

Чем вызвано подобное решение Японии? Не трудно было догадаться: в Москве в это время проходили переговоры между СССР, Англией и Францией. Заявив, что Япония не собирается порывать с западными странами, кабинет Хиранумы надеялся внести раскол в московские переговоры, помешать сближению Советского Союза с западными державами. Откуда было знать барону и его правительству, что Англия и Франция ведут переговоры вовсе не для того, чтобы заключить союз против агрессоров...

Зорге старался распутать весь этот клубок международных отношений, понять мотивы, которыми руководствуется каждая из сторон.

Да, конечно, Япония постарается изменить обстановку на Дальнем Востоке таким образом, чтобы сделать Германию уступчивее, а Францию и Англию отвлечь от Советского Союза...

Вот почему все последние месяцы хмурая задумчивость не сходила с лица Зорге. Он размышлял. Нащупывал пульс мировой политики. Он должен был произвести научную оценку событий и прийти к единственно правильному выводу. Вывод напрашивался такой: чтобы задобрить Гитлера и западные державы, кабинет Хиранумы пойдет на очередную провокацию на "севере".

Сделав подобное заключение, Рихард заволновался.

Через Бранко удалось установить: в английском посольстве, оказывается, знают о том, что Япония стягивает войска к восточным границам МНР. Не дожидаясь начала боевых действий, Вукелич через главу прессы агентства Гавас стал хлопотать о командировке в Манчжурию.

Зорге выяснил, что японские генералы надеются захватить в Монголии выгодные плацдармы для нападения на Советский Союз, а также хотят испытать боеспособность Советских Вооруженных Сил. Еще в октябре прошлого года Рихард сообщил в Центр о том, что Япония заключила с Германией секретное соглашение об обмене сведениями разведки относительно вооруженных сил Советского Союза; теперь было ясно, для чего потребовались такие сведения японскому командованию: в Токио хорошо понимают, что нападение на МНР неизбежно приведет к столкновению с Красной Армией!

И снова Клаузен шлет в эфир радиogramму за радиogramмой, сигнализирует о надвигающейся опасности.

Бранко попал на фронт месяц спустя после того, как у реки Халхин-Гол произошли бои. Предлогом для вторжения генералам послужили фальшивые карты, состряпанные в Токио, где государственная граница

вопреки действительному положению была отодвинута на двадцать километров в глубь монгольской территории. Советский Союз, верный договорным обязательствам, пришел на помощь МНР.

Бранко увидел отроги Большого Хингана, халхингольские барханы, заросшие кустарником. Здесь, в широкой долине, в песке и грязи увязли машины, и только кони еще как-то могли двигаться. Бранко часами вглядывался в сиреневую мглу, туда, где невысоким валом поднимались горы Хамар-Даба. Там была загадочная Монголия, там были красноармейцы, красные цирики. Еще никогда Бранко не находился так близко к людям той новой породы, о встрече с которыми всегда мечтал. Но встретиться с ними хотелось совсем в иной обстановке... Он почему-то в эти дни постоянно думал о своем брате Славко, который плечом к плечу с советскими танкистами сражался в Испании. От Славко до сих пор не было никаких известий. В Испании враги праздновали победу, и, что случилось с братом, Вукелич не знал...

Здесь, на Халхин-Голе, он представлял французское агентство Гавас.

События развивались так.

Крупные вооруженные силы Японии вторглись на монгольскую территорию 28 мая 1939 года. Особенно жестокие бои разгорелись в начале июля в районе горы Баин-Цаган. В этом сражении японцы потеряли несколько тысяч солдат и офицеров, огромное количество вооружения, танков и самолетов. Ударная группировка Квантунской армии была окружена и раздавлена советскими танкистами и монгольскими конниками.

20 августа части советских и монгольских войск перешли в решительное наступление по всему фронту, окружили и в течение восьми дней разбили 6-ю японскую армию. Советская авиация, артиллерия, танки нанесли сокрушительный удар по японским позициям. К утру 31 августа территория МНР была полностью очищена от захватчиков. За три месяца боев японцы потеряли около 60 тысяч убитыми и ранеными, 700 самолетов, свыше 200 орудий и много другого военного снаряжения. Потери советско-монгольских войск составляли 9 тысяч человек.

Лорд - хранитель печати Кидо, один из советников японского императора, записал в своем дневнике: "Все погибло..."

Германия и Италия, не дожидаясь исхода событий у Халхин-Гола, заключили военно-политический договор. Они уже видели, что карта барона Хиранумы бита. Провалилась и попытка Хиранумы созвать Тихоокеанскую конференцию - своеобразный "Дальневосточный Мюнхен", где бы империалистические державы решили участь Китая в пользу Японии.

Беспокойный 1939...

Рихарду приходилось аккумулировать в своем мозгу все большие и малые события, чутко прислушиваться к голосам западных держав, держать в руках ту веревочку, которая висела на Вильгельмштрассе. То, что Европа неумолимо вползает во вторую мировую войну, становилось очевидным из документов, попадавших в руки разведчика.

В конце мая немецкий генерал-майор Томас, начальник экономического отдела генерального штаба, давний знакомый Зорге, выступил с докладом перед сотрудниками МИДа. Текст закрытого доклада Отт передал Зорге. Томас приводил интересные цифры: численность вермахта к середине 1939 года достигла двух с половиной миллионов человек. Германия располагает 51 полностью снаряженной и обученной дивизией, из них 5 танковыми и 4 моторизованными. Военно-воздушные

силы насчитывают 260 тысяч человек, состоят из 240 эскадрилий и 340 зенитных батарей. В составе военно-морского флота 2 линкора, 2 крейсера, 17 эсминцев и 47 подводных лодок; в ближайшее время заканчивается строительство еще 2 линкоров, 4 крейсеров, авианосца, 5 эсминцев и 7 подводных лодок.

Вдоль своей границы с Голландией, Бельгией, Францией немцы соорудили так называемую линию Зигфрида - пояс укреплений шириной до 50 километров, состоящий из 17 тысяч подземных железобетонных сооружений, в которых размещено полмиллиона солдат.

Поскольку доклад Томаса предназначался для ориентировки германских дипломатов, то Эйгену Отту даже в голову не пришло скрывать его от Зорге. Он давно зачислил Рихарда в семью посольских сотрудников и подумывал сделать его официальным пресс-атташе при посольстве.

Рихард прилежно сфотографировал каждую страницу доклада. Это была редкая удача! Наци мимоходом разбалтывали самые сокровенные свои тайны.

Томас даже делал вывод: "Уровень производительности собственно военной промышленности и подготовка перевода остальной экономики на военные рельсы ни в одной другой стране не находится на такой высоте, как в настоящее время в Германии".

Все данные Клаузен в тот же день передал в эфир. Зорге смотрел на Эйгена с нежностью: "Милая фашистская коровка..."

Трагикомизм "дружбы" этих двух людей заключался в том, что Эйген Отт сам был крупным разведчиком. Кое в чем он признался Рихарду, так как не имел от него никаких секретов. О, делать карьеру Эйген начал еще в период первой мировой войны. В то время он работал на известного полковника Николаи, руководителя немецкой военной разведки. Именно Николаи предложил послать Эйгена осенью 1933 года в Японию с заданием установить контакт с японской разведкой. Здесь Эйген завязал тесные отношения с руководителем разведки на материке, начальником "континентальной службы" Доихара. Но японцы не очень-то охотно делились информацией. Некоторое время, как мы помним, Отт пребывал в роли стажера, военного наблюдателя в японских войсках. Он должен был представить обстоятельный доклад своему начальству.

Тут-то у него и возникла идея использовать Зорге. И вот нацистский разведчик, сам о том не подозревая, сейчас старательно работал на Зорге, на Центр. Иногда, занятый приемами и другими делами, он поручал Рихарду шифровать телеграммы. Так германский код стал известен Центру.

Как рассказал Отт, еще в марте Риббентроп предъявил Польше требования третьего рейха на Данциг. И хотя Гитлер, выступая в рейхстаге, лицемерно превозносил "польско-немецкую дружбу как стабилизирующий фактор в политической жизни Европы", Зорге догадывался, к чему все клонится. От германских посланников и генералов, зачистивших в Токио, он прослышал кое-что о "плане Вейс". То был конкретный план нападения на Польшу. Гитлер будто бы заявил генералам: "Не может быть даже речи о том, чтобы оставить Польшу в покое, и перед нами остается только одно решение - напасть на Польшу при первой же благоприятной возможности. Проблему Польши нельзя отделять от войны против Запада. Англия стоит на пути установления нашей гегемонии..."

Шолл, из майора превратившийся в подполковника и заменивший Отта

на должности военного атташе, стараясь блеснуть причастностью к великим тайнам, заверил Рихарда: нападение на Польшу произойдет в любой день после 1 сентября этого года. Так сказано в директиве Кейтеля.

...Внимательно следил Зорге за ходом англо-франко-советских переговоров. Беспокоила позиция Англии и Франции: посол Отт получал документы, свидетельствующие о том, что англичане параллельно ведут секретные переговоры с Германией. Тут пахло предательством. Панское правительство Польши категорически отказалось от военной помощи Советского Союза, так как надеялось договориться с немцами и в случае большой войны поживиться за счет Советской Украины и Литвы. Министр иностранных дел Польши Бек заявил: даже в случае нападения Германии Польша не допустит на свою территорию советских войск. Лучше немцы, чем Советы. Французские дипломаты плели интриги в надежде изолировать СССР на международной арене. Все усилия западных держав в этот ответственный момент сводились к тому, чтобы сколотить единый антисоветский империалистический блок. Чемберлен заверил гитлеровского эмиссара Тротта цу Зольца в том, что все европейские проблемы могут быть урегулированы по линии Берлин - Лондон. Известный нам фон Дирксен сообщал из Лондона на Вильгельмштрассе: "Здесь преобладает впечатление, что возникшие за последние месяцы связи с другими государствами являются лишь резервным средством для подлинного примирения с Германией и что эти связи отпадут, как только будет действительно достигнута единственно важная и достойная усилий цель - соглашение с Германией".

Так оценивала гитлеровская дипломатия поведение "туманного Альбиона" в англо-франко-советских переговорах. Деятели с Даунинг-стрит пеклись лишь о разделе сфер влияния с фашистской Германией, а на переговоры с Советским правительством смотрели как на дипломатический маневр, и не более. Тот же Дирксен, комментируя московские переговоры, доносил 1 августа: "К продолжению переговоров о пакте с Россией, несмотря на посылку военной миссии - или, вернее, благодаря этому, - здесь относятся скептически... Военная английская миссия скорее имеет своей задачей установить боеспособность Красной Армии, чем заключить оперативные соглашения". Помогать Польше в случае германской агрессии Англия не собиралась.

Дальнейшее уже не было неожиданностью для Зорге: Англия и Франция после четырех месяцев "игры в переговоры" сорвали заключение военной конвенции с Советским Союзом. Социалистическое государство осталось один на один, лицом к лицу с вооруженной до зубов фашистской Германией...

Как повернутся события?.. Наступил самый напряженный момент в международной драме. Каналы связи вздулись от избытка информации. Кровяное давление Европы резко повысилось. "Быть или не быть войне?" - этот вопрос сейчас намного трагичнее гамлетовского.

Зорге находился в курсе того, что еще с весны германское правительство домогается "дружбы" с Советским Союзом. Даже в речах Отта, яростного антисоветчика, появились этакие миролюбивые нотки. Советское правительство из месяца в месяц отвергало все предложения Германии, так как понимало, почему Гитлер вдруг подобрел: он страшился единого фронта европейских держав, за который боролся СССР.

Но теперь, воочию убедившись в том, что реакционные правящие

круги Англии и Франции своими интригами стремятся изолировать СССР, создать против него единый фронт капиталистических держав и спровоцировать советско-германскую войну, Советский Союз должен был сделать выбор: либо принять в целях самообороны предложение Германии и заключить с ней пакт о ненападении, отодвинув тем самым сроки войны, или же немедленно вступить в вооруженный конфликт с Германией... "Заключив соглашение с Советским Союзом, фюрер утратил всякую идейную опору, как в свое время и император Вильгельм II, который, начиная войну, не позаботился об оправдании ее какими-либо высокими целями и идеалами", - сожалела одна американская газета.

На другой день после заключения советско-германского договора о ненападении разъяренный министр иностранных дел Арита ворвался в германское посольство, в оскорбительных выражениях заявил Отту протест и сообщил о решении японского правительства прекратить всякие переговоры с Германией и Италией. Осима и Сиратори, потрясенные коварством Гитлера, подали в отставку.

Кабинет барона Хиранумы пал.

Лорд-хранитель печати Кидо записал в дневнике: "Вероломство Германии удивило и потрясло Японию..."

Со всех сторон пытался оценить этот факт Зорге.

Советский Союз принял единственно возможное решение. Англии и Франции дорого обойдется их скверная "игра в поддавки". "Великие стратеги" из германского генерального штаба, приезжающие в Токио, восхваляют стратегию "старика" Шлиффена - последовательный разгром противников; в "противники" они зачисляют Польшу, Англию, Францию, Советский Союз. Сперва Австрия, потом Чехословакия... Кто на очереди?.. Военный потенциал Германии растет. "Стратеги" и не скрывают: для Гитлера договор о ненападении нужен лишь потому, что Германия сейчас пока не в силах напасть на Россию.

Еще весной Зорге предупредил Центр о подготовке нападения гитлеровцев на Польшу, коротко изложил суть так называемого "Белого плана".

Приходилось очень бдительно следить за всеми зигзагами международной политики.

...Час пробил! Польша оккупирована, несмотря на упорное сопротивление солдат и народа; Англия и Франция оказались втянутыми в войну, хотели они того или не хотели.

Вторая мировая война стала фактом.

<h2>ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ ЧАСА В СУТКИ...</h2>

Камелии и хризантемы цветут даже во время тайфунов. Люди продолжают жить своими интересами даже тогда, когда разражаются политические бури.

Специфика работы разведчика откладывает суровый отпечаток на весь уклад его жизни и в дни мира и в дни войны, ибо разведчик подвергается опасности быть раскрытым двадцать четыре часа в сутки.

Разведчик несет две нагрузки. Помимо основных занятий он должен делать еще то же самое, что делают другие: ходить на службу, общаться со знакомыми, заботиться о тысяче бытовых мелочей. Но каждый его поступок как бы лимитирован неписанным уставом: гляди в оба, будь предельно осторожен.

В феодальной токугавской Японии XVIII века господствовал пресловутый "режим ока" - омэцкэ сэйдзи - свирепый полицейский надзор за каждым японцем. "Режим ока" - государственный террор, направленный против малейшего проявления свободомыслия. Он держал в страхе все население империи. Особенно беспощадно карали за связь с иностранцами.

Прошли столетия, но "режим ока" в Японии сохранился. Японская контрразведка во все времена считалась наиболее сильной, хитроумной. Иностранец, оказавшийся в Японии, сразу же попадал под прицел: он мог не сомневаться, что вся прислуга в его доме - полицейские доносчики, что за каждым его шагом следят десятки шпииков. Иностранца иногда останавливают на улице и тут же проверяют его личные вещи, обыскивают. И в трамвае, и в кафе, и в парке Уэно, где вы решили отдохнуть в тени криптомерии, - повсюду вас сопровождает полицейский, неумолимый, как автомат. Его не смутит даже ваша дипломатическая неприкосновенность, ваш ранг, ваши близкие знакомства с самим премьер-министром. Ведь за премьером тоже следят и при необходимости могут вызвать в суд в качестве свидетеля, как любого простого смертного. "Режим ока" держится на презрении к человеку, на пренебрежении ко всем законам, якобы охраняющим свободу личности.

"Как-то я пригласил на обед нескольких своих друзей. Слуга расставил на столе карточки с фамилиями гостей. Пока я переодевался, карточки исчезли - их забрал с собой в управление агент кемпетай. Дипломатический иммунитет моего дома он нарушил без всяких угрызений совести. Если бы среди этих карточек обнаружили карточку с фамилией японца, его задержали бы и допросили", - рассказывает Ганс Отто Мейснер, служивший в Токио в одно время с Рихардом Зорге.

Это непредвзятое свидетельство лишний раз характеризует ту обстановку, в которой приходилось действовать Зорге и его помощникам.

В невероятно трудных условиях Зорге создал невиданный по конспиративным качествам коллектив. И не только руководил этим коллективом, но и постоянно воспитывал его. Воспитывал с большим тактом, ненавязчиво, бережно; заражал своей убежденностью в конечном торжестве общего дела.

Он был не только связующим звеном между отдельными членами организации, но главным образом идейным вдохновителем; с большим уважением относился к каждому, стремился проникнуть в духовный мир своих друзей и почти незаметно внести необходимые коррективы в этот мир.

Обстоятельства прошлой жизни у всех были различны. И прошлое, разумеется, отложило свой отпечаток на характер каждого. Но по-видимому, невозможно подобрать героев заранее, опираясь лишь на характеристики и биографические данные; героями людей делают сложные ситуации. Теперь все члены организации были поставлены в исключительные условия, требующие беззаветной преданности, особого мужества и хладнокровия.

Разведывательная работа - не ремесло, а творчество. Холодные ремесленники здесь быстро потерпят провал. За годы деятельности в Японии во всем блеске проявились творческий подход, изобретательность каждого из членов организации.

Зорге с полным правом, не переоценивая себя, мог сказать: "Не следует забывать, что моя разведывательная работа в Китае и позднее в Японии носила совершенно новый, оригинальный и к тому же творческий

характер".

Члены организации не могли общаться часто, чтобы не вызывать подозрения. И все-таки они общались.

Для Зорге, Одзаки и Мияги каждая встреча превращалась в маленький интеллектуальный праздник.

Зорге работал над книгой о Японии. Одзаки готовил к изданию политико-экономическое исследование "Сила великих держав в Китае". Мияги для лекций требовались сведения из первых рук о реалистическом искусстве Европы.

Одзаки рассказывал своему советскому другу об оригинальных японских философах-материалистах Ито Дзин-сай, Камада Рюо, Ямагата Банто, о великом атеисте и провозвестнике коммунистических идей Андо Сээки, знакомил с древнейшими литературными памятниками синтоизма "Кодзики" и "Нихонги". Подобные книги были овеяны сумеречными легендами о происхождении японского государства.

Сначала неизвестно где, между небом и землей, росло божественное дерево "аси". Ему надоело расти без цели, и оно превратилось в родоначальника "семи поколений богов" Кунитоко-татиномикото. В седьмом поколении появились бог Идзанаги и богиня Идзанами. Идзанаги любил летать над океаном. Однажды с его копья упала капля, капля превратилась в остров Оногоросима. Тут и поселились божественные супруги. Вскоре Идзанами зачала и родила восемь больших японских островов. В те времена все делалось проще. Когда богу Идзанаги стало скучно, он родил из своего левого глаза богиню солнца Аматера-су, а из правого - богиню луны Цукаэми; из носа вынул бога земли Сусаноо. Основанием японского государства занялась богиня солнца Аматерасу: она поручила своему внуку Зимму-Тенно огнем и мечом обойти острова и положить начало вечной династии императоров. Так тут и началось все с огня и меча 11 февраля 660 года до новой эры. Одзаки шутил: "Легенду придумали первые милитаристы".

От старинных легенд Одзаки переходил к взглядам современников, последователей Зимму-Тенно. Не так давно некий шовинист Мурофуса горестно писал в своей статье "Кризис и японский дух": "Японский идейный мир этого десятилетия точно определяется как период бурного распространения марксизма. Японские идеи изгнаны. Поборники прогресса все, как один, склонны воспевать Советский Союз, а о японском духе забыли. Все что ни есть японское было окончательно потеряно в идейном потоке эпохи. В целом это можно назвать периодом материализма".

Одзаки смеялся. Всякий шовинизм он считал злобным проявлением классовой ограниченности. Одзаки, так же как и Зорге, далеко видел: именно он, Одзаки, предсказал в 1937 году, что китайский инцидент перерастет во вторую мировую войну. Он предвидел также, что вторая мировая война закончится не перераспределением колоний, как то было после первой, а коренными изменениями социального порядка во всем мире, отпадением от системы колониализма многих стран Азии и Африки. Влияние примера первой страны социализма возрастет во сто крат. Экономическая структура Японии ненадежна из-за существующих феодальных традиций. Милитаризация всех отраслей хозяйства истощит страну, приведет ее к разорению. Интересы Японии неизбежно столкнутся с интересами США и Англии. Возможно, на первой стадии войны Япония одержит кое-какие победы, но они будут недолговечны. Правящие классы окажутся не в состоянии произвести коренную перестройку. Только

пролетариат сможет спасти нацию. Единственно правильной политикой Японии было бы присоединение ее к лагерю Советского Союза и перестройка с его помощью социальной и экономической системы. Япония станет социалистической. Восторжествуют идеи интернационализма. Коммунизм в конечном итоге победит во всем мире.

Так рисовалось Одзаки будущее человечества. А пока приходилось драться за это будущее. Себя доктор Одзаки считал революционером-профессионалом.

Доктор Одзаки глубоко презирал своего "друга" принца Коноэ и всех, кто его окружает. Позор Японии они настойчиво пытались выдать за ее величие, терпели провал за провалом в политике. Эксперта они зачислили в единомышленники и не стеснялись при нем обсуждать кровавые замыслы. Это была кучка грязных, хладнокровных убийц, душителей народа. Много правителей сменилось на памяти Одзаки. Но все они начинали с одного: с репрессий против рабочих, крестьян, интеллигенции. Инакомыслящих загоняли в тюрьмы, подвергали пыткам, расстреливали. Танака ввел закон об "опасных мыслях", карающий смертной казнью всякого, кто выступает против существующего строя. Он приказал убить генерального секретаря компартии Ватанабэ Масаносукэ. Правительство Хирота в 1936 году произвело массовые аресты коммунистов. Хаяси хотел даже уничтожить парламент, как "рассадник опасных мыслей". Коноэ в декабре 1937 года снова устроил облаву на революционно настроенных рабочих и на левые профсоюзы. Хиранума расстрелял антивоенную демонстрацию... Таков был облик врага, и пощады от него ждать не приходилось.

Зорге ни разу не доводилось бывать в доме Одзаки. Но японский друг часто рассказывал о семье, приносил фотографии. Он горячо любил жену и дочь. Он мог бы жить спокойно все двадцать четыре часа в сутки, писать книги, дружить с тем же принцем Коноэ, не рассматривая его лишь как источник информации, занять видное официальное положение, предаваться семейным радостям, не думать о том, что в случае провала его семья будет ввергнута в пучину бедствий.

Но мещанская трусость, карьеризм были чужды его духу. Он сильно чувствовал свою личную ответственность за судьбы народов и хотел помочь им любой ценой, пусть даже ценой собственной жизни.

Он был мудр и потому легко вводил в заблуждение врагов. "Если вы спросите меня о специальных вопросах моей техники, то я отвечу, что моя деятельность характеризуется полным отсутствием специального метода. Мой успех лежит в моем отношении к работе. По своей природе я общительный человек. Я люблю народ, я могу поддерживать дружеские отношения со многими людьми.

Кроме того, я люблю хорошо относиться к людям. Я нахожусь в близких отношениях с большинством членов моего кружка. Мои источники информации - мои друзья.

Я никогда не искал специальной информации. Я создавал свое собственное мнение по данному вопросу, рисовал в своем воображении полные картины общего направления на основе различных сообщений и слухов. Я никогда не задавал специальных наводящих вопросов.

В эти дни политического волнения отдельные новости имеют очень маленькую внутреннюю ценность, но могут быть важными и секретными. Это потому, что даже важное решение может быть внезапно изменено. Например, правительство или армия захотят быть упорными, но внешние

обстоятельства часто вынуждают изменить это желание. Поэтому более важным моментом является установление общего направления, чем точное выяснение того, что было сказано или что было решено".

Исключительная проницательность, аналитический склад ума не требовали никаких ухищрений при поиске и оценке нужной информации; добытые сведения он сопоставлял с другими данными и делал предварительную оценку; затем все обсуждалось с официальными лицами из разных учреждений и правительственных кругов; к Зорге поступали четкие и окончательные оценки.

Во всем жертвенном величии встает перед нами фигура художника Мияги, второго японского друга Зорге. Он хотел создавать новое пролетарское искусство, а приходилось малевать портреты генералов и генералов. "Любуюсь сразу и луной, и снегом, и цветами", - горько шутил он. Все последнее время Мияги рвался на Окинаву к престарелому отцу, с которым не виделся пятнадцать лет, но события громоздились одно на другое, и отъезд приходилось каждый раз откладывать. В 1938 году пришло известие: отец умер. Мияги тяжело переживал утрату. Обострился процесс. Художник харкал кровью. Он понимал, что короткая жизнь подходит к концу, а потому старался сделать как можно больше для организации. Когда Зорге хотел устроить его в туберкулезный санаторий, Мияги отмахнулся: "Мне здесь веселее..."

1938 год был несчастным для организации: мотоциклетная катастрофа Зорге, от которой он едва оправился; смерть отца художника и резкое в связи с этим ухудшение здоровья Мияги; крупная неприятность у Бранко и Эдит, закончившаяся полным разрывом; и в довершение всего появились признаки тяжелого сердечного заболевания у Макса. Если первый год радист еще как-то держался, то потом дела пошли все хуже и хуже. Кончилось тем, что доктор Виртс уложил Клаузена на три месяца в постель. И все три месяца делал уколы, прикладывал лед. Лежать разрешалось только на спине. Всякое движение отзывалось резкой болью. Но события не ждали. Макса никто не мог заменить. Тогда он заказал в своей мастерской специальную полку-парту для работы в кровати. Анна устанавливала полку прямо над грудью мужа. Сеансы передачи длились иногда несколько часов. Анне то и дело приходилось менять лед, так как Макс скрежетал зубами от боли. После каждого сеанса состояние сильно ухудшалось, и врач даже хотел приставить к больному специальную сиделку из японок. Клаузен воспротивился. Сказал, что не выносит посторонних и бывает спокоен лишь тогда, когда рядом Анни. "Анни оказывала мне при этом большую помощь. Она уже могла собирать и устанавливать мой передатчик, антенну и т. д. Лежа в постели, я делал шифровки на этой доске. Затем Анни устанавливала у моей постели на двух стульях передатчик и приемник, и я начинал передачу. Во время болезни Рихард давал мне для передачи только самые актуальные сообщения..."

А другие, неактуальные, но очень важные? Документы, фото пленки?.. Их иногда отвозила в Шанхай Анна. Семья Клаузенов обеспечивала все виды связи с Центром. И даже тогда, когда Зорге отправил Макса на несколько недель в Арконэ на воды, радист приезжал два раза в неделю в Токио и вел передачи.

Анна совсем освоилась в незнакомой обстановке. Усиленные занятия немецким языком дали свои результаты: в колонии ее принимали за настоящую немку. "Как-то председательница женского немецкого общества

фрау Этер спросила меня, почему я не имею детей, и посоветовала обзавестись ими, так как "нашей стране" нужны дети, они будут иметь счастливое будущее. Это подтвердило лишний раз, что они считали меня своей. У японцев я была зарегистрирована как немецкая гражданка - финка".

В Японии каждый европеец обязан держать японскую прислугу, как известно, состоящую на службе в полиции. Клаузены преднамеренно сняли дом, где не было лишней комнаты. Прислуге вменили в обязанность приходить в определенный час и после уборки немедленно удаляться, так как хозяин производит опыты и мешать ему нельзя.

Вспомнив Красный Кут, Анна завела кур. Полицейские часто любовались белыми несушками и огнеперым петухом, всегда охотно объясняли, где раздобыть корм для птиц. Крестьянская идиллия располагает к доверию. Сразу видно, фрау из сельской местности.

Часто Анна появлялась на улицах Токио с узелком-фуросики. В узелке находилась корзинка с фруктами или кормом для кур. Если бы полицейский не поленился запустить руку в корзинку, он обнаружил бы на дне аккуратные коробочки, а в них - передатчик и приемник. Иногда Анна переносила аппаратуру на другие конспиративные квартиры в чемоданчиках и сумках для продуктов. "Было и так, что однажды я встретила, имея при себе драгоценный узел, с полицейским в не совсем подходящем мне районе. Я ему сказала, что купила корм для кур, который у меня действительно был поверх коробок. Я придерживалась такого правила: держаться проще, свободнее и открыто, не прячась от людей. Когда я, бывало, иду с чемоданчиком, то зайду в одну лавочку, в другую, что-нибудь куплю из продуктов, поставлю чемоданчик на пол, а что купила, положу сверху и прохожу мимо полицейских, а то и подойду спросить их что-либо. Я же знала, что полицейские ищут тех, кто прячется".

Спокойно, просто рассказывает Анна о своей героической работе. Обыкновенная русская женщина Анна Матвеевна Жданкова в силу обстоятельств сделалась разведчицей. Природный ум, хладнокровие помогали ей выходить неуязвимой из самых опасных ситуаций. Достаточно вспомнить, как в марте 1936 года, направляясь к Максусу в Японию, она без тени страха уселась во Владивостоке на советский пароход и отплыла в Шанхай. Очутившись в Шанхае, без колебаний отправилась к начальнику эмигрантского бюро и потребовала китайский вид на жительство. За пятьдесят долларов все было улажено. В 1937 году она везла на японском пароходе сорок секретных фотопленок, счастливо проскочила контроль. В Шанхае у департамента Син-Син Стар встретила курьера-женщину. У незнакомки была такая же черная брошь в пестром шарфике, как и у Анны. Тут всегда был большой риск: вместо курьера японская контрразведка могла подсунуть своего человека.

Иногда задания носили своеобразный характер. В 1939 году ей поручили купить в Шанхае детали и лампы к передатчику, "лейку" для Вукелича, кое-какое оборудование для фотолаборатории Зорге. Связь с Китаем была почти прервана: перевозили только солдат. Макс завязал знакомства со своими покупателями офицерами Малаве и Йошиновой. Они-то и устроили Анну на военный самолет, усадили вместе с японскими генералами. "Лейку" передала во французское посольство на имя Вукелича, остальное везла в Токио в банках из-под печени.

Каждый из таких эпизодов мог бы послужить основой остросюжетной

повести из жизни разведчиков. Но для Анны подобные эпизоды стали бытом, содержанием ее жизни.

Во имя чего эта женщина безропотно несла нелегкую долю жены разведчика, вместе с ним подвергалась опасностям, совершала рискованные рейсы, наконец, сознательно отказалась от радостей материнства?

Она сама отвечает на эти вопросы: "Наблюдая за нелегальной деятельностью моего мужа в пользу СССР, я связала свою жизнь с ним и помогала ему как могла, потому что Макс был верным, преданным и непоколебимым коммунистом, работал на пользу рабочего движения и, безусловно, в первую очередь на СССР, мою Родину. Я им горжусь и благодарю его, потому что только через него я смогла принять участие в борьбе против врага и хоть в некоторой степени быть полезной моей Родине".

В сентябре 1938 года Клаузенам пришлось сменить квартиру. Дело было так. Макс, оставив свою машину в немецком клубе, заведующим которого он теперь значился, пошел домой к Вукеличу. Связаться с Центром в эту ночь почему-то не удавалось. Атмосферные помехи заглушали все. В три часа утра над Токио пронесся страшный тайфун. С грохотом и звоном вылетели окна. Хлынул ливень. Город погрузился в кромешную тьму. Макс забеспокоился об Анне. Набросив плащ, он отправился в немецкий клуб, вывел машину. На первом же углу Вукелич передал ему радиостанцию. Макс торопился домой. Радиостанция лежала рядом. Внезапно выросла фигура полицейского. Пришлось остановиться. Полицейский был зол. Во время стихийных бедствий полиция задерживает все частные машины, использует их для помощи пострадавшим. Но прежде всего, конечно, расспросы: кто такой, откуда и куда едешь, что везешь? В такое время лучше не показываться на улицах Токио. Макс знал эти порядки. Он знал также, что, например, за шесть недель до Нового года полиция устраивает облавы на бандитов. С девяти часов вечера до трех утра полицейские задерживают все машины.

Увидев иностранца, полицейский резким голосом потребовал визитную карточку. Сейчас машину погонят в участок. Заберут чемодан с радиостанцией...

Неторопливо Макс вынул визитную карточку, прихватил несколько иен. Деньги рассыпались, ветер подхватил бумажки. Полицейский, сразу забыв о Максе и его машине, бросился ловить деньги, а Клаузен дал газ - и был таков.

Дом пострадал сильно: слетела крыша, в комнатах стояла вода. Анна, закутавшись в одеяло, сидела на узлах и чемоданах.

Через несколько дней они переехали на новую квартиру - по Хироотие, 2. Макс облегченно вздохнул: тут рядом не было японских воинских частей.

Бранко Вукелич мог завидовать семейной жизни Клаузенов. Ему не повезло. Эдит не хотела быть помощницей мужу. По-видимому, она так и не смогла приспособиться к окружающей обстановке. Если в первые годы Эдит еще как-то мирилась с эфемерным существованием в чужой стране, даже пыталась устроиться инструктором спорта в школу, то после пяти лет нервной тряски задумала покончить со всем этим. Частыми скандалами с мужем, мечтами о мещанском благополучии, стремлением уехать во что бы то ни стало и от полицейских, и от Зорге, от изнуряющего климата, беспокойством за сына она довела себя до функционального расстройства

нервной системы.

И когда летом 1938 года она потребовала развода, ни Бранко, ни Рихард не удивились. Бранко еще пытался уговорить, растолковать... Доводы здравого рассудка не помогли. Разрыв назрел, он подготавливался долго. Она хочет уехать к сестре в Австралию.

Оба поняли, что любовь умерла. Как вновь соединить людей, ставших чужими друг другу? Да и нужно ли это делать? Как поведет себя Эдит в дальнейшем? Речь шла о безопасности всей организации. Бытовой конфликт мог обернуться трагедией для всех. Слишком уж неуравновешенный характер у Эдит. Ее нелюбовь к занятиям мужа выражалась в недоброжелательности, а затем перешла в ненависть и к Зорге, и к Макс, и, конечно же, к Бранко.

Эдит немедленно изолировали, сняли для нее отдельную квартиру, куда иногда навещался Макс и вел отсюда передачи. Зорге запросил Центр. Ответ гласил: отпустить.

Получив развод, Эдит уехала в Австралию.

Вся эта история произвела тяжелое впечатление на Зорге. Может быть, во многом виноват Бранко. Но к сожалению, жизнь не всегда можно уложить в определенные рамки. Да и виноват ли Бранко, если подумать как следует? Эдит не выдержала сурового испытания. Не мог же Бранко отказаться от того, что стало смыслом жизни, бросить товарищей и бежать, спасая семейное благополучие... Он презирал трусов и шкурников.

Зорге посоветовал ему жениться вторично. И обязательно по любви. Через два года Вукелич женился на японской студентке Иосико Ямасаки, дочери служащего одной из компаний. Смотрины состоялись в кафе парка Уэно. Зорге из укромного угла некоторое время наблюдал за Иосико. А она так ни разу вблизи его и не видела. Рихард одобрил выбор друга. Официальная церемония бракосочетания была проведена во французском посольстве, которое тогда представляло интересы Югославии в Японии. Им предложили обвенчаться по христианскому обычаю в Николаевском соборе на улице Канде. Иосико не возражала. Бранко возмутился было, но Зорге объяснил, что придется пойти и на этот шаг, чтобы не вызывать ненужных толков. "Это тебе вроде очередного задания", - сказал Рихард шутливо. Бранко махнул рукой и пошел венчаться.

А как проводил свои двадцать четыре часа в сутки Рихард Зорге?

С началом войны в Европе Отт поручил Рихарду выпуск бюллетеня посольства "Дейчер динст". Теперь Зорге фактически стал выполнять обязанности пресс-атташе германского посольства, хотя официально на дипломатической службе не числился. Он руководил работой всех немецких корреспондентов в Токио, часто собирал их на совещания и инструктировал. Он получал 500 иен и обязан был являться в посольство каждый день. В январе 1940 года Зорге написал в Центр: "Дорогой мой товарищ! Получили ваше указание остаться еще на год. Как бы мы ни стремились домой, мы выполним его полностью и будем продолжать здесь свою тяжелую работу. С благодарностью принимаю ваши приветия и пожелания в отношении отдыха. Однако, если я пойду в отпуск, это сразу сократит информацию..."

Утром, побывав в японском телеграфном агентстве "Домей Цусин" и ознакомившись с сообщениями о ходе войны в Европе, Зорге за поздним завтраком встречался с послом. Отт показывал секретные документы из Берлина, потом, советуясь с Рихардом, писал ответы. Приходили военный,

авиационный и морской атташе, а также недавно прикомандированный к посольству начальник гестапо полковник Мейзингер. Для этих людей Зорге делал небольшой обзор международных событий. Начинаясь обмен мнениями. Каждый получал из Берлина секретные распоряжения и считал своим долгом посоветоваться по всем вопросам с компетентными лицами.

Поговаривали, что гестаповец Мейзингер прославился своими зверствами в Варшаве, но почему его прислали в Японию, никто не знал. "Почетная ссылка", - говорил сам Мейзингер и похлопывал рукой по кобуре своего пистолета. "По его приказу тысячи людей были уничтожены в еврейских гетто. Те же, кого не прельстили медовые речи полковника о рае в гетто, заживо сжигались им в своих домах... Это был грубый и неприятный человек. Даже разговаривая с друзьями, он любовно похлопывал по кобуре своего пистолета", - свидетельствует Ганс Отто Мейснер. Рихард с удовольствием всадил бы пулю в лоб палачу Мейзингеру, но приходилось с ним здороваться, быть в одной компании. Мейзингер настойчиво лез в друзья. Зорге сделал из него хороший источник информации. Образовался неразлучный кружок, "посольская тройка": Отт, Мейзингер и Рихард. Видя Зорге в компании посла и начальника гестапо, все остальные чиновники стали заискивать перед "фюрером" прессы. Он мог теперь запросто получить любую справку из совершенно секретных фондов, потому что в посольстве давно догадывались: настоящий-то посол Зорге, а не Эйген Отт! Потому-то кабинет Рихарда никогда не пустовал - сюда приходили за консультацией секретари посольства, советники, специальные представители Гитлера и даже сотрудники японского МИДа.

В июле 1940 года принц Коноэ вновь пришел к власти. Он выдвинул программу "создания великой восточно-азиатской сферы взаимного процветания", включив сюда Индокитай, Индию, Индонезию, страны южных морей. Одзакки укрепился еще больше. Не теряя позиций в правлении ЮМЖД, он вновь стал неофициальным советником правительства.

Коноэ осыпал своего любимца благодарностями. "Группа завтрака" стала собираться прямо в резиденции премьер-министра.

Начальник гестапо Мейзингер сообщал в Берлин: единственный достойный человек, способный возглавить фашистскую организацию на Дальнем Востоке, - Рихард Зорге! В посольство поступило письмо на имя Зорге, заверенное печатью нацистской партии: ему предлагали стать руководителем нацистской организации в Японии.

Отт и все его помощники прониклись еще большим уважением к журналисту. О, этот далеко пойдет!

Взвесив все "за" и "против", Зорге решительно ответил: нет.

Видите ли, партийной работой должен руководить человек, способный беззаветно выполнять свой партийный долг. Но сможет ли так относиться к партийным делам корреспондент многих газет и журналов, обозреватель, то и дело разъезжающий по Дальнему Востоку, наконец, неофициальный консультант по международным вопросам? Найдутся более достойные... хотя бы Венеккер!

Скромность журналиста оценили и в посольстве, и в Берлине. Другой с радостью ухватился бы за такое предложение...

А самого Зорге предложение прямо-таки обеспокоило: он страшился дополнительной проверки, неизбежной в подобных случаях. Нацистская организация была смердящей клоакой, где верх брали карьеристы, доносчики, бандиты, наподобие того же Мейзингера. Они сразу же стали

бы подкапываться под Рихарда, доносить, проверять и перепроверять...

Уклонившись от "высокой чести", Зорге с еще большим рвением принялся писать доклады за всю посольскую ораву и обсуждать с полковником Мейзингером, кого из нацистов следует держать на подозрении и является ли граф Дуеркхайм чистокровным арийцем. Мейзингер был грозным, но слепым орудием - если потребуется, его всегда можно направить против своих противников. Абверовец Отт и гестаповец Мейзингер бережно охраняли советского разведчика от покушений всякого рода завистников и доносчиков. "Некоторые сотрудники были недовольны моим влиянием в посольстве и даже выражали свое возмущение по этому поводу. Не будь у меня обширных познаний, никто из работников посольства не стал бы обсуждать со мною проблем, не стал бы интересоваться моим мнением по секретным делам. Они обращались ко мне за советом, так как были уверены, что я могу в какой-то мере помочь в разрешении спорных вопросов".

Отт считал, что из Рихарда мог бы получиться превосходный военный разведчик. "Зверь Варшавы" Мейзингер говорил журналисту: "Твое место в гестапо!" Зорге называл обоих "ангелами".

...Радиограмма из Центра. "Рамзаю" объясняют, что его сейчас, к сожалению, не могут отозвать на Родину. Сложная международная обстановка. Придется потерпеть. Он печально улыбается. Кому-кому, а ему-то не следовало бы этого объяснять! Он пишет: "Само собой разумеется, что в связи с современным военным положением мы отодвигаем свои сроки возвращения домой. Еще раз заверяем вас, что сейчас не время ставить вопрос об этом..."

По вечерам он стучит на машинке: работает над книгой о японской агрессии. Трещат цикады в саду. В раскрытые окна вползают душные испарения огромного города, мускусный запах цветов. На синем небе, над черепичными крышами с задранными углами - круглая белая луна. Из дома напротив доносится тоненький детский голос: "О, цуки-сама, маруку, ман маруку-дэс..." ("О, госпожа луна, круглая, совершенно круглая...")

Распорядок дня Зорге отличался завидной простотой: вставал он очень рано, а ложился глубоко за полночь.

<h2>ГРОЗНЫЙ ТРИУМФ</h2>

Мы переходим к рассказу о шестнадцати месяцах, которые составили бессмертную славу организации Зорге. Это самый напряженный, самый плодотворный период в жизни всей организации. События достигли наивысшего накала. На карту было поставлено все, и даже забота о собственной безопасности отошла на задний план...

Начало драме положил приезд в июле 1940 года в Токио из Берлина специального посланника Херфера. Посланник прибыл с особыми полномочиями от Гитлера. Херфер считал себя искусным дипломатом, такого мнения, по-видимому, придерживались и на Вильгельмштрассе, так как понятие о дипломатическом искусстве у нацистов носило весьма своеобразный характер: брать за горло всякого, с кем хочешь завязать "дружеские" отношения. Пренебрежение нормами международного права, вероломство, шпионаж, ложь - вот нехитрый набор фашистской дипломатии. Старая дипломатия исходила из убеждения: переговоры должны всегда быть процессом, а не эпизодом, они всегда должны быть длительными и конфиденциальными. Гитлер, наоборот, считал: чем быстрее, тем лучше.

Нечего разводить церемонии! Дипломат обязан уметь запугивать.

Достойный ученик своего фюрера, Херфер олицетворял в своей особе все эти качества. Он жаждал действия.

Херфер обладал представительной внешностью и недалеким умом. На его толстых губах беспрестанно играла загадочная улыбка, хитроватые суженные глаза с подозрением ощупывали каждого нового знакомого: когда едешь с особой миссией, не доверяй никому, будь начеку, жди провокаций, покушений. Помни: иностранная разведка действует! Любой официант может оказаться агентом, твоим убийцей.

От шпиономании Херфер избавился лишь тогда, когда оказался в германском посольстве в Токио. Здесь его встретили с распростертыми объятиями старые добрые друзья - посол Отт, Мейзингер, доктор Зорге.

Неофициальный обед на дому у Эйгена Отта. В Европе война, а здесь мирно сияет солнце, пляжи переполнены, фольксдойч занимаются коммерцией, содержат рестораны и мастерские. Даже бои в Китае замерли.

Херфер приехал разрушить всю эту японскую идиллию. Он покровительственно похлопывает по плечу своего друга доктора Зорге. О, намечаются дела... К сожалению, до встречи с представителями японского МИДа он не имеет права разглашать...

Рихард мучительно думает. Группирует в мозгу события последнего времени, сопоставляет. С сентября 1939 года по июль 1940 года в Японии сменилось еще два кабинета: Абэ и Ионай. Они старались договориться с Англией и США. Франция потерпела поражение, Нидерланды, Бельгия оккупированы, Англия занята боевыми действиями. Япония нацелилась на Индокитай...

Осушив рюмку, Зорге смеется и в свою очередь похлопывает специального посланника по плечу. Государственные тайны... Секрет полишинеля. Как только посольство узнало о том, что Херфер едет в Японию, он, Зорге, сразу же сообразил: возобновляются переговоры о заключении военного пакта! Ведь здесь только и разговоров об этом. Япония сейчас сама ищет союза с рейхом, так как намечающаяся экспансия на юг непременно столкнет ее с Англией и Америкой...

Херфер поражен. Значит, здесь болтают... Что же, в таком случае задача намного облегчается. А он-то воображал, что Коноэ придется уламывать.

И специальный посланник теперь уже свободно начинает говорить о своей миссии. Фюрер не теряет надежды повернуть Японию с "юга" на "север", против Советской России. Договор с СССР? Фикция. На Европе Гитлер лишь оттачивает зубы. Главное: сокрушить мощь Советского Союза. Япония должна стать союзницей.

Скоро сюда должен прилететь из Китая специальный представитель фюрера доктор Генрих Штаммер...

Надежды немцев на "молниеносное" заключение пакта и на сей раз не оправдались.

Три месяца лихорадило организацию Зорге: информация о каждом этапе переговоров отправлялась в Центр. Удастся ли германским дипломатам уломать Коноэ, повернуть Японию с "юга" на "север"? "Группа завтрака" собирается почти ежедневно. Одзаки призывает принца не верить Гитлеру. Гитлер не раз обманывал Японию. Почему провалилась "молниеносная" война в Китае, так хорошо задуманная Коноэ? Потому что Гитлер поставлял Чан Кай-ши оружие, держал у гоминдановцев своих советников. А как поступил Гитлер, когда японская армия терпела

поражение за поражением на Халхин-Голе?.. Теперь он задумал ослабить японцев, втавив их в войну с Советским Союзом, а затем прибрать к рукам Китай, тихоокеанские колонии, которые некогда принадлежали Германии, а сейчас являются собственностью Японии. Человек, претендующий на мировое господство, ни перед чем не остановится. Или, может быть, экономика Японии окрепла за последние годы? Не мудрее ли полагаться на СССР, как на силу, могущую сдержать Гитлера в его стремлении на Восток? Разумнее всего сейчас же, немедленно начать параллельные переговоры с Советским Союзом о заключении пакта о ненападении. Россия вовсе не стремится к войне в Азии, разве не свидетельствует о том подписанное в прошлом году соглашение о продлении рыболовной концессии?.. На коварство немцев нужно отвечать коварством же... Интересы самой Японии требуют мирных отношений с Россией...

Эксперт по Китаю обратил свой взор на "север", и Коноэ внимательно прислушивался к каждому его слову. А почему бы в самом деле?.. Сдерживающая сила...

Гитлеру Коноэ не верил. А кроме того, он мечтал о создании "великой восточно-азиатской сферы взаимного процветания", о продвижении на юг до Индонезии, в район южных морей, где легче одержать победы. Урок Халхин-Гола не выходил из головы принца. Он зол был на Гитлера, который в самый тяжелый для Квантунской армии месяц подписал с Россией договор о ненападении. Коноэ твердо решил последовать совету Одзаки и отплатить немцам тем же.

Снова затягивается тугой узел международных противоречий. Кабинет Коноэ категорически против того, чтобы военный пакт стран "оси" затрагивал отношения Японии с Советским Союзом.

Херфер, весь в мыле от усердия, носился по Токио, взывал к Рихарду Зорге и Эйгену Отту. Он даже привлек Зорге к редактированию пунктов военного пакта.

А японский премьер тем временем дал указание министру иностранных дел Мацуоке выяснить через советское посольство, как в Москве отнесутся к перспективе заключения японо-советского пакта. Ответ пришел положительный. В Москве уже знали из сообщений Зорге о потугах германской дипломатии и о вновь возникших разногласиях. Японо-советский пакт был бы хорошей пощечиной Гитлеру.

И пока Зорге "помогал" Херферу полировать статьи германо-итало-японского пакта, Одзаки на японской стороне был занят тем же. Иногда они встречались, обменивались мнениями и хохотали над комичностью своего положения.

Пакт получился расплывчатым, невразумительным. У всех было такое впечатление, что из него выпало что-то самое главное. Япония признавала руководство Германии и Италии в деле создания "нового порядка" в Европе, а Германия и Италия со своей стороны признавали руководство Японии в деле создания "нового порядка" в "великом восточно-азиатском пространстве".

Дальше этого не пошло. Отношения с Советским Союзом в договоре не затрагивались.

Наконец-то прибыл из Китая специальный представитель Гитлера доктор Генрих Штаммер. Он остался глубоко неудовлетворенным текстом пакта, а когда Херфер заикнулся о заслугах Зорге, Штаммер вспылал. Херфер советовал пригласить Зорге на церемонию окончательного

оформления договора. "Вы со своим Зорге испортили все дело! - закричал Штаммер, забыв о всяких дипломатических этикетах. - Черт бы всех побрал..."

На церемонию Рихарда не пригласили. Отт пытался уговорить Штаммера, но специальный представитель презрительно повернулся к нему спиной. Это означало крупную ссору. Не мог знать посол Эйген Отт, что скоро, очень скоро Штаммер усядется на его место.

Договор о трехстороннем военном союзе был ратифицирован в конце сентября 1940 года, а через три дня правительство Коноэ предложило Советскому правительству заключить пакт о ненападении. Он был подписан в Москве 13 апреля 1941 года.

Узнав о коварстве своего японского союзника, Гитлер пришел в бешенство. А Япония, вместо того чтобы повернуть на "север", ввела свои войска на территорию Северного Индокитая, стала поспешно готовиться к войне на Тихом океане.

Договор о военном союзе Японии со странами фашистской "оси" не затрагивал отношений, существующих между договаривающимися сторонами и Советским Союзом. Но значило ли это, что договаривающиеся стороны отказались от войны против социалистического государства?

Рихард успел изучить гитлеровские методы дезинформации и стратегической маскировки, они считались краеугольным камнем подготовки любой кампании. Фактор скрытности подготовки, внезапность нападения... Так было при планировании вторжения в Польшу, так было перед нападением на Францию. Ввести в заблуждение, обмануть...

Но то, что происходило в Германии, смахивало на правду: главный штаб верховного руководства разрабатывал планы вторжения в Англию. О Советском Союзе - ни звука! Англия, Гибралтар, Северная Африка - вот куда нацелился главный штаб. Операции "Морской лев", "Феликс", "Подсолнечник"; немцы перебрасывают войска в Норвегию для нанесения удара по Англии, сосредоточивают дивизии для вторжения в Грецию и Югославию...

Информация по поводу всех этих перебросок, перегруппировок поступала в посольство щедро. И это заставило Зорге насторожиться.

Может быть, за годы беспрестанного распутывания загадок международного масштаба он развил в себе некую интуицию, а возможно, иногда в мозгу происходят своеобразные вспышки, когда все внезапно озаряется и предстает в истинном виде, только вдруг он подумал: а что, если вся эта возня гитлеровских штабов - грандиозный блеф?! Что, если все планируемые вторжения - мнимые, стратегическая маскировка, а истинные намерения Гитлера и Кейтеля сохраняются в строжайшей тайне?..

Он задал прямой вопрос Отту. Посол ничего не знал. У Рихарда пылкая фантазия. Англия отказалась заключить мир, отклонила все предложения Германии; потому-то главный штаб проводит интенсивную подготовку вторжения в Англию. На побережье Ла-Манша, в портах сосредоточиваются десантные суда, проводятся тренировочные учения. Гитлер недавно заявил: "Я решил подготовить и, если понадобится, осуществить десантную операцию против Англии". Какие еще нужны доказательства?

Эйген Гитлеру верил. А Зорге не мог отделаться от мысли, что все мероприятия военных руководителей Германии - всего лишь дезинформационный маневр.

Конечно, он не торопился поделиться своими соображениями с

Центром. Не имея веских доказательств, нельзя делать вывод. Факты, факты, доказательства... Он был бы счастлив, если бы его гипотеза осталась только гипотезой. Истинные намерения главного штаба верховного руководства... Если Гитлер замышляет нападение на Советский Союз, о чем даже страшно подумать, то об этом должен знать определенный, пусть даже очень узкий, круг лиц. Высший генералитет, во всяком случае, посвящен во все планы, посвящен, разумеется, и Риббентроп. А если знает Риббентроп, этот коммивояжер от дипломатии...

Да, так было перед нападением на Польшу, так было перед вторжением во Францию. Но умозаключение по аналогии в большинстве случаев дает лишь вероятное знание. И все-таки это знание...

Нужно искать факты.

Рихард забывал об отдыхе, о еде. Он утратил интерес к событиям "странной войны", к японо-американским переговорам, к пресс-конференциям. Он почти не выходил из посольства. Только здесь можно узнать все. На удачу полагаться не следует. Нужна железная система: проверка секретной и совершенно секретной корреспонденции, систематический опрос всех лиц, приезжающих из Германии со специальными поручениями, особенно военных.

Корреспонденция... Нерасшифрованные телеграммы кучей лежали на столах Отта, Шолла, морского и авиационного атташе. Здесь пользовались очень сложным военно-морским кодом. Телеграммы... Колонки цифр, никакой закономерности. Обладай ты хоть феноменальной памятью, весь код выучить наизусть все равно невозможно. Кроме того, еще нужно знать ключ. Случалось, Отт доверял своему пресс-атташе толстую книгу в темно-синем переплете, и Рихард умел использовать случай. Нужно ли запоминать весь код? Если вас интересует ответ на определенный вопрос, достаточно сохранить в памяти десятка два-три шифровых сочетаний. Нацистская фразеология известна, образ мышления корреспондентов из МИДа изучен в совершенстве. Теперь следует лишь в самом закодированном тексте найти опору для комбинаторных сопоставлений. Ведь комбинаторный метод интерпретации основывается лишь на наблюдениях над самим текстом.

И тут начиналось самое поразительное: Зорге "угадывал" содержание телеграмм. То была сверхпроницательность. Кое-что он фотографировал и потом ночи напролет пытался дешифровать "нацистскую клинопись", и постепенно она превращалась в информацию о делах рейха.

Он изменил золотому правилу - не задавать наводящих вопросов. Отбросив излишнюю деликатность, а с ней и осторожность, он сразу же намекнул специальному посланнику Нидамейеру на то, что якобы посвящен в кое-какие секреты государственной важности. Все эти переброшки войск в Норвегию и планы вторжения в Грецию и Югославию... А что думают по этому поводу русские? Ведь Нидамейер по дороге сюда останавливался в Москве...

Нидамейер пожал плечами. Пусть думают что хотят. Ведь июльские совещания Гитлера, посвященные планам "уничтожения жизненной силы России", проходят в обстановке исключительной секретности, так что никто ничего не знает. Даже он, Нидамейер. Операция "Морской лев"? По-видимому, чистейший блеф; стянули в порты старые баржи, торговые и рыболовецкие суда... Зорге следует раз и навсегда запомнить: Германия никогда не воюет сразу на два фронта.

Отт слушал этот разговор с великим изумлением. Рихард посвящен в

тайны, которые неизвестны даже ему, послу!.. Нужно запросить Риббентропа.

Посол пожурил Рихарда за излишнюю скрытность, и стал доверять ему еще больше.

А у Зорге дрожал каждый нерв.

18 ноября 1940 года он предупредил Центр о готовящейся агрессии.

Из Центра посыпались радиограммы с запросами. Рихард догадывался, какую тревогу вызвало его сообщение там. На мир неотвратимо надвигалось что-то страшное, призраки великой катастрофы уже витали в воздухе. Да, да, требуются подтверждения, вещественные доказательства... В такое невозможно поверить сразу.

Сейчас каждый факт, каждый штрих становился подтверждением. Военные рангом поменьше охотно делятся за бутылкой сакэ своими мнениями по поводу скрытой подготовки к блицкригу. Немецкие генералы изучают роман Льва Толстого "Война и мир"! Наполеон считал, что история - это роман и ни для чего другого она непригодна. Гитлер считает себя главным героем этого романа. Все дивизии, предназначенные якобы для вторжения в Англию, оголены: технику перебрасывают на восток. Появились даже специальные технические войска... Еще три месяца назад фельдмаршал Браухич на совещании в генеральном штабе дал указание о перемещении 4-й и 12-й армий к границам Советского Союза. Так заявил Рихарду посланник Кольт.

28 декабря 1940 года "Рамзай" радировал: "На германо-советских границах сосредоточено 80 немецких дивизий. Гитлер намерен оккупировать территорию СССР по линии Харьков - Москва - Ленинград..."

Макс посылал в эфир радиограмму за радиограммой, и каждая из них напоминала сигнал бедствия.

А японские дивизионы особого назначения каждый день перехватывали передачи "Рамзая", перебрасывали пеленгаторы, установленные на машинах, из одного района города в другой. Вся контрразведка поднялась на ноги.

Какой процент передач был перехвачен?

Макс Клаузен вспоминает: "Я видел гору передач, перехваченных радиолюбителями, телеграфом, почтой, государственными радиостанциями и т. д. Если это четвертая часть того, что я передал в эфир за 6 лет работы, то это много. Некоторые передачи были записаны безупречно. В других - правильно записаны только отрывки".

Как видим, в охоту за радиостанцией "Рамзая" включились даже радиолюбители, проинструктированные контрразведкой, почта и радиотелеграф. Рацию "Рамзая" засекали и раньше, но в те годы Макс имел возможность уезжать в своей машине далеко за город, на побережье океана и оттуда вести передачи. Теперь же поездки стали почти невозможны: полиция часто задерживала иностранные машины, устраивала обыски. Осталось четыре точки: квартиры Зорге, Вукелича, дом и дача Клаузенов. Из Германии японцы выписали пеленгаторы усовершенствованных систем.

Для контрразведки было ясно одно: кто-то систематически проводит сеансы связи, нелегальная радиостанция находится в Токио. У каждого передатчика свой тембр сигналов, у каждого оператора своя манера передачи, свой почерк. Почерк Макса стал известен всем операторам пеленгаторных станций. Путем круглосуточного наблюдения за коротковолновым диапазоном установили время сеансов, смену волны и

позывных, установили также: радист с большим опытом, хорошо знает таблицу прохождения волн на каждое время суток. Чаще всего он работал на волнах двадцать и пятьдесят метров, с половины сеанса переходил на запасную волну.

Догадывался ли Зорге, что организация уже попала в железное кольцо контрразведки, что это кольцо с каждым днем сужается? Не только догадывался, но и твердо знал.

Не так давно Отт рассказал Рихарду и Мейзингеру о визите начальника японской контрразведки в посольство. Эти японцы заражены шпиономанией. Кому нужны их жалкие секреты? Теперь вот засекали неизвестную радиостанцию, ищут агента. Почему-то он обязательно должен быть иностранцем. Во всяком случае, начальнику контрразведки Осаки не стоило бы соваться в германское посольство. Мейзингер придерживался точно такого же мнения.

Рихард перенес чемодан с наиболее ценными бумагами на квартиру Венеккера. Максимум он ничего не стал говорить. Просто, решил передавать только самое важное, сократить число сеансов до предела, попросил всех членов организации соблюдать крайнюю осторожность. Он знал: контрразведка не отвяжется. Сейчас самое главное успеть проинформировать Центр о сроках предполагаемого нападения гитлеровцев, о количестве сосредоточенных на восточной границе войск.

Наступают такие моменты, когда ты вправе рисковать не только своей жизнью, но и жизнями других. Родина в опасности... В опасности первое в мире государство рабочих и крестьян. Что твоя жизнь в сравнении с жизнью миллионов людей, с благополучием огромной страны?..

Рихард мысленно ставил себя на место начальника японской контрразведки, взвешивал, сколько у того шансов на успех, какое время еще сможет продержаться организация. По подсчетам выходило: нужно торопиться! Японские ищейки уже идут по следу...

Наконец-то в руки Зорге попало то, что он так долго искал: совершенно секретные телеграммы Риббентропа послу Отту. По совету Рихарда Отт сделал запрос относительно сроков нападения на СССР. Пришел недвусмысленный ответ: Гитлер планирует вторжение в Россию на май 1941 года!

Вот они, вещественные доказательства!.. Центр получит их в самый короткий срок. 5 марта 1941 года фотокопии телеграмм были отправлены со специальным курьером по назначению. 6 мая "Рамзай" сообщает: "Германский посол Отт заявил мне, что Гитлер исполнен решимости разгромить СССР. Возможность войны весьма велика. Гитлер и его штаб уверены в том, что война против Советского Союза нисколько не помешает вторжению в Англию. Решение о начале войны против СССР будет принято Гитлером либо в этом месяце, либо после вторжения в Англию".

После вторжения в Англию... Так ли это? Нет, не так, отвечает посланник Кольт. Немецкая армия "Норвегия" предназначается для вторжения в Советский Союз. Предполагаемые операции в Югославии или Греции носят вспомогательный характер. Вторжения в Англию не будет. Все силы сейчас брошены против России. "В последнее время я часто встречался с посланником Кольтом. Он был отлично осведомлен в политической ситуации в Европе, необыкновенно эрудирован".

21 мая новое сообщение: "Прибывшие сюда из Германии представители Гитлера подтверждают: война начнется в конце мая. Германия сосредоточила против СССР 9 армий, состоящих из 150 дивизий".

Если в конце мая, то когда же Гитлер рассчитывает закончить войну в Европе? Зорге терзает Отта. Пусть потребует разъяснений у Риббентропа по поводу вторжения в Англию. Риббентроп отвечает: "С крахом России позиции держав "оси" во всем мире будут настолько гигантскими, что вопрос краха Англии или полного уничтожения английских островов будет являться только вопросом времени..." Теперь все ясно. Значит, окончания ждать не будут.

30 мая Зорге вызвал Макса, и они разными маршрутами поехали на квартиру Вукелича.

Все трое находились в крайнем возбуждении. До начала войны остались считанные дни. Разум не хотел мириться с этим. Макс боялся, что перегорят лампы передатчика, Зорге и Вукелич опасались налета полиции. Если бы им в ту ночь пришлось отбиваться от полчищ врагов, они все равно выстояли бы, защитили грудью передатчик и Макса, склоненного над радиограммой. В эфир летело срочное сообщение: "Риббентроп заверил посла Отта в том, что Германия совершит нападение на Советский Союз во второй половине июня. Это не подлежит сомнению. Отт на девяносто пять процентов уверен, что война вот-вот начнется. Я лично вижу подтверждение тому в следующем: технический персонал германских воздушных сил получил приказание немедленно покинуть Японию и возвратиться в Берлин; военному атташе запрещено посылать важные сообщения через СССР".

На квартиру Зорге вернулся под утро. У дверей своего дома увидел Одзаки. Он простоял здесь всю ночь. Обстоятельства не терпят... Гитлер пригласил японского посла и официально объявил: 22 июня Германия без объявления войны совершит нападение на Россию. В тот же день на Дальнем Востоке против СССР должна выступить Япония. Посол ничего не мог сказать определенного, не посоветовавшись со своим правительством.

Не заходя в квартиру, Зорге помчался к Макс. Радиограммы, радиограммы... "Военный атташе Шолл заявил: следует ожидать со стороны немцев фланговых и обходных маневров и стремления окружить и изолировать отдельные группы. Война начнется 22 июня 1941 года".

"Однажды в радиограмме содержалось до 2000 групп. Я передал сначала первую половину, а на следующий день - вторую, ибо передавать все сразу было бы тяжело и долго".

Макс не подозревал о том, что на карте командира радиодивизиона особого назначения его дом уже обведен красным кружком; засечку производили несколько раз. В красные треугольники на карте попали квартиры Вукелича и Зорге. Организация еще держалась каким-то чудом, продолжала действовать. Даже осторожный Одзаки пренебрег всеми правилами, целую ночь торчал у дома Зорге чуть ли не на виду у полиции. Все понимали: организация вступила в новую, возможно последнюю, фазу своего существования. Из оставшегося времени нужно выжать все, не думая о последствиях.

С растущим нетерпением ждал Зорге ответа из Центра. Но Центр молчал. Все радиограммы приняты... Но приняты ли они во внимание Советским правительством?.. Самое тягостное в жизни человека - ожидание. Шли дни. Давно отцвела сакура. Макс переезжал с квартиры на квартиру, передавал все новые предупреждения о надвигающейся катастрофе. Потом часами лежал, прижимаясь сердцем к пузырю со льдом. Центр молчал.

Что там происходило? Почему молчат?.. Какие еще нужны

доказательства? Если бы можно было сесть на самолет и устремиться туда!.. Перегорали радиолампы, казалось, эфир накалился от страстного стремления этих людей предупредить, защитить...

Научные занятия, журналистика, музыка, искусство - все утратило смысл, все было по ту сторону войны. Сейчас разведчики как бы подводили итог восьми годам изнурительной работы, кипения в "адовом котле". Неужели их усилия не будут оценены по достоинству?.. 25 мая... 1 июня... 5 июня... 10 июня... Отт изучает походы Наполеона на Россию. А там, у западных границ Советского Союза, немецкие войска изготовились к прыжку. Застыли танковые армии; на наблюдательных пунктах генералы, вооруженные биноклями, разглядывают советскую территорию.

А Центр молчит. 12 июня... Или, может быть, там уже перебрасывают армии, вся гигантская военная машина приведена в действие?.. Дорог каждый день!

Пришел ответ.

Трясущимися руками взял Рихард радиограмму. Сосредоточился, раскрыл ежегодник, служивший кодом. Макс наблюдал за выражением лица друга. Внезапно Зорге побледнел, вскочил, схватился за голову: "Они не верят, они сомневаются!.. Ты слышишь, Макс? Сомневаются... Кто сомневается? Сталин? Теперь с меня хватит..."

Он опустил на стул. Глаза потухли. Впервые он ощутил бесконечную усталость, вспомнил, что ему сорок шесть лет. Те, кто составлял радиограмму, по-видимому, были чуткими товарищами: они пытались всячески смягчить выражения. Но разве возможно замаскировать смысл? Тон недоверия переключался в радиограмму. Почему, почему ему не доверяют? Или он плохо служил все эти годы? Где "старик" Берзин? Он-то должен знать, что Рихард не способен на ложь. Одиннадцать лет жизни отдано военной разведке...

Зорге скрипел зубами от собственного бессилия. Неужели все напрасно? Ведь должны же там располагать сведениями из других источников? Или в самом деле возможно передислоцировать 150 дивизий на восточные границы таким образом, чтобы этого не заметил никто? В немецком клубе в Токио фашистские молодчики во все горло кричат о войне против большевистской России, вся японская дипломатия занята тем, каким образом уклониться от прямого ответа Гитлеру. Отт и Шолл подсовывают Зорге все новые и новые документы, свидетельствующие о подготовке агрессии. Заговорила пресса Англии и Америки. Вукелич и шведская журналистка Лундквист, которой Рихард часто помогает в работе, каждый день приносят сведения, добытые через агентства.

Зорге диктует Макс: "Повторяю: 9 армий из 150 немецких дивизий совершат нападение на советскую границу 22 июня! Рамзай".

Радиограмму с последним предупреждением Клаузен передал 17 июня. А 22 июня фашистская Германия без объявления войны, поправ договорные обязательства, напала на Советский Союз. План "Барбаросса" вступил в действие.

Рихард вновь диктует Клаузену: "Выражаем наши наилучшие пожелания на трудные времена. Мы все здесь будем упорно выполнять нашу работу".

Пароксизм прошел, Зорге вновь был собран, деятелен. Он не верил в победу фашистов.

"У Рихарда была очень большая сила воли. Нервным его нельзя было назвать. Мы все нервничали, когда казалось, что война развивалась не в

нашу пользу. При этом он ходил по комнате и говорил мне: "Ты знаешь, Макс, нам отсюда уже не выбраться. Теперь остается только успешно работать до конца, если не произойдут какие-нибудь решающие изменения, для того чтобы мы все-таки победили!"

Все как-то вдруг ощутили, что над организацией сгустились тучи. В дом Клаузенов стал наведываться полицейский Аояма. Вел себя развязно, сидел часами, словно на дежурстве, болтал всякую чепуху, заглядывал в раздвижные шкафы, где хранилась постель. Весь вид его как бы говорил: я-то знаю, что здесь не все чисто! Передачи приходилось вести на квартирах Бранко или Зорге.

У Вукелича 22 марта 1941 года родился сын Хироси. Иосико была на вершине счастья и не понимала, почему тяжелая печаль легла на лицо мужа. "Я коммунист... а в Европе война. Немцы захватили Югославию. Безоговорочная капитуляция. Правительство удрало в Египет..." Она пыталась успокоить, хоть и донимала, что это невозможно. Мыслями он был там, на своей далекой родине, в неведомой Югославии. Он тревожился за судьбы своего народа, за участь своих родственников и старой матери...

Теперь, когда фашистские полчища рвались к Москве, Рихард всецело был поглощен одной мыслью: выступит ли Япония против Советского Союза? Кого мог успокоить в такой международной обстановке пакт о нейтралитете? Вероломное нападение Германии показало, чего стоят подобные пакты для империалистов. На политику правящих кругов Японии за последние месяцы все большее влияние оказывают различные шовинистические группировки. Генерал Годзио, военный министр, метит в премьеры. Закоренелый враг СССР... Гитлеровские посланцы все время побуждают Японию к действию. Недавно сюда пожаловал специальный посланник Улах. Зорге выяснил: Улах имеет секретное задание Гитлера изучить возможности Японии для выступления против СССР. Японо-американские переговоры, начавшиеся еще в прошлом году, затягиваются.

Коноэ создал "Ассоциацию помощи трону", куда вошел Сайондзи. На императорской конференции 2 июля обсуждался вопрос: должна ли Япония немедленно напасть на Советский Союз? Конференция проходила в обстановке глубочайшей секретности. Одзаки нервничал. К трону его не пустили, хоть и считалось, что он помогает трону.

Еще не опустели залы императорского дворца, а Сайондзи принес весть: принято решение об отсрочке нападения на СССР!

Для Одзаки подобное известие прозвучало музыкой.

На запрос Гитлера, почему Япония медлит с выступлением, Отт по совету Зорге телеграфировал: "В японской армии все еще помнят Халхин-Гол. В настоящее время Япония предпочитает воздержаться от нападения на Россию до более благоприятных времен; что же касается Англии и США, то вопрос, возможно, будет решен положительно: взоры Японии устремлены на Юго-Восточную Азию и на владения США и Англии в Тихом океане".

Фашистские орды стремительно катились к Москве. Захвачена Литва, Латвия, Западная Белоруссия, Западная Украина. В августе фашисты подошли к Ленинграду, захватили Киев, Смоленск. Началось наступление на Москву.

Вероятность нападения Японии на дальневосточные границы вынуждала советское командование держать в Сибири и на Дальнем Востоке хорошо

снаряженные дивизии, арtpолки и танковые бригады. Если бы не существовало угрозы!..

Одзаки настойчиво доказывал принцу Коноэ: "Советский Союз не собирается нападать на Японию, и, даже если последняя вторгнется в Сибирь, он будет просто обороняться. Война с русскими явится близоруким и ошибочным шагом, так как империя не получит от нее каких-либо существенных политических или экономических выгод, если не считать неосвоенных просторов Восточной Сибири. Великобритания и Соединенные Штаты будут только рады, если Япония ввяжется в войну, и не упустят возможности нанести свой мощный удар после того, как ее запасы нефти и стали истощатся в борьбе с русскими. Зачем спешить? Если Гитлер одержит победу, что маловероятно, так как германское командование недооценивает возможностей Красной Армии, то Сибирь и Дальний Восток и так достанутся Японии, причем для этого ей не придется шевельнуть даже пальцем".

Премьер соглашался с доводами, обещал на первой же аудиенции изложить их императору.

Германский посол приходил в ярость от своего бессилия уговорить японцев. Он обращался за советами к мудрому Зорге, но тот лишь пожимал плечами. По-видимому, разумнее всего не торопить принца Коноэ. Грубым нажимом ничего не сделаешь.

Посол доказывал, что отказ японцев воевать с Россией бьет прежде всего по нему, Эйгену Отту: в Берлине им сильно недовольны и вообще могут отозвать в фатерланд, как отозвали многих. И не только отозвать - отправить на фронт, в самое пекло... Говорят, немецкая армия несет огромные потери, даже генералы считают, что блицкриг провалился...

Да, за последний год Эйгену не везло. Словно чья-то невидимая, властная рука холодно, расчетливо подводила посла к краху. Почему японцы не хотят ввязываться в военный конфликт с Россией? Потери германской армии на первом же этапе войны колоссальны, и этого, к сожалению, не скроешь...

Специальный посланник Гитлера Улах был занят изучением возможностей Японии для выступления против СССР. Этим же вопросом занимались Зорге и Одзаки. У специального посланника дело не клеилось: ведь приходилось пользоваться официальными и полуофициальными данными, как правило маскирующими подлинную картину. Улах был плохим экономистом. Простым бухгалтерским подсчетом он пытался установить истину. Кроме того, он в основном изучал возможности японской армии, игнорируя такую скучную вещь, как хозяйственная структура страны. Увы, он не был диалектиком и меньше всего стремился к объективности. Фюреру нужен вывод: Япония в состоянии вести войну с Россией. Это требуется подтвердить фактами. Сделай Улах другой вывод, он сразу же попал бы в немилость. А так как он это знал, то и старался представить все в выгодном для себя свете.

Зорге и Одзаки интересовала истина. Только истина. Как бы горька она ни была. Они вели кропотливую работу. Наконец-то исполнилась мечта Рихарда: он занялся изучением тяжелой промышленности. Это пригодится и для книги. Но сейчас он меньше всего думал о книге. Речь шла о жизни и смерти Советского государства. Так ли уж сильна Япония, как кричит о том печать и как доказывает вся разветвленная сеть японской пропаганды? Есть ли смысл держать огромную армию в Приморье и в Сибири? Нельзя ли высвободить дивизии с Дальнего Востока и бросить их

под Москву?

Вот решением каких вопросов были заняты два мощнейших ума. Они располагали такими материалами, какие Улаху и не снились. У них имелся почти десятилетний опыт изучения экономики Японии, огромная эрудиция помогала легко оперировать фактами, производить глубокий анализ, давать безошибочную оценку. Они располагали данными концернов. С начала 1940 года отдел информации ЮМЖД, где Одзаки чувствовал себя хозяином, регулярно обменивался данными с отделом информации компании "Мицуи Буссан Кайся", представляющей тяжелую промышленность; Мияги поддерживал тесную связь с крупными промышленниками Хоккайдо-Тагути, Угэнда и другими. Организация Зорге имела данные о новых капиталовложениях в военную промышленность, о запасах каменного угля и нефти, выплавке стали, меди, свинца, цинка, производстве алюминия, о зависимости от иностранных источников снабжения, продовольственных ресурсах, транспорте, государственном бюджете; а в общем - о военном потенциале страны...

Зорге и Одзаки анализировали, суммировали факты, и перед мысленным взором проявлялись, словно на негативной пленке, контуры хозяйственной структуры Японии.

То была увлекательная работа, и Рихард страшился, что не успеет закончить ее до ареста. Шпики не отступают ни на шаг, приходится изодраться, чтобы хоть на время избавиться от них.

Цифры, цифры... Где следует искать самое уязвимое место вот в этой хозяйственной структуре? Может быть, государственный бюджет? Да, государственный бюджет подобен барометру. Он показывает: в Японии не все благополучно с финансами - страна переживает большое финансовое напряжение, государственный долг только в связи с принудительными займами у населения превысил двенадцать миллиардов иен, безраздельно царит инфляция. Очень плохо с продовольствием. Наиболее слабое место в экономике - зависимость от иностранных источников снабжения.

Но самое уязвимое место, оказывается, - горючее! Да, да, не финансы, не продовольствие, не машиностроение, а горючее. Запасы нефти у промышленности всего лишь на полгода. Флот, авиация, танки обеспечены горючим весьма скудно и непригодны для ведения затяжной войны. А то, что война с Советским Союзом будет носить затяжной характер, видно на примере Германии. На "молниеносное" отторжение Приморья и Сибири рассчитывать не приходится. Современная война требует грандиозного расхода сырья, топлива, материалов.

Вывод таков: производственные и природные ресурсы Японии явно недостаточны для ведения длительной, напряженной войны; военный потенциал империи не идет ни в какое сравнение с военным потенциалом СССР!

На очередном "завтраке" Одзаки представляет премьеру Коноэ обстоятельный доклад, излагает его суть. "Вы становитесь адвокатом России", - говорит принц. "Я адвокат Японии", - отвечает Одзаки. Доклад эксперта произвел громадное впечатление на премьер-министра. Он срочно созвал кабинет. Как всегда, сражались две группировки. Но у сторонников войны с Советским Союзом отсутствовали убедительные аргументы. Да и что, кроме крикливых воинственных фраз, они могли противопоставить железной логике фактов доклада Зорге и Одзаки? В конце концов пришли к компромиссному решению. 30 июля Зорге радировал: "Япония решила сохранять строгий нейтралитет".

Первая победа воодушевила друзей. Одзаки стал вести работу по разложению приближенных премьера. Зорге обильно снабжал его материалами о поражениях германской армии, о настроениях среди солдат и офицерского состава. Всю эту информацию подбирал по просьбе Зорге помощник посла Мальхтайлер, и она благодаря Одзаки сразу же становилась известной японскому премьер-министру.

Одзаки прав: обстоятельства, конкретные исторические условия в большинстве случаев выше пожеланий отдельных личностей, как бы агрессивно они ни были настроены.

6 сентября Зорге заверяет Центр: если Красная Армия сохранит боеспособность, нападения Японии вообще не последует. Намечается проведение нескольких мобилизаций, но цель их - пополнить Квантунскую армию для дальнейших действий в Китае. Япония занята подготовкой к продвижению на юг и к войне на Тихом океане. Что же касается СССР, то "все это означает, что войны в текущем году не будет..." Япония на Дальнем Востоке не выступит!

И последняя радиограмма: "После 15 сентября 1941 года Советский Дальний Восток можно считать гарантированным от угрозы нападения со стороны Японии. Рамзай".

Зорге взял на себя огромную ответственность. Теперь ему должны поверить, не могли не поверить... Он живо представлял, как из глубин Сибири движутся на фронт эшелоны. Туда, к Москве...

Он сделал все, что было в человеческих силах.

Эшелоны шли на запад день и ночь, полки и танковые бригады вливались в соединения, обороняющие Москву...

Он сделал намного больше, чем было в человеческих силах.

Организация выполнила свою задачу. И сейчас, когда все было завершено, она имела право позаботиться о собственной безопасности.

Зорге не мог прекратить деятельность организации, не получив разрешения Центра. Он составил обстоятельную радиограмму, в заключительной части которой говорилось: "Дальнейшее пребывание в Японии бесполезно. Поэтому жду указаний: возвращаться ли на родину или выехать в Германию для новой работы? Рамзай".

Он еще надеялся поработать в Берлине, в самом логове врага. Но надеждам не суждено было осуществиться. Клаузен даже не успел передать последнюю радиограмму.

<h2>АРЕСТ И СЛЕДСТВИЕ</h2>

Существует много версий по поводу того, как японской контрразведке удалось раскрыть организацию Зорге. Тут и утерянные якобы членами организации документы, и проверка японскими агентами сведений, поступающих в разные страны, и прямое предательство, и особая проницательность контрразведчиков, и многое другое.

Но версии остаются версиями, если они ничем не подкреплены.

За девять лет существования организации ни один документ не был утерян. Если бы японская агентура имела доступ в Центр, где сходились все сообщения "Рамзая", то организация не просуществовала бы и месяца. Попытки обвинить в предательстве лиц, не имевших отношения к организации и даже не подозревавших о ней, лишены основания. Трудно апеллировать к особой проницательности контрразведки, которая целых девять лет не могла напасть на след "Рамзая". В основе подобных версий

проскальзывает утверждение, что организацию погубила простая случайность: где-то что-то не было продумано до конца. Потому-то, дескать, арест для Зорге явился неожиданностью.

На деле все обстояло совсем по-иному, случайность тут ни при чем.

Зорге решил прекратить деятельность в Японии. Почему? Ведь война Германии против Советского Союза была в полном разгаре, в посольство в Токио продолжали поступать из Берлина важные документы, характеризующие состояние фашистской армии; в самой Японии в диктаторы рвался профашистски и антисоветски настроенный генерал Годзио, и никто не сомневался, что в самое ближайшее время он придет к власти; японо-американские переговоры продолжались, и кто мог наверное сказать, к чему это приведет? Не изменится ли круто внешнеполитический курс Японии?

"Нет, не изменится", - утверждал Зорге.

Пребывание группы "Рамвай" в Японии дальше невозможно. В самый ответственный момент для судеб человечества она как бы приняла огонь на себя, сознательно пошла на самопожертвование. Она уже раскрыта, о чем свидетельствует хотя бы визит начальника японской контрразведки в германское посольство. Большая часть радиопередач перехвачена, нет сомнения - рация запеленгована. Слишком уж интенсивно велась работа в последние шестнадцать месяцев. То, чего контрразведка не смогла сделать за девять лет, она сделала за эти шестнадцать месяцев. Ей ясно одно: происходит стремительная утечка информации. В какую страну?

В Советский Союз? Но Япония в данный момент не собирается воевать с Советским Союзом, и подобная спешка радиооператора в таком случае труднообъяснима. Германия и Италия после заключения трехстороннего пакта отпадают.

Поскольку переговоры ведутся с Америкой, то больше всего заинтересованы в секретной информации американцы. Американская агентура ведет двухстороннюю связь с Филиппинами или с военно-морской базой, расположенной на одном из островков. Но как американские агенты могли оказаться в Японии? Они - из числа японцев, вернувшихся из США! В момент резкого обострения японо-американских отношений, то есть с приходом в июле 1940 года Коноэ к власти, агентура активизировалась.

Были составлены подробные списки "американцев", куда попал Мияги, а также многие его друзья, рассеянные по Хонсю. За каждым установили самый бдительный надзор. Первой вызвала подозрение некая Китабаяси из города Канагава, префектуры Вакаяма, шестидесятилетняя портниха, вернувшаяся из Америки в 1936 году. До начала 1940 года она проживала в Токио, но потом неизвестно почему переехала в префектуру Вакаяма. Оказывается, из США к ней пожаловал муж Псисабуро! Что могло задержать мужа на целых четыре года в США? Уж не подбросили ли ей помощника? На Китабаяси и раньше поступали доносы: она проявляет излишнее любопытство в разговорах с заказчицами. В Токио она считалась модной портнихой, в числе ее клиентов были жены генералов и других высокопоставленных лиц. Тайная полиция заинтересовалась прошлым Китабаяси Томо. Выяснилось, что одно время она состояла в обществе Пролетарского искусства в Лос-Анджелесе и чуть ли не в компартии. А потом вдруг заделалась адвентисткой седьмого дня, стала верить в пришествие Христа. Все это наводило на размышления. Конечно же, Китабаяси связана с американской разведкой! Во всяком случае, это следует проверить. Были опрошены адвентисты. К Томо Китабаяси иногда

приезжает из Токио некто Мияги, ее бывший квартирант в Лос-Анджелесе. Очень приятный человек лет сорока. Болен чахоткой...

Томо и ее мужа Псисабуро Китабаяси арестовали 28 сентября 1941 года. Томо и не собиралась отрицать, что хорошо знает художника Мияги. Разве есть что-нибудь предосудительное в знакомстве с собственным квартирантом?..

За домом Мияги установили наблюдение. Каждый шаг художника фиксировался. А он даже не догадывался ни о чем. Продолжал встречаться с Одзаки. Разумеется, он соблюдал необходимые меры предосторожности. Но сейчас любой его поступок, даже самый незначительный, казался полиции подозрительным. От Мияги ниточка вела к Одзаки, от эксперта - к Зорге, от Зорге - к Максусу и Вукеличу. Двенадцать дней тайная полиция отслеживала, с кем общается художник.

Японская контрразведка, конечно же, в первую голову занялась активным изучением всех иностранцев; за иностранцами шли все вернувшиеся в разные сроки в Японию из-за границы, потом - близкие знакомые всех этих лиц. А так как Мияги общался со многими, то в список попали главным образом те, кто никакого отношения к организации не имел. Одзаки хоть и попал в список, но его кандидатура вызвала у контрразведки глубокие сомнения: друг принца Коноэ, член "группы завтрака". Правда, за экспертом установили строгий надзор, но арестовывать его пока не решались.

И все-таки от наблюдательного Мияги не ускользнуло, что за ним установлена слежка. Кто-то побывал в квартире в его отсутствие, рылся в бумагах. Художник кинулся к тайникам: секретное донесение, подготовленное для Зорге, исчезло! Все погребено... Бежать, скрыться, предупредить...

В дверь требовательно постучали. Мияги не отозвался, перешел в комнатку, служившую мастерской. Здесь лежали атрибуты древнего самурайского убранства, кривые мечи, кинжалы, сабля катана. Мияги схватил кинжал и стал ждать. Сейчас его схватят, будут истязать... Не все ли равно, когда умереть: на несколько месяцев раньше или позже?

И когда в мастерской появились рассвирепевшие полицейские, Мияги сделал по древнему обычаю харакири: символ глубокого презрения к врагам.

Но он был еще жив, и его увезли в больницу при полицейском управлении. А в квартире устроили засаду.

15 октября к дому Одзаки подкатила полицейская машина. Еще неделю назад было установлено, что эксперт тайно общается с иностранным журналистом Рихардом Зорге. Арест Одзаки произвели не без прямого указания генерала Тодзио. Генерал шел к единоличной власти и дал приказ тайной полиции собирать данные, компрометирующие принца Коноэ. Так он надеялся быстрее свалить своего противника. Причастность друга принца Одзаки к иностранной, возможно американской, разведке ляжет черным пятном на весь кабинет Коноэ.

Тодзио стоял во главе наиболее агрессивных кругов, мечтающих немедленно развязать войну против США. А Коноэ медлил, вел бесконечные переговоры. Начальник контрразведки доложил генералу Тодзио: в Японии существует подпольная агентурная сеть некой иностранной державы. В нее входят: Одзаки, немецкий журналист Зорге, коммерсант Клаузен, корреспондент агентства Гавас Вукелич и, возможно, художник Мияги; кроме того, задержан ряд подозрительных лиц, по-видимому связанных с

организацией. Передачи ведутся из квартир Зорге, Вукелича, Клаузена.

У Тодзио не было времени выяснять, заблуждается ли начальник контрразведки или не заблуждается, он приказал арестовать иностранцев. Если эти лица окажутся немецкими агентами, тоже большой беды нет: лишний повод уличить Гитлера в коварстве и мотивировать свой отказ от выступления против России.

...Дела в Японии были закончены. Зорге обдумывал, как эвакуировать группу на материк, подальше от японской полиции. Все сразу покинуть страну они не могли. Это вызвало бы подозрение, и их могли схватить на пароходе или же в порту. Зорге мог бы срочно вылететь якобы в Германию. Но он не имел права исчезать первым. Вукелича могло отозвать агентство Гавас. Свободному коммерсанту Клаузену оставалось сослаться на какой-нибудь выгодный контракт, требующий поездки на континент.

Но на подготовку всех этих мероприятий требовалось время. И случилось так, что в самый ответственный момент Рихарда подкосила болезнь: он получил из Германии известие о смерти матери.

Он лежал, погруженный в забытие. Иногда приходила японка Исии Ханako, приносила лекарства. Ее игра на гитаре-сямисэне успокаивала Рихарда.

С Исии Ханako Рихард познакомился несколько лет назад. Тогда он отмечал день своего рождения в баре-ресторане "Кетчер". Ханako пела перед гостями. Это был ресторан высокого класса, содержал его немец-эмигрант. Сюда брали только талантливых артистов. Тоненькая, грациозная Ханako казалась символическим воплощением этой удивительной страны Японии. На ней было светло-серое кимоно, перехваченное голубым поясом с огромными бантами. Пучок серебряных цветов дрожал в ее черных волосах. Грустная островная мелодия навевала воспоминания. Зорге поддался очарованию голоса Ханako. Он понял: перед ним истинный талант. Потом они встретились.

- Где вы учились? - спросил Рихард.

- На курсах медсестер, - ответила она. - Работала в больнице.

- Вам нужно учиться.

- К сожалению, у меня нет такой возможности. Ведь я должна сама зарабатывать себе на хлеб.

- Я хотел бы вам помочь... Можно нанять учителя. Только вы должны уйти из ресторана и учиться всерьез.

Они сделались большими друзьями. Когда обнаглевшие полицейские стали по пятам ходить за Рихардом и за всеми его знакомыми, он предложил Исии уехать в Шанхай.

- Рихард, я никуда не поеду. Вы сделали для меня слишком много, чтобы я могла оставить вас в самое тяжелое для вас время... Вам сейчас, как никогда, нужна помощь друзей.

Исии уже знала, чем занимается Зорге, почему за ним следит полиция, и помогала ему в работе: сторожила дом, когда Клаузен вел передачи отсюда.

В тот день, когда Рихард заболел, Макс взял его маленькую японскую машину и поехал за лекарствами. Но с Максом всегда что-нибудь да случалось. Так и на этот раз. Неожиданно рулевая штанга отделилась. Макс потерял управление. Машина перевернулась. Подошел полицейский, помог поставить машину на колеса, записал фамилию Макса. Этому маленькому происшествию Клаузен не придал значения. Лекарство он

все-таки доставил.

15 октября Клаузен застал Рихарда сильно взволнованным. Оказывается, Мияги и Одзаки не пришли на условленную встречу. За все годы такого еще не случалось. Мияги должен был прийти тринадцатого, а Одзаки - сегодня. Встреча с Одзаки планировалась в здании ЮМЖД в ресторане "Азия". Если бы не явился один из них, тогда задержку можно было бы объяснить непредвиденными обстоятельствами. А тут - оба... Ну а если они арестованы?..

Счастье слишком долго сопутствовало организации, и трудно было поверить, что все может закончиться вот так... Необходимо выяснить, почему задерживаются Одзаки и Мияги. В панику, конечно, вдаваться не следует. Нужно послать запрос в Центр. Пора свертывать работу. Ну а если все-таки прикажут остаться, что ж... Он посмотрел долгим взглядом на Макса и сказал: "Война... Мы, видно, застрянем здесь. Как бы там ни было, теперь мы должны во что бы то ни стало сделать все от нас зависящее, чтобы принести как можно больше пользы..."

Два дня спустя Клаузен вечером снова отправился к больному другу. Здесь уже сидел Бранко. Он принес новости о свержении кабинета Коноэ. Да, кабинет ушел в отставку. Власть захватил Тодзио. Он стал премьер-министром, министром иностранных дел и военным министром. Един в трех лицах. Завтра в Токио грандиозное празднество - день рождения императора.

Видно, между Зорге и Вукеличем состоялся большой разговор. Оба были в подавленном состоянии. Одзаки и Мияги так и не явились... Значит, арестованы. "Знаешь, Макс, уже началось, очередь за нами..." - сказал Зорге.

Пусть Макс сегодня же или в крайнем случае завтра передаст последнюю радиограмму. Передатчик и все прочее зарыть в саду. Пора готовиться к внезапному отъезду. Рихард утром поставит Отта в известность о своем намерении выехать в Германию. Бранно придется на время оставить семью...

Макс возвращался домой с тягостным чувством. За каждым углом чудились полицейские. И когда чуть ли не у самого дома ему повстречался сотрудник специального высшего отделения столичной полиции Аояма, Макс вздрогнул. Было часов двенадцать ночи. До сеанса оставалось всего полчаса. Клаузен решил, что благоразумнее сейчас не развешивать радиостанцию. Полицейский мог, конечно, повстречаться совершенно случайно. И все-таки...

Это был последний вечер организации.

18 октября 1941 года в 8 часов утра организация Зорге перестала существовать.

Налет на квартиры Зорге, Клаузена, Вукелича полиция произвела одновременно. Полиция учла и то обстоятельство, что по случаю национального праздника утром все находились у себя на квартирах, а не в учреждениях. Когда ворвались токко кэйсацу, Рихард Зорге не потерял самообладания. Он был уже одет. Его обыскали. Он лишь иронически улыбнулся. Он понял: все кончено. Предъявлять претензии к токко кэйсацу, исполняющим приказ начальника, бессмысленно. Они знали, зачем пришли сюда, и делали только то, что должны делать. "Во время моего ареста в моем доме находилось от 800 до 1000 томов книг. По-видимому, они немало озадачили полицию. Большая часть из них была посвящена Японии".

Обыск в квартире токко кэйсацу производили с большими предосторожностями: боялись адской машины. Через несколько минут Зорге был в инспекции полиции.

Клаузена решили заманить в инспекцию хитростью. "Ко мне пришли два незнакомых японца в штатском и предложили пройти в полицейский участок, чтобы уладить небольшое дело, связанное с автомобильной катастрофой, в которую я попал, наехав на японского мотоциклиста. Они сказали, что уладят это дело прямо в инспекции. У меня действительно был несчастный случай, но я не знал, что наехал на кого-то. Я не мог сказать ничего определенного, так как узнал обо всем только сейчас. Дело выглядело совсем безобидно. Они оба были любезны со мной".

Когда Макса увели, японская любезность мгновенно улетучилась: в дом ворвалась целая орава полицейских, одетых в защищающие от пуль рубашки.

"Только что я собиралась подняться по лестнице, как в этот момент группа полицейских вломилась в дверь, - вспоминает Анна. - Один из них, как обезьяна, бросился ко мне, поймал меня за руку и вместе с подскочившими другими полицейскими вцепился в меня, не давая мне двинуться. Все другие с большими предосторожностями приступили к обыску. Сначала они боялись прикасаться к предметам, трясли меня за плечи и принуждали сказать, нет ли в доме адской машины. Я сказала, что нет, но они продолжали быть осторожными. В квартиру набилось до двадцати полицейских во главе с прокурором Иосикава. Этот прокурор, подпрыгивая, тряс кулаками, тыкал их мне в лицо и приговаривал: "Говори правду, коммунистка, я тебе покажу..." Ключами они открывали шкафы, чемоданы и вот открыли сундук, в котором был спрятан аппарат и все другие вещи и части к нему, лампы к передатчику, шифрованные и незашифрованные радиogramмы и какая-то книжечка на японском языке, фотоаппарат и американские деньги. Когда они обнаружили этот сундук, то двинулись к нему, но один из полицейских что-то скомандовал, и все замерли, из желтых стали зелеными, потеряли дар речи. Они долго молча смотрели друг на друга, даже мои руки отпустили. Я повернулась спиной к шкафу, где в маленьком выдвижном ящике были фильмы, еще не обнаруженные полицейскими... Они поискали еще, забрали все, что нашли, и удалились. Со мной осталось только четыре шакала охранять меня, квартиру и особенно телефон. Вообще же они устроили засаду и оставили меня как приманку... Полицейский у двери в коридор заснул мертвецким сном и внизу, слышу, никто не шевелится. Тогда я вышла в ванную комнату, а оттуда перебралась в комнату, где были спрятаны фильмы, 8 штук, какая-то бумага, написанная Рихардом и принесенная накануне вечером Максом. Я взяла это все и принесла в ванную комнату. Бумагу я разорвала на мелкие клочки и спустила в унитаз, а фильмы засунула в газовую колонку... Через 13 дней такой жизни полицейские оставили меня одну. Я достала из газовой колонки фильмы и сожгла их в камине. В квартире производили обыск целый месяц. Группы полицейских с фотоаппаратом снимали все подряд. Специалисты рассматривали в лупу все предметы, каждую бумажку, искали отпечатки пальцев посторонних людей..."

При аресте Вукелича присутствовала его жена Иосико. Когда в дверь постучали, Бранко сказал: "Око, посмотри, кого там принесло в такую рань". Сам он пил кофе. "Я открыла дверь и увидела полицейских. Бранко продолжал спокойно пить кофе. Он лишь надел очки, чтобы получше разглядеть непрошенных гостей. Полицейский заговорил с ним по-японски.

Из этого я сделала заключение, что ему о Бранко известно все. Бранко и в эту тяжелую минуту не покинуло чувство юмора, так присущее ему: он предложил полицейскому кофе. Тот отказался и дал распоряжение производить обыск. Потом Бранко простился со мной, поцеловал семимесячного Хироси. Бранко увели. Полицейские продолжили обыск. Они обнаружили радиостанцию, но назначения ее не поняли. Я сказала, что это принадлежности фотолаборатории. Когда они ушли, я выбросила радиостанцию в мусорную яму".

Анну Клаузен арестовали утром 17 ноября.

Аресты продолжались вплоть до июня 1942 года.

По делу организации Зорге было привлечено много японцев, в их числе граф Сайондзи Кинкадзу. Большинство из них не имело отношения к организации и даже не подозревало о ее существовании. Это были художники, друзья Мияги по Лос-Анджелесу, студенты, заказчики, комиссионеры и даже один владелец фабрики. Они никогда не слышали имени Зорге; Мияги и Одзаки никогда не давали им никаких заданий да и не могли давать, потому что организацию прежде всего интересовали происки Германии в отношении Советского Союза и Японии, попытки германской дипломатии сделать Японию союзницей в войне против СССР. Но почти все арестованные были убежденными антифашистами, противниками войны - и этого было достаточно для полиции, чтобы зачислить их в организацию.

В Японии много политических тюрем: Итигая, Акита, Тиба, Косуги, Мияги, Тоеама, Сакал, Нара, Точиги, Абасири, Футю... - всех не перечислить. Какая из них хуже? Есть ужасная тюрьма Абасири на Хоккайдо, где чаще всего умирают от крупозного воспаления легких. В тюрьме Тиба неизменно заболевают пиореей и теряют зубы, в тюрьме Мияги лысеют, в тюрьме Сакал страдают язвой желудка, так как здесь кормят неразмолотым ячменем. В Точиги умирают от туберкулеза. Во всех тюрьмах применяют средневековые пытки. Самая жестокая из них - сакуи, что значит - корсет. Это особо изготовленный корсет для сдавливания тела. После пыток сакуи в грудной полости происходит кровоизлияние, и человек умирает.

Но есть каторжная тюрьма за высокой бетонной стеной, похожая сразу на все тюрьмы Японии, - Сугамо. Из Сугамо редко кто выходит живым. Здесь содержатся "особо опасные". Узенькая бетонная камера, душная, грязная, где темно от избытка блох: крошечное оконце под самым потолком. Двор разделен на восемь секторов. Сюда выводят на прогулку.

Рихарда Зорге и его товарищей поместили в тюрьму Сугамо. Так как до суда было еще далеко, это считалось превентивным заключением.

Зорге не оставил нам воспоминаний о годах, проведенных в Сугамо. Но какие существовали порядки в японских тюрьмах и полицейских "свинарниках", мы знаем из рассказов Макса, Анны и других. Анна Клаузен рассказывает: "Со двора по темной мокрой лестнице спустили меня в подвал. Там было темно, только у самой двери горела маленькая лампочка. Ничего не было видно. Только через несколько минут я увидела, что в яме по обеим сторонам у стенок - черные клетки, а в них плотно друг к другу сидели на полу люди. На каменном полу была вода. Полицейские вампиры сорвали с меня одежду, вплоть до белья, сорвали с ног туфли, чулки. Один из полицейских запустил свои лапы в мои волосы и визжа растрепал их, остальные хохотали, словно шакалы. Меня

затолкали в одиночную камеру и бросили вслед только белье. Я осмотрелась. По стенкам текла вода. Соломенная циновка была мокрая. Несло невероятной вонью. В каменном полу в дальнем углу была дыра - параша. Когда меня закрыли, я долго стояла без движения. Наконец обессилела и опустилась на колени.

Поздно вечером меня, босую, по грязной мокрой лестнице повели в контору. Идти я не могла и чувствовала, что серьезно заболела. В конторе сидело девять вампиров. Один из них был врач, который, осмотрев меня, сказал: "Ничего не выйдет". Тогда меня снова стащили в яму, только бросили на этот раз какую-то подстилку. Я легла и, задыхаясь, потеряла сознание. Это они, видимо, обнаружили. Врач сделал мне шесть уколов, и вновь потащили меня в контору, больную и разбитую.

Группа жандармов во главе с прокурором Иосикава приступили к допросу. Прокурор бил кулаками по столу, размахивал руками и кричал: "Ты, коммунистка, хитрая, я тебя знаю! Но я заставлю тебя говорить". Я молчала, не могла отвечать. И немудрено: мне три дня не давали пить и есть. Ничего не добившись, они посадили меня в машину и отвезли в тюрьму. Закрыли в камере на втором этаже. Сразу же пришел врач... Врач сказал, что у меня нервное потрясение. Я мучительно страдала месяцев семь..."

Макс дополняет рассказ жены: "...Следствие продолжалось около года... Затем дело было передано судебному следователю. Нас каждый день возили в здание суда на автобусе вместе с японскими заключенными. При этом нам одевали на голову остроконечную соломенную шляпу с прорезями для глаз, так как шляпа надвигалась до подбородка..."

Японская контрразведка наконец-то поняла, что имеет дело не с американскими агентами, а с коммунистами, с советскими разведчиками, и ярость ее от того возросла еще больше. В Сугамо придерживались старого девиза японской полиции: "Не оставлять в живых коммунистов, но и не убивать их".

Следствие подвигалось туго. Все члены организации вели себя с большим достоинством. Да, они знали, что помогают Советскому Союзу. Делали это сознательно, добровольно, так как именно там духовная родина всех, кто борется за свободу собственной страны, кто ненавидит войну. "Лекарством от всех социальных болезней является коммунизм!" - упрямо повторял художник Мияги. Его вылечили. Но лишь затем, чтобы каждый раз при допросах подвергать все новым и новым пыткам. А он с холодным упорством обреченного на смерть человека отвечал на все пытки: "Я пришел к выводу о необходимости принять участие в работе, когда осознал историческую важность задания, поскольку мы помогали избежать войны между Японией и Россией. Я знал, что буду повешен..." "Единственно важная информация, которую я надеялся получить заранее, - это точное время возможного нападения Японии на Россию, - заявил Одзаки. - Я защищал Советский Союз!.. За время моего деятельного общения с Зорге в Японии от меня часто требовали информации, которая имела непосредственное отношение к обороне Советского Союза. Поэтому я догадывался, что эти сведения использовались непосредственно Советским Союзом. Но это не изменило моих взглядов".

Подобные заявления приводили в неистовство следователей. Им приходилось иметь дело не просто с группой агентов, "почтовых ящиков", а с глубоко идейной организацией, беззаветно преданной общему делу, лишенной всяких шовинистических предрассудков. Эту силу нельзя было

сломить пытками, издевательствами, унижением человеческого достоинства. Они были непреклонны и не отрекались от своих взглядов.

Вукелич открыто презирал своих мучителей. Он заявил, что его убеждения являются его личным делом и отречься от них он не намерен. Пусть не усердствуют, отвечать на вопросы он все равно не будет.

Макс выработал свою систему: говорить только о себе. Он понимал, к чему стремится тайная полиция: выявить всех лиц, причастных к организации. На первом этапе это было главным. Он, Клаузен, никого не знает. Он - технический исполнитель, его специальность - радиосвязь; к остальному он никакого отношения не имел. Одзаки, Мияги? Нет, таких фамилий он не слышал. Вукелич? Откуда Максу знать, чем занимаются журналисты? Он, Клаузен, простой человек, а Вукелич к нему хорошо относился. Никаких радиопередач из дома Вукелича Макс никогда не вел.

А вот как вела себя на допросах Анна: "На допросы меня выводили всегда две стражницы под руки, так как ноги мои не действовали. Сняли с меня 42 допроса в помещении все той же тюрьмы. Допросы иногда продолжались по семь часов подряд и были мучительны... Я старалась отпираться, где только можно, не называла людей, с которыми была связана по работе, и отвечала незнанием... Мне показывали снимки нескольких людей, я не признала ни одного, ссылаясь на плохое зрение и плохую память на лица. Как-то переводчик вышел из терпения и сказал: "Мне с вами, коммунисткой, церемониться надоело. Если бы я имел власть, я бы задушил вас всех своими собственными руками". Я ответила, что ему этого не сделать, коротки руки, ибо коммунистов в Японии так много, что с ними не так легко справиться..."

Организация перестала существовать как функционирующая единица, но боевой дух ее людей не был сломлен и его не удалось сломить до конца.

Самое пристальное внимание следователей было приковано к фигуре руководителя организации, ее идейного вдохновителя Рихарда Зорге. Они сразу же разгадали, что имеют дело с личностью необыкновенной, и с чисто профессиональной точки зрения не могли не восхищаться им. Целых девять лет на глазах сонма полицейских и контрразведчиков он объединял вокруг себя большую группу людей, сумел спаять их в безукоризненный, четко действующий механизм, в коллектив, не знающий ни страха, ни усталости, жертвующий личным благополучием во имя великого дела. Он даже приближенных японского императора и приближенных Гитлера заставил работать на себя! Какой дерзостью, какой неизмеримой отвагой нужно обладать, чтобы в самом гнезде врагов творить поистине чудеса!..

Ничего подобного в истории разведки всего мира еще не встречалось.

Зорге вел себя спокойно. Не жаловался на изощренные пытки, на дурное обращение, не предъявлял претензий. Лишь однажды попросил не надевать наручники. Наконец-то и у этого железного человека нашлось уязвимое место! Ему отказали в резкой форме. Он не настаивал.

Тюремщики чувствовали к нему невольное уважение.

Он часами сидел на циновке в глубокой задумчивости, и дежурные у дверей не решались окликать его. Зорге вовсе не напоминал человека, который проиграл все и теперь должен смириться. Нет. Собственная участь ему наперед была известна. На снисхождение врагов он не мог рассчитывать, да и не рассчитывал.

Он думал не о себе. Он думал о том, как спасти своих товарищей,

как смягчить их участь, снять с них ответственность перед шатким японским законом. Эту ответственность он целиком возьмет на себя. Он будет умалывать значение каждого, сводить его к нулю, если нужно, чернить за бездеятельность и саботаж. Сейчас речь идет не о заслугах каждого перед организацией, не о славе, а о спасении жизней. Спасти Вукелича, Макса, Анну, Мияги. Одзакки выгородить труднее - милитаристы ничего не простят ему, они ждут расправы над ним. Конечно же, Тодзио каждый день справляется о ходе следствия, торопит. Следствие нужно затянуть на максимальный срок, отодвинуть виселицу. Возможно резкое изменение международной обстановки, если дела у Советского Союза пойдут хорошо. А теперь они должны измениться в лучшую сторону...

В шесть утра на голову Зорге надевали густую сетку, закрывавшую лицо, и в машине под большим конвоем везли на допрос. Стараясь затянуть время, Зорге первый месяц вообще не отвечал. Правда, он с большим вниманием выслушивал следователей: хотел знать, что уже известно им. Начинались пытки. На все изувержства Зорге отвечал холодной улыбкой. Он никогда не боялся боли, многие годы приучал себя быть нечувствительным к ней. Его могли исколоть, растерзать, но не смогли бы выдавить из него ни единого звука. Ведь он немало времени потратил на то, чтобы изучить все разновидности японских пыток, и заранее подготовился к ним. А так как в застенках пытки применялись чаще всего к коммунистам, Зорге собрал огромный изобличающий материал. Он знал все японские тюрьмы наперечет, знал особенности каждой, так как глубоко интересовался жизнью своих собратьев, японских коммунистов, а они большую часть жизни проводили именно в тюрьмах. Здесь были свои бессмертные герои: коммунисты Сеити Итикава, Масаносукэ Ватанабэ, Гоитиро Кокуре, Ивата. Прокурор Тодзава, замучивший не один десяток коммунистов, откровенно хвастал: "Ребята из полиции находятся у меня в повиновении и работают по моим указаниям; симпатичные ребята. Не могу же я их каждый раз предавать суду только за то, что они убили коммуниста".

Эти "симпатичные ребята" выворачивали руки Зорге, вгоняли иглы под ногти, до хруста сжимали запястья в бамбуковых тисках. Но даже они пришли в изумление: Зорге молчал.

Весть о необыкновенном мужестве "хромого" быстро распространилась среди надзирателей и вселила в них боязливую веру в что-то сверхъестественное, исходящее от этого человека. Зорге стал легендой. Даже тут он сумел вызвать к себе расположение, завоевать симпатии.

И неожиданно он заговорил. Нет, не телесные пытки заставили его заговорить. Во время следствия ему показали пространную выписку из картотеки гестапо, присланную из Германии и заверенную всеми подписями и печатями. Скрупулезно перечислялись все коммунистические грехи Зорге, особо указывалось на его близкую связь с известными деятелями Коминтерна. "Вы - агент Коминтерна!" - закричал следователь. "Я - гражданин Советского Союза и помогал своей Родине, Красной Армии. Коминтерн к этому делу не имеет никакого отношения", - ответил Зорге.

И следователи снова и снова убеждались, что имеют дело с незаурядным человеком, искуснейшим дипломатом. Да, Зорге и не думал отрицать, что работает на Советский Союз, на Красную Армию. В этом не было нужды. Тем более что только кэйсацу пытались приплести к этому делу Коминтерн, обосновать существование некой всемирной разведывательной организации Коминтерна и тем самым лишней раз

оправдать заключение Японией "антикоминтерновского пакта". Организация Зорге сыграла свою роль, выполнила долг до конца, помогла советскому народу в его кровопролитной борьбе. Остальное уже не имеет значения. Даже на будущее. Что могут дать японской контрразведке частные штрихи деятельности организации, которой уже не существует? Даже опытом этой организации империалисты не смогут воспользоваться, ибо в капиталистическом мире иное представление об идеалах. Организация была единственным в своем роде оригинальным творением, и повторить ее нельзя, ибо повторение - уже шаблон, а шаблон в разведке неизбежно ведет к провалу.

Глупцов из токо кэйсацу интересуют всякого рода сыскные мелочи, они до сих пор не могут уяснить, что же произошло, какого масштаба явление перед ними. Они слишком увязли в своей шпиономании, ибо сами привыкли охотиться за грошовыми истинами. Разведывательная организация представляется им не творческим коллективом умов, а некой административной единицей с шефом во главе, с набором шпионских аксессуаров: воздушных пистолетов, адских машин, яда, банкнот иностранного государства, инструментов для взламывания сейфов и, конечно же, передатчика, изготовленного институтом разведывательного управления. А оказывается, главный инструмент разведчика, раскрывающий сейфы с государственными тайнами, - ум. Способность к аналитическому мышлению. Способность самому становиться источником информации. Способность быть незаменимым в среде тех людей, которые хранят государственные тайны. Способность быть патриотом до конца.

Следователям казалось, что они допрашивают Зорге. А на самом деле он использовал эти допросы для того, чтобы внушить, навязать представителям судебных органов свои мысли, повернуть ход их мышления в нужном для организации направлении. Следователи имели дело с самым коварным материалом - человеческим разумом, изощренным умом мыслителя.

Он был страшен в своем невозмутимом спокойствии. Словно он уже был по ту сторону жизни и теперь, отрешившись от себя, вел последнюю, глубоко логичную игру. Он и тут, на краю гибели, хотел оставаться хозяином положения.

Удалось ли ему это? Да, удалось.

"Рихард и я, - говорит Клаузен, - все время старались придавать работе моей жены как можно меньше значения. Мы говорили, что Анни всегда была против нас, что она делала все против своей воли, только постольку, поскольку является моей женой..."

Клаузена Зорге перед следователями старался обвинить в саботаже, в обуржуазивании. Дескать, он увлеклся коммерцией, разбогател, и это притупило его энтузиазм.

Зорге всякий раз выступал в роли страстного обличителя Макса, и в это в конце концов поверили. Даже американская разведка, занимавшаяся после войны изучением дела организации Зорге, впала в заблуждение, увидев конфликт там, где его не было и в помине: "Полиция поняла, что благосостояние Клаузена притупило его энтузиазм в отношении Советского Союза. Его все возрастающее разочарование, а также больное сердце, которое приковало его к постели с апреля по август 1940 года, вызывали его нежелание отправлять радиосообщения, которые Зорге подготавливал для него во все возрастающем количестве". Как известно, все было совсем наоборот. Только с середины 1939 года по день ареста Макс передал в эфир сто шесть тысяч групп цифрового текста, свыше двух

тысяч радиogramм, то есть в среднем - шестьсот радиogramм в год или - по две радиogramмы в день. Более интенсивного радиообмена в условиях конспирации трудно себе представить.

Вот уже воистину для американской разведки сильнее кошки зверя нет: там, где речь идет о частной собственности, все отодвигается на задний план. По-видимому, Зорге хорошо знал природу мышления деятелей японского суда и тайной полиции: ведь в капиталистическом мире она повсюду одинакова...

В этой трагической ситуации имелись и свои комичные стороны. Пока Зорге и Макс всячески старались принизить роль Анны, доказывая, что она в прошлом была чуть ли не белогвардейкой и до сих пор люто ненавидит Советскую власть, Анна расписывала инспектору Накамуре прелести жизни в Краснокутской МТС. "Когда же я рассказала про жизнь в Краснокутской МТС, где все имели собственных коров, овец, где все было дешево, а мы жили хорошо, инспектор Накамура вскочил с места и закричал, что я вру, и перешел на другую тему. Позже они спрашивали меня, рассказывала ли я кому-нибудь из японцев подобные сказки раньше. Я им ответила, что не рассказывала, но японский народ все равно будет еще слышать правду о жизни в СССР помимо меня".

По поводу участия в организации Бранко и Мияги Рихард заявил: "В то время как я находил свою работу в качестве журналиста скучной и утомительной, потому что моей настоящей работой была разведка, Вукелич тратил все больше и больше усилий на свою корреспондентскую работу и передавал мне безо всякого разбора все, что он слышал. Всю оценку он возлагал на меня... Данные, которые доставлял де Вукелич, не были ни секретными, ни важными, он доставал только те новости, которые были известны каждому корреспонденту. То же самое можно сказать о Мияги, который не имел возможности узнавать государственные тайны..."

Так как на защиту рассчитывать не приходилось, Зорге тщательно готовился к суду. Он еще надеялся померяться силами с японскими судьями, защитить Одзаки, во всяком случае, попытаться смягчить приговор. Что касается себя - он готов был на все, решил не уступать врагу ни в чем до конца. Он хорошо знал, что по жестоким японским законам каждый член организации заслуживал смертного приговора. И все-таки он хотел спасти всех...

А как реагировали на арест Зорге в германском посольстве?

Когда Отт и Мейзингер узнали об аресте, они пришли в негодование: опять эти японцы со своей шпиономанией что-то напутали! Рихард - разведчик некой иностранной державы? В то время как германская армия задыхается на полях России, японцы издеваются над гражданами третьего рейха... Новому премьеру Тодзио это так не пройдет. Отт и Мейзингер потребовали немедленно освободить Зорге (послу нужно было в спешном порядке составлять отчет, а он остался без консультанта). Гестаповец был шокирован действиями японской полиции. Ведь могли бы обратиться предварительно к нему, Мейзингеру, и он объяснил бы, что Рихард - чистокровный ариец, убежденный нацист, друг Геббельса и Гиммлера... Нет, идиотизм токкока не имеет предела.

Но японцы стояли на своем: раскрыта разведывательная организация во главе с Зорге, Клаузенем, Вукеличем. Освободить Зорге или хотя бы допустить к нему посла наотрез отказались.

Пришлось сообщить обо всем в Берлин. Перед этим посол и гестаповец устроили бурное совещание. Решили на всякий случай отречься

от Зорге, чтобы собственная репутация не пострадала.

Нет, Эйген Отт не мог поверить в подобный кошмар. Лучший друг Рихард, которому он доверял все тайны...

На сообщение Мейзингера из гестапо незамедлительно пришел ответ. Да, Зорге коммунист, связан с Советским Союзом!.. Дальше шел обстоятельный рассказ о подпольной деятельности в Германии, о связях Зорге с русскими коммунистами. Милый Рихард - коммунистический деятель большого масштаба, по матери - русский, а вовсе не чистокровный ариец, как думали Отт и Мейзингер! Мейзингер в спешном порядке передал материалы японской контрразведке. И только после этого у него состоялся разговор с глазу на глаз с послом. Условились не выдавать друг друга. Но в посольстве нашлись люди, которые доложили в Берлин обо всем: о близкой дружбе Отта с Зорге, об исключительном доверии, оказанном советскому разведчику сотрудниками посольства и особенно послом.

Морской атташе Венеккер был напуган не на шутку: ведь все знали о его приятельских отношениях с Зорге. Гибель карьеры, гибель всего... Очутившись у себя на квартире, Венеккер заперся на все замки, открыл чемодан Рихарда. Нет, он не собирался изучать бумаги советского разведчика; он зажег газ и старательно уничтожил на огне все триста страниц рукописной книги Зорге, посвященной истории Японии. Чемодан Венеккер выбросил.

Неожиданно Отту разрешили свидание с Зорге. Посол хотел отказаться, но Мейзингер посоветовал "довести игру до конца".

С некоторым страхом Эйген Отт ступил на территорию тюрьмы Сугамо. Как встретит его Зорге, который внезапно из друга превратился в самого заклятого врага? Ведь совсем недавно, когда Рихард заболел, он несколько дней лежал в доме Отта, и тут за этим советским разведчиком, ярким антифашистом ухаживали жена посла и девушка из посольства. Отт даже хотел устроить его в иокогамскую больницу, но Зорге не согласился - он дорожил временем.

О дальнейшем рассказывает Макс Клаузен:

"После того как меня освободили, я имел случай встретиться с Венеккером. Венеккер говорил о посещении Рихарда Оттом в тюрьме. Рихард вышел к нему, усмехнулся и сказал: "Это последний раз, когда я вижу посла Отта". Потом повернулся и ушел в камеру".

Риббентроп, поняв, что произошел крупнейший провал, еще до выяснения всех обстоятельств сместил Отта и назначил послом уже известного нам доктора Генриха Штаммера. Отту было приказано срочно явиться в Берлин. Разжалованный Отт знал, что его ждет в фатерланде: трибунал, каторга, а возможно - смерть.

Он добрался до Пекина, сменил документы, растворился в азиатских просторах. В Германию вернулся только после войны, когда ему уже ничто не угрожало.

Но Мейзингер не ушел от расплаты. Правда, его покарала не рука гестапо. Осенью 1945 года Мейзингера под конвоем доставили в Польшу, и тут "палач Варшавы" после народного суда был казнен.

<h2>"ЛЮБОВЬ, ПОДОБНАЯ ПАДАЮЩЕЙ ЗВЕЗДЕ"</h2>
И СМЕРТЬ

Как ни подгонял полицию премьер-министр Годзио, предварительное

следствие по делу организации Зорге затянулось почти на два года.

Фашистское правительство Гитлера потребовало выдачи Зорге и Клаузена, но японцы остались непреклонны. "Прокурор Ио сказал мне, - вспоминает Макс, - что они, японцы, отказались сделать это. С некоторой гордостью он заявил: "Мы отвергаем это требование, поскольку сами решаем свои дела... Мы никому не позволим оказывать на нас влияние".

Первоначально следствие по делу Зорге вел отдел безопасности, потом оно было передано отделу контроля за иностранцами. Японскими членами организации занимался только отдел службы безопасности.

За два года, как и предвидел Рихард, многое случилось.

Развязав войну на Тихом океане, Япония вовлекла в нее США, Англию, Индонезию, Канаду, Австралию, Индию, Новую Зеландию, Китай, Южно-Африканский Союз, Мексику и много других стран. Теперь уже Японии было не до нападения на Советский Союз. Предвидения Зорге и Одзаки сбылись. Гитлеровский "план Барбаросса" потерпел полный и окончательный провал. Надзиратели тюрьмы Сугамо почему-то часто собирались у дверей камеры Зорге и громко обсуждали международные события. Словно их радовало, что Германия очутилась на пороге краха: началось общее стратегическое наступление Красной Армии от Великих Лук до Азовского моря, уничтожена половина всех гитлеровских сил, находившихся на советско-германском фронте. Зорге казалось, что во всех этих победах есть заслуга и его организации.

Изменилось отношение к Вукеличу, Клаузенам. Так как Макс снова сильно заболел, его поместили в тюремный госпиталь, одели в красное кимоно. Макс скоро поправился, но врач не торопился его выписывать. "Этот врач, высокий, широкоплечий и красивый японец, делал все, чтобы поправить мое здоровье. Он держал меня в тюремной больнице два года, несмотря на то что я давно поправился". Вукелича оставили в покое, хоть он по-прежнему отказывался давать какие-либо конкретные показания. С Анной даже стали учтивы: "Судья сказал, что моему защитнику дано право защищать меня и что он сам как судья постарается облегчить мое положение. Он говорил также, что я не самостоятельно работала в организации, что такой страшный человек, как Зорге, увлек меня, как и многих хороших людей, и подчинил своей власти. Судья спрашивал меня, желаю ли я видеть мужа и Бранко. Я ответила "да"..."

Мужественное поведение Зорге во время следствия также в большой мере повлияло на судейских чиновников. Клаузен в связи с этим вспоминает: "После моего освобождения из тюрьмы адвокат Асанума сказал мне, что Рихард вел себя очень смело. Он меньше всего заботился о сохранении своей жизни, а просил смягчить приговор другим членам организации и все брал на свой счет. Я уверен, что Рихард до самой смерти вел себя так, как всегда. Я очень горжусь тем, что он считал меня одним из лучших друзей. Он говорил мне: "В этом мире, зараженном нацизмом, у меня есть ты; с тобой я могу говорить без неприятного чувства".

Свою звериную ярость полицейские вымещали на японских членах организации. Мягки замучили пытками, он больше не поднимался с постели. 2 августа 1943 года во время суда он умер. Ему было сорок лет.

Заклученным выдали чернила, бумагу, разрешили писать. О чем? О чем угодно. Пусть каждый изложит на бумаге свои политические взгляды,

как они складывались. Японских психологов в полицейских мундирах интересовала загадка организации Зорге. Откуда берутся люди такой твердости характера? Каковы побудительные причины их беспрецедентных действий? Нельзя ли все это взять на вооружение?

Клаузен отказался писать. В феврале он отморозил руки и ноги, не мог есть без помощи надзирателя, не мог передвигаться. Боль была настолько нестерпимой, хуже всяких пыток, что Макс даже подумывал о самоубийстве. Надзиратель Араи приходил ночью и утешал: "Крепись! Красная Армия разбила Гитлера на Волге и погнала дальше. Скоро ему - контрами, смерть..." Араи сожалел, что Макс не может писать, - все легче, когда занят чем-нибудь. Зорге, Вукелич и Одзаки вызов приняли, они до конца оставались журналистами и, понимая, что смерть уже подо двинулась вплотную, решили оставить живым свое политическое завещание. Во всяком случае, жандармам тут нечем будет поживиться.

Зорге писал на немецком языке. Свое повествование он начинает вопросом: "Почему я стал коммунистом?" И отвечает: "Мировая война 1914-1918 гг. оказала огромное влияние на всю мою жизнь. Если бы даже на меня не подействовали другие различные факторы, то, как мне кажется, в результате одной этой войны я стал бы убежденным коммунистом. Когда началась война, мне было всего каких-нибудь 18 лет, я учился в повышенной средней школе в районе Рихтфильд в Берлине..."

Партийный билет Э 0049927... Когда Зорге уже не будет, останется партбилет, сохранится навечно в партийных архивах. У Рихарда хорошая память. Профсоюзный билет Э 148990. Когда состоял в КПГ, номер партийного билета был 08678...

Номер партийного билета - это его пароль. Пароль врагам не сообщают, его хранят в своем сердце.

Он вдумчиво прослеживает события своей жизни, рассказывает о своих теоретических работах.

И постепенно перед нами вырисовывается облик человека, беззаветно преданного идеям коммунизма, рыцаря без страха и упрека, борца за мир, великого патриота Советского Союза, пожертвовавшего для Родины всем. Он дрался в окружении, но победил. Его приход сначала в КПГ, а затем в компартию Советского Союза - не случайность, а логический результат глубоких размышлений над судьбами мира. В главе записок "Мое изучение Японии" он анализирует свою деятельность в Японии, указывает, какое значение для разведывательной работы имело кропотливое изучение экономики, истории, культуры страны. "Я усердно изучал древнюю историю Японии (она и по сей день вызывает у меня интерес)..." В последних словах весь Зорге - ученый, исследователь, мыслитель. Даже на краю смерти он в состоянии думать о древней истории Японии, жалеть, что какие-то книги остались непрочитанными, незаконспектированными. Да, ему так и не удалось закончить книгу о Японии, успел написать всего триста страниц...

Записки Бранно Вукелича предельно лаконичны: всего пятнадцать страниц. Он также рассказывает, как политические события в Югославии и во всем мире привели его в ряды коммунистической партии, почему он согласился перейти на секретную работу. "Цель нашей организации - защищать Советский Союз от иностранного вмешательства". Очень тепло отзывается он о Зорге как о чутком, отзывчивом товарище и друге, истинном коммунисте.

Ни Зорге, ни Вукелич, ни Одзаки, ни другие члены организации в

своих записках не выдают никаких секретов - это завещания, рассказ о своей духовной жизни.

Уже находясь в камере смертников, Одзаки написал: "Ведь если вдуматься, я счастливый человек. Всегда и повсюду я сталкивался с проявлениями людской любви. Оглядываясь на прожитую жизнь, я думаю: ее освещала любовь, которая была как звезды, что сияют сейчас над землей; а дружба, сверкавшая среди них звездой первой величины..." Свои записки Одзаки облек в форму писем своей жене. (Позднее они были изданы под заглавием "Любовь, подобная падающей звезде".)

Он рассказывает о фактах своей жизни, о несправедливостях мира, которые побудили его избрать дорогу революционера-профессионала. В записках излагаются не только взгляды Одзаки на проблемы внутренней и внешней политики страны, но и даются оценки внутривосточного и международного положения Японии накануне и в годы второй мировой войны. Он рекомендует правительству использовать советское посредничество в китайском вопросе, ратует за широкое сотрудничество Японии и СССР.

Заседания Токийского районного суда проходили в августе - сентябре 1943 года. "Заседания суда по делам Зорге, Вукелича, меня, Отто и других проходили отдельно", - свидетельствует Клаузен. Судьи в черных с сиреневой расшивкой накидках, в высоких головных уборах меланхолично выслушивали Зорге. Что бы он там ни говорил, его участь уже была решена. Он был опасный, самый опасный... Таким пощады нет. Закрытое заседание не отличалось многочисленностью: коллегия из семи человек, стража, начальник контрразведки - вот и все.

Как построил защиту Зорге?

Прежде всего он вновь приложил все усилия, чтобы защитить своих товарищей. Приводил доводы, оправдывающие Макса, Анну, Бранко. Начал он так: "Японские законы являются предметом обсуждения как в широком смысле, так и в отношении каждой буквы текста. Хотя утечка информации, откровенно говоря, может быть наказана по закону, но на практике японская специальная система не налагает ответственности за сохранение тайны. Мне кажется, что при составлении обвинительного акта недостаточно внимания было уделено нашей деятельности и характеру информации, которую мы получали..."

Он обвинял японское правосудие в недомыслии, обвинял всю японскую систему, считал японские законы несовершенными. Нет, за всю долговременную службу японским судьям еще не приходилось слышать ничего подобного.

Он был последователен, логичен, знал экспансивный характер японцев, тонко провоцировал на дискуссию.

И дискуссия с подсудимым завязалась. Сначала в виде грубых окриков; потом Зорге стали объяснять сущность японского законодательства. Постепенно из обвиняемого он превратился в грозного обвинителя.

На каком основании арестованы Вукелич, Клаузены? Разве они нанесли какой-нибудь вред японскому государству? Разве японские журналисты, аккредитованные в Москве, не занимаются тем же, чем занимался Бранко? Разве есть какие-нибудь документы, уличающие Вукелича? Он состоял в организации? Состоять - это еще не значит быть активным. Разве формальная принадлежность к той или иной организации является достаточным поводом для привлечения к ответственности? Ведь

он, Зорге, состоял также в нацистской партии. Почему его не привлекают за это? Или фашистская партия в Японии узаконена?

"То, что можно назвать политической информацией, добывал Одзаки или я.

Я добывал информацию из немецкого посольства, но здесь опять-таки я считаю, что очень немногая информация, если такая была, может быть определена как "государственная тайна".

Ее сообщали мне охотно. Чтобы получить ее, я не применял никакой стратегии, за которую я мог бы быть наказан.

Я никогда не прибегал ни к обману, ни к насилию. Посол Отт и военные руководители просили меня помочь им писать донесения, в особенности Отт, который относился ко мне с большим доверием и просил меня прочитывать все его донесения, прежде чем отправлять их в Германию. Что касается меня, то я верил этой информации, так как она составлялась и оценивалась компетентными военным и морским атташе для использования генеральным штабом Германии.

Я полагаю, что японское правительство, представляя сведения в германское посольство, знало, что некоторые из них утекут.

Одзаки доставал большинство своих новостей из "группы завтрака". Но "группа завтрака" не являлась официальной организацией. Такие сведения, которыми обменивались в этой группе, могли обсуждаться и в других подобных группах, которых в настоящее время много в Токио. Даже такие сведения, которые Одзаки считал важными и секретными, на самом деле не являлись таковыми, так как он добывал их косвенным путем, после того как они уйдут из своего секретного источника..."

Меланхолия исчезла. Судьи были в растерянности. Никто из них не мог привести ни одного разумного довода против защиты Зорге. Заседание пришлось прервать "для дополнительного изучения вопроса".

Так повторялось несколько раз. Зорге по памяти называл параграфы японского права, приводил выдержки. Его обостренный ум уверенно шел сквозь лабиринт процессуального крючкотворства, заводил судей в тупик. Может быть, некоторые из них впервые поняли, до какой степени несовершенны и уязвимы японские законы. Оказалось, голыми руками Зорге не взять. Оставалось одно: заткнуть ему рот, ибо в противном случае суду не предвиделось конца.

Зорге объявили, что состоится последнее заседание суда. Теперь от него добивались, признает ли он себя виновным.

"Нет, не признаю! - заявил он. - Ни один из японских законов нами нарушен не был. Я уже объяснял мотивы своих поступков. Они являются логичным следствием всей моей жизни. Вы хотите доказать, что вся моя жизнь стояла и стоит вне закона. Какого закона? Октябрьская революция указала мне путь, которым должно идти международное рабочее движение. Я тогда принял решение поддерживать мировое коммунистическое движение не только теоретически и идеологически, но и действительно, практически в нем участвовать. Все, что я предпринимал в жизни, тот путь, которым я шел, был обусловлен тем решением, которое я принял двадцать пять лет назад. Происходящая германо-советская война еще больше укрепила меня в правильности того коммунистического пути, который я избрал. Я об этом заявляю с полным учетом того, что со мной произошло за двадцать пять лет моей борьбы, в частности и с учетом того, что со мной произошло 18 октября 1941 года..."

29 сентября 1943 года Токийский районный суд вынес приговор

Рихарду Зорге: смерть! Это был последний довод японского правосудия.

Одзакки также приговорили к смертной казни.

И все-таки доводы Зорге возымели свое действие: смерть обошла остальных членов организации.

Когда обвинение потребовало для Анны Клаузен семи лет заключения и принудительного труда, она возмутилась и потребовала пересмотра дела. "Когда я узнала, что мне присуждают семь лет без зачета предварительного заключения, то сказала суду, что это несправедливо. Переводчик Уэда заявил, что и этого мало, что я заслужила быть повешенной, а еще проявляю недовольство". Дело все-таки пересмотрели, срок сократили до трех лет.

Бранко Вукелича и Макса Клаузена обрекли на пожизненное заключение.

И за все время пребывания в тюрьме Клаузену лишь однажды, в конце лета 1944 года, удалось повидать Зорге. Макса под конвоем вели в кабинет адвоката Асанумы. И вдруг из кабинета вывели Рихарда. Макс закричал: "Выше голову, Рихард, Красная Армия победила!" "Рихард улыбнулся мне. Его лицо осветилось счастьем. Но тут ко мне подскочил тюремный чиновник и так двинул в бок, что я растянулся на полу... На суде я потребовал приговорить меня к смертной казни - я хотел умереть вместе с Зорге. Думаю, что это самое лучшее, что я мог в тот момент сделать в честь антифашизма..."

Приговор не сломил волю Зорге и Одзакки. Они подали апелляцию в верховный суд. И снова в апелляции Зорге защищает не столько себя, сколько своих друзей. Верховный суд не торопился с ответом.

Апелляция Зорге была отклонена в январе, а Одзакки - в апреле 1944 года. Их перевели в глухие камеры смертников. Ни тому ни другому не назвали день казни. Им предстояло прожить в гнетущем ожидании почти год. Каждую минуту мог войти начальник тюрьмы Ичидзима и объявить, что по приказу министра юстиции сегодня в таком-то часу состоится казнь.

Оба любили жизнь и даже на краю гибели умели пользоваться ее радостями. Зорге прислушивался к голосам надзирателей, жадно ловил известия о ходе войны. Сопоставляя отрывочные фразы, он приходил к выводу, что победа советского народа близка. Он и жил только надеждой на эту победу.

Одзакки писал свою последнюю книгу - исповедь "Любовь, подобная падающей звезде": "...Сейчас я ожидаю смерти... Я испытываю счастье при мысли, что родился и умру здесь, у себя на родине... Здесь, в тюрьме, моя любовь к семье вспыхнула с внезапной силой и стала источником мучительных переживаний. Первое время я просто не мог читать письма жены и смотреть на фотографии дочери, вложенные в них... Видимо, профессиональному революционеру нельзя иметь семью..."

Учительница моей дочери Йоко специально зашла сказать ей, чтобы она не стыдилась отца и продолжала ходить в школу..."

Рихард Зорге не дожидаясь Дня Победы Советского Союза над фашистской Германией всего полгода.

Те, кто видели его в последние месяцы без сетки на лице, свидетельствуют: он мало изменился со дня ареста. Все тот же спокойный взгляд голубых глаз, все то же несколько скорбное выражение рта и те же скупые жесты, уверенная походка, чувство собственного превосходства над судьями и полицейскими чиновниками. С надзирателями он был по-интеллигентски вежлив, хотя и не без суровости. Его имя произносили

шепотом. Вести из внешнего мира почти не доходили. Однако у Зорге появился доброжелатель: переводчик. И до суда, и во время суда, и после вынесения приговора этот симпатичный молодой человек с доброжелательной улыбкой на губах всегда находил удобную минуту, чтобы скороговоркой передать Рихарду обо всем, что творится на белом свете. Зорге продолжал притворяться незнающим японского языка. За последние годы у него сильно обострился слух. Где-то за тюремной стеной, может быть в парке или в сквере, висел репродуктор. Днем его заглушали звуки города, но в ранний час Зорге, лежа на циновке, прислушивался к бормотанию репродуктора и улавливал все.

Пока пульсирует кровь, пока мысль не угасла, его интересует ход событий там, в большом мире, куда он уже не вернется никогда, никогда... Теперь он часто думал о своей жене Кате. Хотя бы одну-единственную весточку от нее!.. Это скрасило бы последние дни... Не мог знать Рихард, что Кати больше нет в живых: она умерла 4 августа 1943 года.

В канун больших революционных праздников "Рамзай" всегда посылал поздравления товарищам в Москву. Вдали от Родины он с нетерпением ждал этих праздников, ибо они знаменовали какой-то новый рубеж в истории Советского государства. 1 мая и 7 ноября собирались обычно у Клаузенов - тут уже готов был вкусный русский обед; вспоминали годы, прожитые в Советском Союзе, и та, прошедшая жизнь как бы придвигалась.

Приходится удивляться садистской изощренности японской контрразведки и министра юстиции: именно день 7 ноября они избрали для казни Зорге и Одзаки.

В это утро 7 ноября 1944 года Зорге чувствовал себя бодро, он не подозревал, что до смерти остались считанные минуты.

Вначале палачи решили расправиться с Одзаки.

В девять часов в камере Одзаки появились стражники. Начальник тюрьмы Ичидзима ради соблюдения формальности спросил у осужденного фамилию, возраст и бывший адрес. Потом объявил, что по приказу министра юстиции сегодня, сейчас состоится казнь Одзаки. Ичидзима был опытным тюремщиком. Он знал, как некоторые смертники принимают страшную весть: обезумев, просят отсрочить казнь хотя бы на несколько минут. Как поведет себя этот "опасный коммунист"? Ведь умирают только один раз, будь ты императором или коммунистом...

Одзаки даже не изменился в лице. Он спокойно взял почтовую открытку, написал: "Я не трус и не боюсь смерти". Попросил передать письмо жене. Затем переоделся в чистый костюм и твердо сказал: "Я готов". Палачи надели наручники.

Его повели через тюремный двор к месту, где находилась железобетонная комната с высокими стенами. Когда Одзаки вошел в этот мрачный железобетонный мешок, он очутился перед золоченым алтарем Будды. Буддийский священник предложил смертнику чаю, сакэ, но Одзаки не принял "угощения".

"Жизнь и смерть - это одно и то же для того, кто достиг высшего блаженства. Высшее блаженство может быть достигнуто, если положиться на милосердие Будды..." - произнес священник. Это был ритуал.

Одзаки поблагодарил всех и еще раз повторил: "Я готов".

Он обошел алтарь и оказался в пустой комнате без окон с виселицей в центре. Под ногами находился люк. На глаза Одзаки надели черные очки. "Я умираю за народ!" - крикнул он.

В 9.33 люк раскрылся.

В 9.51 Одзаки Ходзуми не стало. Ему не было и сорока пяти лет.

"Как огни, гаснут люди, и нет ничего от них, как от огней, только пепел печали..."

...Когда начальник тюрьмы в сопровождении палачей вошел в камеру, Рихард Зорге понял, что час настал.

"Сегодня ваш праздник, - сказал Ичидзима. - Надеюсь, вы умрете спокойно". Он потрогал кадык. Палачи рассмеялись. Но под суровым взглядом Зорге они мгновенно притихли. Ичидзима спросил, не добавит ли Зорге еще что-либо к своему завещанию.

"Мое завещание останется таким, каким я его написал!" Тогда начальник тюрьмы спросил: "Имеете ли вы что-нибудь еще сказать?" - "Да, имею. Вы правы, господин начальник тюрьмы: сегодня у меня праздник. Великий праздник - двадцать седьмая годовщина Октябрьской социалистической революции. Я хочу добавить несколько слов к своему завещанию. Передайте живым: Зорге умер со словами: "Да здравствует Советский Союз, да здравствует Красная Армия!"

После этого Зорге повернулся к тюремному священнику и сказал: "Я благодарю вас за вашу любезность. Ваши услуги не понадобятся. Я готов".

Твердой походкой он прошел через тюремный двор. Очутившись в железобетонном мешке, не остановился перед алтарем, а направился прямо в камеру смерти, встал на крышку люка.

О чем он думал в последние минуты жизни?

Он заботился только об одном: своей выдержкой, спокойствием омрачить торжество врага. Он сам надел петлю на шею.

В 10.20 люк раскрылся.

В 10.38 Рихард Зорге шагнул в легенду...

Позже Макс Клаузен вспоминал: "Я хотел бы сказать еще несколько слов об одном японском товарище, который сидел вместе со мной. Я не помню точно его фамилии, кажется это был Судзуки. Во всяком случае, через тюремщика, который время от времени беседовал со мной на протяжении всего заключения и сообщал мне военные новости, я имел возможность встретиться с ним... Он рассказал мне, что Рихард был повешен 7 ноября 1944 года, что перед казнью он держался очень мужественно и воскликнул: "Да здравствует Красная Армия, да здравствует Советский Союз!"

Из протокола медицинской экспертизы известно: у Зорге было могучее сердце - оно билось еще целых 18 минут после того, как разведчика сняли с виселицы.

<h2>ЗАКЛЮЧЕНИЕ</h2>

Какова дальнейшая судьба людей, принимавших участие в работе организации?

Бранко Вукелич находился в Сугамо до июля 1944 года. Неожиданно Иосико разрешили свидание с мужем. Она взяла трехлетнего Хироси и отправилась в тюрьму. Свидание продолжалось всего несколько минут. Их разделяла решетка. Бранко протянул руки к сыну. Стражник отвернулся. Разговаривать приходилось громко, обязательно на японском. Вид Бранко был ужасен. Он почти совсем ослеп, остались кожа да кости. Но держался с присущей ему веселостью, острил и делал вид неунывающего человека.

Иосико понимала, какие вести его интересуют больше всего. Сказала по-английски: "Советские войска подходят к границам Германии".

Время истекло. Это была их последняя встреча.

Вукелича сослали на каторгу в Абасири (северная часть острова Хоккайдо).

В то время когда в окрестностях Сидзуока расцветают чайные кусты и камелии, на Хоккайдо свирепствует вьюга. Нет в Японии более мрачной тюрьмы, чем Абасири. В начале весны в здешних местах неделями стоят густые туманы, наступает сильное похолодание. Осенью рано выпадает снег, зимой морозы достигают двадцати градусов. Заключенные спят на оледенелых циновках. Потому-то с приходом зимы в Абасири умирают сотнями от крупозного воспаления легких.

Бранко в совершенстве владел разговорным японским языком, но письма жене и сыну писал на английском, так как запомнить несколько тысяч иероглифов он не мог. Тюремные цензоры переводили его письма на японский и только после этого отправляли адресату. Потому-то Иосико получала весточки от мужа с большим запозданием. Бранко скоро догадался, почему задерживаются письма, и всерьез занялся иероглифами, катаканой, хираганой.

Вукелич пережил Зорге и Одзакэ всего лишь на два месяца. В Абасири он не избежал участи многих: заболел крупозным воспалением легких.

Почувствовав, что смерть близка, он в конце декабря 1944 года отправил жене в Токио свое последнее письмо.

Вот его содержание:

"Извини, что это письмо задержано. Это произошло потому, что пришлось отложить его на 4-е воскресенье. Я получил письмо нашего мальчика, и, конечно, оно доставило мне большую радость. Ты, конечно, представляешь себе, как я восхищаюсь и вместе с этим беспокоюсь о твоей напряженной жизни. Прошу тебя: хорошенько позаботься о себе, ради меня, ведь я так люблю тебя. Как ты писала, от моральных сил зависит многое. Мне очень нравятся твои родители. Пожалуйста, будь к ним добра. Теперь для начала позволь мне ответить на твои вопросы. 1) Серебро необходимо возвратить. Его оставляли нам на сохранение. 2) Почтовый бювар я получил, но пользоваться им мне пока не разрешают. 3) Я хорошо разбираю и читаю твои письма, но, поскольку время на них ограничено, пиши как можно четче и яснее (теперешний стиль и почерк вполне меня устраивают). Я хочу, чтобы ты описала когда-нибудь в одном из своих писем твой полный день, с утра до вечера, в присутствии тебе интересном стиле. 4) Отвечай мне в письмах на все мои вопросы. Если что-нибудь не разберешь в моем письме - спрашивай. 5) Мне кажется, ты очень хорошо справляешься с воспитанием нашего сына в таких трудных условиях. Его привычка разговаривать с самим собой, должно быть, является результатом непостоянства окружающей среды - перемены места жительства, отсутствие знакомых людей и т. п. Отсутствие практики - это, должно быть, результат отсутствия юных друзей. Так или иначе, но это плохие привычки, но я надеюсь, что ты придумаешь, как исправить их. Что касается его способностей, то я считаю, как и все родители, что он талантлив. На фотографии он выглядит таким, каким я рисовал, когда был ребенком, но намного лучше и интереснее, чем его папа. Что же касается почерка, то я ведь начал писать первые буквы значительно позже. Может быть, здесь сыграла свою роль кровь Ямасаки, но я больше

всего отношу это за счет твоего отличного воспитания. Я, например, воспитывался большей частью по принципу "оставьте его в покое", подобно маленькому домашнему животному, поскольку этот метод воспитания считали в наше время наилучшим методом. Даже тогда, когда мои родители заметили, что у меня плохой почерк, они реагировали на это очень просто: "Его почерк станет лучше после того, как он повзрослеет. Зачем надоедать ему с этим сейчас?" Может быть, я еще не совсем повзрослел. А может быть, это является результатом пренебрежения начальным воспитанием, недостаточно настойчивым исправлением плохих привычек и т. п. Кстати, относительно слишком мягкого характера нашего сына. Пока в нем не проявляется отсутствие интереса или нелюбовь к работе, тебе не о чем особенно беспокоиться. Главное - привей ему привычку выполнять какую-нибудь работу, не вторгаясь, однако, в священный мир детских игр. 6) Что касается моей матери, то при отсутствии у тебя препятствий к этому пошли ей рождественские поздравления. Однако не торопись с этим, посмотрим, может быть, я получу разрешение послать поздравление сам, хотя я опасаюсь, что в этом случае оно может слишком запоздать. Жизнь сейчас такова, что для моей старой большой мамы, наверное, лучше было бы умереть, чем продолжать жить. Но если весточка от меня придет к ней вовремя, я уверен, это будет для нее большим утешением. Когда ты заботаешься о своих родителях, вспомни об этих моих чувствах. Мне хотелось бы позаботиться о твоих родителях даже больше, чем о своих, но я вынужден был разочаровать их всем этим, что они, должно быть, называют божьим наказанием. 7) В отношении моего здоровья не беспокойся так сильно. В течение последнего месяца рецидивов не было, и я быстро поправляюсь. Кроме того, я переношу холод гораздо лучше, чем ожидал. (Вот только мой почерк становится от него хуже, чем обычно.) Мы вполне можем рассчитывать на встречу в будущем году. Печка, которую я так долго ждал, наконец установлена; с ее появлением я сразу же вообразил себе картину: "Мы вдвоем. Жарится сакияки. Ребенок спит. В печке огонек... тепло так же, как сейчас..." Это было в действительности осенью. 8) Ты должна больше писать мне о своем здоровье. Тебе тоже нужно сходить к врачу. Пожалуйста, пришли мне свою фотографию и фото нашего ребенка. Может быть, мне разрешат посмотреть на них. И конечно, напиши мне письмо. Извини, что я не могу преподнести тебе никакого новогоднего подарка. Я посылаю лишь свои благодарности. Исторически этот новый год должен быть самым важным и самым трудным для Японии так же, как и для всего мира, и для нашего ни в чем не повинного маленького сына. Мысли о вас придают мне сил. Пожалуйста, расскажи нашему маленькому мальчику, как я был рад его письму. Позаботься о своем здоровье; я постараюсь быть бодрым.

Ваш папа.

СПАСИБО ТЕБЕ ЗА ПИСЬМО, ХИРОСИ.

ПАПА ОЧЕНЬ ЛЮБИТ ХИРОСИ.

ПРИСЫЛАЙ МНЕ ПИСЬМА ЕЩЕ.

ПАПА".

(Внизу примечание, сделанное рукой Иосико Ямасаки: "Это письмо было написано, по-видимому, в последнее воскресенье декабря 1944 года, но отправлено властями 8 января 1945 года, когда он уже лежал при смерти от воспаления легких".)

Документ потрясающей силы! Мы читаем эти строки и как бы

разговариваем с живым Бранко. Вот таким он и был: глубоко человеческим, мягким, со всегдашней доброй улыбкой. Сколько тут сдержанного чувства, желания не причинить боль любимой, сколько надежд, которым не суждено сбыться...

13 января 1945 года в сорокалетнем возрасте Бранко Вукелич скончался. Узнав о смерти мужа, Йосико поспешила на Хоккайдо. Но ей не показали даже места погребения. О, здесь умирает слишком много, могилу каждого не запомнишь...

После окончательного приговора в 1944 году Макса Клаузена перевели в отделение для уголовников, где находились также японские коммунисты. "Через тюремного служителя они передавали мне японскую газету на английском языке и многое другое. При чтении этой газеты нужно было соблюдать осторожность, потому что время от времени в глазок подсматривал тюремщик. Из этой газеты я узнавал, что происходило в мире и как решается война. Кроме того, я читал тюремную газету на японском языке. Из нее я узнал, что Красная Армия все время наступает и теснит фашистов все дальше на Запад".

Да, чтобы читать тюремную газету, Макс усиленно занимался японской письменностью и добился поразительных успехов. Иероглифы и катакана для него перестали быть загадкой. Книг заключенным не давали, но Макс сумел припрятать словарь японского языка.

10 марта 1945 года Токио подвергся налету американской авиации. Половина города сгорела дотла, тюремщики, забыв о своих обязанностях, отсиживались в бомбоубежищах. Много тюрем вместе с заключенными сгорело в тот день. Налеты продолжались до 26 марта. Последний отряд американских бомбардировщиков сбросил бомбы неподалеку от тюрьмы Сугамо. Загорелись деревянные постройки. "Горящие куски дерева разлетались по ветру и попадали в мою камеру, отчего сразу воспламенялась циновка. Дверь моей камеры была заперта, в то время как камеры других заключенных были открыты, с тем чтобы при необходимости они могли выскочить. Мне все время приходилось заниматься предотвращением пожара..." - пишет Макс.

На следующий день Клаузена отвезли в тюрьму Акита.

Анне Клаузен приходилось еще хуже. Два месяца спустя после вынесения приговора ее перевели из Сугамо в тюрьму Точиги. Здесь заключенные размещались в землянках, которые при дожде заливало. В коридорах ставили насосы, и заключенные выкачивали воду. В тюрьме насчитывалось более шестисот женщин, из них двести семьдесят политических. Заключенных по семнадцать часов в сутки заставляли изготавливать боеприпасы для армии. Кормили плохо. Смерть от недоедания, туберкулеза и других болезней считалась обычным явлением. "Меня содержали очень строго, совершенно изолировали от других, на прогулку выводили раз в месяц и в такое место, где другие не бывали". Во время налетов американской авиации заключенных сковывали общей цепью и выводили во двор, Анну оставляли в камере. 13 июля ее перевели в барак Э 3 - барак смерти. Тут держали в кандалах. "Моя камера была рядом с той, в которую складывали трупы. В проеме между камерами висела лампочка, в эту дыру из трупной камеры в мою проникало страшное зловоние разлагающихся трупов. В середине августа в ней лежали трупы по десять дней и больше. Пищи давали так мало, что трудно представить. Это были кукуруза, гаолян и еще какое-то месиво. От голода я не могла стоять на ногах".

Но советские разведчики стойко перенесли все мучения и лишения.

После разгрома Красной Армией Квантунской армии и капитуляции Японии Клаузенов освободили. Они обратились в советское посольство. Так как у Макса врачи обнаружили опухоль в печени, он попросил служащих из посольства устроить его в больницу. Через несколько часов Клаузенов отвезли на аэродром. Во Владивостоке Макс сделал операцию.

А потом их ждала Москва...

Макс всегда считал, что вся его деятельность направлена не только на защиту Советского Союза, но также на уничтожение фашизма и на построение социализма в самой Германии. Там, в Токио, он дрался за новую, социалистическую Германию. Подводя итог своей разведывательной деятельности, он мог гордо сказать: "Я стал разведчиком потому, что ненавидел фашизм и милитаризм и горячо любил свою родную Германию. Моя работа для СССР всегда являлась для меня также борьбой, за светлое будущее любимой Германии".

В 1946 году Клаузены переехали на родину Макса - в ГДР. Здесь оба вступили в Социалистическую единую партию Германии. Вскоре Макс стал инструктором по кадрам кепеникских судоверфей в Берлине. Он неоднократно завоевывал почетное звание активиста. Макс и Анна почти ровесники: в начале 1965 года они отпраздновали свое шестидесятишестилетие. Для них настала та мирная жизнь, о которой они так страстно мечтали многие годы.

Советское правительство высоко оценило подвиг боевых соратников отважного разведчика Рихарда Зорге: 19 января 1965 года Макс Клаузен награжден орденом Красного Знамени, Анна Клаузен - орденом Красной Звезды. Узнав о награде, Макс Христиансен Клаузен сказал:

"Дорогие друзья! С чувством радости и гордости мы узнали, что за нашу деятельность в Токио в составе разведывательной организации доктора Рихарда Зорге Советское правительство наградило нас боевыми орденами. Нам выпала высокая честь вместе с незабвенным Рихардом бороться против фашизма, против войны. Мы счастливы, что и наша работа явилась посильным вкладом в дело победы".

Министр государственной безопасности ГДР вручил Макс и Анне золотые медали за заслуги перед Народной армией.

29 января 1965 года Председатель Президиума Верховного Совета СССР передал жене и сыну Бранно Вукелича - Иосико Ямасаки и Хироси Ямасаки орден Отечественной войны 1-й степени - посмертную награду герою.

Автор этой книги имел возможность встретиться с Иосико и Хироси Ямасаки. Тоненькая, небольшого роста женщина, скромно одетая, глуховатым голосом неторопливо рассказывала о живом Бранко. Несмотря на свои пятьдесят лет, Иосико выглядит очень молодо. Живет она в Токио, работает переводчицей в пресс-секции чехословацкого посольства.

Что рассказала нам Иосико Ямасаки?

"У меня хранятся 159 писем, которые прислал мне Бранко из тюрьмы. Я вышла замуж 26 января 1940 года и прожила с Бранко всего двадцать месяцев. После его смерти мое горе было так велико, что я хотела покончить с собой. Но затем, чтобы выполнить его желание, полностью отдалась воспитанию нашего единственного сына. Пусть будет таким, как отец: честным, искренним, душевным, умным, храбрым.

Дело Зорге в Японии стали оценивать правильно, когда поняли, за что он боролся. Слезы радости выступают на глазах, когда вспоминаю

слова мужа: "Мы боремся за мир. Сейчас стремимся к тому, чтобы не было войны между Японией и СССР". Я без колебания поклялась, что во всем буду следовать за ним. Вы спрашиваете, какой день в моей жизни самый счастливый? Я хорошо помню тот день. Бранко вернулся вечером и сказал: "Наш брак признали официально. Наши советские друзья поздравляют нас!.." Когда фашисты напали на Югославию, Бранко рвался на родину. Он хотел участвовать в партизанской борьбе".

Хирози учится на родине отца - в Югославии, в аспирантуре при Белградском университете. До аспирантуры он занимался на экономическом отделении юридического факультета Токийского университета. У Хирози есть югославское имя: в Белграде его зовут Лавославом. Сейчас ему 24 года. Мать и сын недавно навестили родных Бранко Вукелича, которые живут в Сербии.

...После казни Рихард Зорге тайно был похоронен на токийском кладбище Тама. Кладбище знаменито тем, что здесь покоятся останки сотен бойцов-антифашистов. Дом, в котором проживал Зорге, полиция сожгла: пусть ничто не напоминает о советском разведчике! После войны друзьям Зорге пришлось провести тщательные розыски, чтобы найти его тело. Останки героя обнаружили в одной из братских могил. "Рамзая" опознали по вставным золотым зубам и огромным ботинкам; имелись и другие приметы: например, всем было известно, что у Зорге одна нога короче другой - следствие давнего тяжелого ранения.

В 1956 году, то есть двенадцать лет спустя после казни, над могилой Зорге друзья установили памятник - гранитную плиту с надписью:

- [16](#)

РИХАРД ЗОРГЕ

1895-1944

На другой стороне плиты высечены слова:

Здесь покоится герой, который отдал свою жизнь в битве против войны, за мир во всем мире. Родился в Баку в 1895 году, приехал в Японию в 1933 году, был арестован в 1941 году, казнен 7 ноября 1944 года.

В июне 1965 года мы встречались также с верным другом и помощником Зорге японкой Исии Ханako. В Японии широко известны ее книги. "Человек - Зорге" и "Все о встречах с человеком по имени Зорге".

Когда потребовались деньги на сооружение памятника над могилой Зорге, Исии внесла в общий фонд свой гонорар, полученный за книги.

Исии Ханako пятьдесят четыре года. Живет она в Токио. Ее давней мечтой было увидеть родину Зорге - Советский Союз. Эта мечта исполнилась. Да, она увидела Москву. В глубокой печали и задумчивости шла она по улице имени Зорге. Ее друг стал как бы неотъемлемой частицей великого города - и в этом торжество его благородного дела.

"Зорге был человеком особого душевного благородства, - сказала Исии Ханako. - Он всегда проявлял заботу о других и мало заботился о себе. Он хотел мира для всех людей. Я это знаю, знаю..."

Исии - не только артистка, певица, но и талантливый скульптор. Своими руками она изваяла бюст Рихарда Зорге. Этот бюст стоит в ее квартире.

Исии мечтает воздвигнуть со временем над могилой своего друга большой памятник.

На могиле советского разведчика всегда цветы: их приносят простые люди Японии, студенты, друзья Зорге. Память о нем не умирает в Японии.

Рядом с могилой Зорге - обелиск с именами Одзаки, Вукелича, Мияги. На могилу Одзаки Ходзуми часто приходит жена Одзаки - Эйко. Иногда из Иокогамы приезжает сюда дочь Йоко - сейчас она преподаватель иокогамского института.

Беспримерный подвиг советских разведчиков изумил мир. Но о самом подвиге узнали не сразу. В Японии о судебном процессе по делу организации Зорге не писали, только краткое упоминание было сделано в печати в мае 1942 года. В сообщении японская контрразведка пыталась связать членов организации с японской компартией, с Коминтерном, дабы лишней раз в глазах общественности оправдать свое участие в преступном "антикоминтерновском пакте". Однако материалы следствия целиком изобличают миф о причастности организации к Коминтерну, о ее связях с японской компартией. Подлинники некоторых документов, относящихся к процессу, исчезли во время пожара в министерстве юстиции в 1944 году. Все важнейшие документы, связанные с делом организации, в 1945 году прибрала к рукам американская разведка.

Американская секретная служба штаба дальневосточного командования, завладев материалами, в течение ряда лет кропотливо их изучала, надеясь разгадать тайну советской разведки, понять побудительные мотивы действия Зорге и его товарищей.

Разгадать тайну не удалось. Орешек оказался не по зубам. Оставалось лишь лицемерно восхищаться: "Вероятно, никогда в истории не существовало столь смелой и столь успешной организации..."

Деятели империалистических разведок, привыкших опираться на морально разложившихся перерожденцев, убийц и диверсантов, поставило в тупик бескорыстие Зорге и его товарищей, их мужество и самоотверженность. Американская разведка, содержащая на службе, по сообщению хорошо осведомленного журнала "Ньюсуик", сто тысяч человек, построена на подкупе, вероломстве, интригах. Здесь все продается и покупается, здесь тоже каждый старается сделать свой бизнес. Ни для кого не секрет, что американское правительство расходует в общей сложности на разведку и подрывную деятельность против стран социалистического лагеря три миллиарда долларов в год. В этот же диверсионный фонд щедро течет золотой поток от фирм Дюпона, Меллона и других. Создатель Центрального разведывательного управления Гарри Трумэн в свое время цинично признал, что ЦРУ "в глазах многих превратилось в символ коварства и таинственных интриг за границей".

Зорге и его соратники никогда не прибегали к насилию, шантажу, подкупу, диверсиям и другим черным приемам разведок империалистических держав. Врагам социалистического государства они противопоставили аналитический ум, творчество, изобретательность, твердую дисциплину и безукоризненную конспирацию.

Во главе организации стоял не "рыцарь плаща и кинжала", а мыслитель, человек, беспредельно преданный Коммунистической партии и Родине, борец с фашизмом, бесстрашный борец за мир во всем мире, подлинный гуманист, отличный дипломат и тонкий политик, общественный деятель большого масштаба. Потому-то Рихард Зорге стал символом мужества и бескорыстного служения своему народу, прогрессивному

человечеству всего мира.

Организация Зорге вела смертельную борьбу с поджигателями войны, она защищала социалистическое государство. В этом величие ее подвига. Зорге сумел сплотить в монолитный коллектив людей доброй воли, долгие годы был не только их руководителем, но также идейным наставником и воспитателем. Он собрал вокруг себя истинных гуманистов, испытанных бойцов против фашизма и милитаризма. Дело защиты Советского Союза стало также делом японских патриотов. Нет, не за деньги и награды рисковали они своими жизнями. Даже американцы вынуждены были признать: "Это успешное достижение практически ничего не стоило Советскому Союзу. Они даже пытались сократить свои расходы и в 1940 году приказали, чтобы часть доходов от Клаузена шла в организацию... Одзаки, например, никогда не получал ни гроша для себя и фактически терпел убытки. Конечно, та информация, которую Зорге отправил после 22 июня 1941 года, помогла сэкономить Советскому Союзу много миллионов долларов. Так как это имело большое влияние на развертывание советских войск и, следовательно, на приостановление немцев в самый критический момент войны, то их общая стоимость неисчислима".

Как видим, все подсчитано с бухгалтерской скрупулезностью. Разумеется, Клаузена никто не приказывал отчислять скромные доходы от мастерской в фонд организации. В том не было необходимости. А если бы потребовалось, Клаузен, не задумываясь, отдал бы все, вплоть до жизни. И Одзаки меньше всего размышлял над тем, какие он терпит убытки, ставя под угрозу собственную жизнь и благополучие горячо любимой семьи.

Не деньги, а более могучая сила руководила всеми их помыслами и действиями: идеи марксизма-ленинизма, высокий интернациональный долг. Этого-то как раз и не понять никогда представителям империалистических разведок.

Буржуазные историографы и писатели, фальсификаторы всех мастей, узнав о подвиге Рихарда Зорге, сразу же подняли сенсационную шумиху. Беспрецедентный случай в истории разведок всего мира! Померк ореол душителя народов Ближнего Востока и Африки Лоуренса, закатилась звезда Мата Хари... За короткий срок книжный рынок был наводнен сенсационно-детективными книжонками, брошюрками, в которых до неузнаваемости искажался образ Зорге.

Фальсификаторов меньше всего интересовала истина. Одни из них историю Зорге решили использовать в целях антикоммунистической пропаганды. Отважный советский разведчик наделялся чертами, совершенно не присущими ему, представлялся таким хладнокровным злодеем, бесшабашным гулякой и донжуаном, шантажом и насилием, подкупам заставляющим работать на себя. Был пущен в ход весь нехитрый набор бульварно-детективной литературы: нагромождение ужасов, любовных похождения, взламывание сейфов, похищения и предательства.

Более изощренные поняли, что на эту неумную приманку никого не поймашь. Они пошли по другому пути: нужно всячески принизить роль советского народа в Великой Отечественной войне, выставить Зорге героем-одиночкой, чуть ли не спасителем Советского Союза, гиперболизировать его подвиг. Фальсификаторы этого толка не скупилась на похвалы Зорге, называя его разведчиком века, разведчиком-идеалистом, разведчиком-фанатиком.

Похвала в устах врага всегда дурно пахнет.

Сам Рихард Зорге более скромно оценивал заслуги организации перед

Советским государством. Великолепный диалектик, истинный коммунист, он хорошо понимал, что историю вершат не личности, а народы. Своевременная информация, предупреждение могут повлиять на течение войны, сократить жертвы, но исход войны в конечном итоге решают организованная сила народа, моральный и военный потенциал страны. Информация, которую посылал в Центр Зорге, носила действенный характер: благодаря этой информации Советское правительство всегда было в курсе того, как развиваются германо-японские отношения, с какой стороны Советскому Союзу грозит наибольшая опасность. Трудно перечислить все, сделанное организацией Зорге в этом направлении. Но Зорге отдавал себе отчет в том, что сведения, добытые им, являются лишь некой долей в общей копилке советской разведки. Велика или мала эта доля, он не мог судить; он работал не ради славы и считал себя рядовым тружеником военной разведки.

Подвиг Рихарда Зорге и его товарищей не нуждается в преувеличении, он значителен сам по себе.

Очутившись в стране, в которой он никогда до этого не был, Зорге, несмотря на крайнюю подозрительность японской полиции к иностранцам, в условиях беспрестанной слежки, а также контроля со стороны гестаповцев, обосновавшихся в германском посольстве, сумел развернуть успешную разведывательную деятельность, создать разветвленную организацию, заставить работать на нее "мозговые тресты" Японии и Германии, охватить все области жизни этих стран. И хотя территориально организация находилась в Японии, острие ее деятельности было направлено против фашистской Германии. Информация о Японии носила превентивный характер: Зорге следил, как развиваются германо-японские отношения и существует ли в связи с этим опасность нападения милитаристской Японии на дальневосточные границы Советского Союза.

Прогрессивные люди Японии отлично разобрались во всем, дали справедливую, объективную оценку деятельности организации Зорге. Современный японский историк Фудзивара Акира пишет: "В обстановке международной политики того времени Зорге и его товарищи решали наиболее трудную задачу - как практически осуществить борьбу за мир, и с высоким героизмом отдались деятельности, которую рассматривали как самую важную для интересов человечества". (Японский исторический журнал "Рэкисигаку Кэнкю", Э 4 за 1963 год.)

В Японии интерес к подвигу Зорге и его соратников велик и не затухает с годами. В Токио в 1962 году был выпущен трехтомник, включающий основные материалы судебного процесса над организацией Зорге; дальний родственник Одзаки по линии отца - Одзаки Хоцуки написал книгу, посвященную героям; в журналах и газетах печатаются воспоминания жены Вукелича Иосико Яасаки и людей, близко знавших Одзаки и Мияги; огромными тиражами переиздаются посмертная книга Одзаки Ходзуми "Любовь, подобная падающей звезде" и записки Исии Ханако.

Организация Зорге внесла свой посильный вклад в общее дело разгрома врага всего человечества - германского фашизма.

Потому-то во всех уголках земного шара не угасает с годами интерес к личности Зорге и его делам.

Кто вы, доктор Зорге?..

Рихард Зорге сам ответил на этот вопрос. Ответ предельно лаконичен: "Я - коммунист!" Этим, по сути, сказано все. На пороге

смерти отважный разведчик, как нам уже известно, торопился ответить именно на один-единственный вопрос: "Почему я стал коммунистом?" Самое главное, самое важное, что он хотел донести до нас, до всех людей доброй воли: Зорге был и остался до последнего мгновения коммунистом! Он умер за великую идею. Его воспитала Коммунистическая партия, он был сыном партии и все свои дела оценивал как задание партии. Да, он пожертвовал всем: личным счастьем, всеми радостями спокойного бытия, карьерой ученого и самой жизнью. Но он знал более высокое счастье: служение своей Родине!

"Правда", посвящая страницы памяти Зорге, 6 ноября 1964 года писала: "Только через двадцать лет сложились условия, позволяющие рассказать правду о Зорге. По достоинству оценены его выдающиеся заслуги перед Родиной, его мужество и героизм. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1964 года товарищу Рихарду Зорге посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Люди доброй воли с великой благодарностью вспоминают коммуниста-интернационалиста, пламенного антифашиста и борца за мир - советского разведчика Рихарда Зорге".

Подвиг во имя высоких идеалов не может исчезнуть бесследно, перед ним бессильно даже само время. Подвиг военного разведчика Рихарда Зорге получил признание всего советского народа. Пожалуй, не найдешь в нашей огромной стране человека, которому не было бы известно о героических делах Зорге. Его подвиг нашел горячий отклик в сердцах и мыслях советских людей.

Рихард Зорге! Ика Зонтер... Он прожил удивительную жизнь. Он родился в России, рос в Германии; был солдатом и шахтером; принимал участие в революции; сделался революционером-профессионалом, редактировал партийную газету; стал доктором государственно-правовых наук. Он исколесил Голландию, Италию, Швейцарию, Швецию, Китай, побывал в Америке и Канаде; над его головой шумели криптомерии Японии и пальмы Гонконга. Но сердце его принадлежало Родине - Советскому Союзу, Москве... Он сам избрал свой тяжелый путь разведчика, так как его кипучая натура не мирилась со злом и требовала немедленного действия.

Мы сроднились с ним, и нам легче представить Рихарда неторопливо идущим по Арбату, среди нас, чем там - на Гинзадори, под изогнутыми черепичными крышами страны Ямато, в аллеях парков Уэно и Хибия, ибо он воплотил в своей личности многие наши идеалы. Его жизнь была соткана из приключений. Но самое главное из них - это приключение интеллекта, поединок разума с силами тьмы, и из этого поединка Зорге вышел победителем.

Он не привык склонять свою гордую голову перед врагами и не склонил ее до конца. Мы знаем: в последние минуты, когда уже не было ни солнца, ни синего неба, он мысленно был с нами.

Он идет, высокий красивый человек с добрыми внимательными глазами мыслителя и спокойной улыбкой мудреца, идет по земле, переходя из города в город, из селения в селение: это бессмертная слава коммуниста, Героя Советского Союза Рихарда Зорге шагает по планете.

1. Операция "Рамзай"
2. "Профессия - интеллигент. Призвание - партийная работа"
3. Заповеди разведчика
4. Эйген Отт делает карьеру
5. Домой, в Москву!
6. Приключения Макса Клаузена
7. Организация за работой
8. Высокие сферы
9. Эйген Отт становится хозяином положения
10. Пульс мировой политики
11. Двадцать четыре часа в сутки
12. Грозный триумф
13. Арест и следствие
14. "Любовь, подобная падающей звезде" и смерть
Заклучение